

MAX AUSTEN

СПАСИ МОЮ ДУШУ

ДЭВИД
ДЭВИД

«Любовь здесь незаконна. Обычному человеку не знакомо это чувство. Любишь, значит маг. Маг — значит, преступник. Тебя ждут тюрьма, пытки в лабораториях и смерть. А ты, Олесь? Ты и твои друзья — вы маги? Что ж. Тогда старуха с косой дышит вам вслед. Беги. Пока охотники тебя не настигли, не схватили твое тощее тельце и не кинули в камеру, у тебя только один выход — бежать. Мне кажется, ты что-то говоришь, Олесь? Ты хочешь спасти мир, подарить безжалостным людям любовь? Не смей. Она им ни к чему. Забудь о наивных мечтах: мир безнадежен, ты можешь спасти только себя. Ну же, хватай рюкзак — и беги».

Спаси мою душу

Глава 1. Путь в никуда

Матвей должен был умереть. Он понял это еще восемь лет назад, ночью, когда отец сказал ему: «Тебе уже четырнадцать — взрослый парень. Иди-ка ты куда хочешь, пока я не сдал твою шкуру охотникам». Таких, как Матвей, или убивали, или пускали на бесконечные опыты, проводимые в лабораториях и тюрьмах. «Тебе не жить, парень», — произнес отец с небольшой ноткой сочувствия и выгнал сына из дома.

Повеяло холодом. Матвей дернулся во сне, затем очнулся. Сначала он попытался вспомнить свое имя, а затем предположить, где очутился. И если с первой задачей трудностей не возникло (маленькая татуировка с именем всегда была чуть ниже левого локтя), то со второй он пролежал, пялясь вверх, еще минуты две. Потолок отсвечивал оранжевой луной и вызывал в памяти желтые глаза Марка.

Марк!

Матвей отбросил одеяло, вскочил и, словно в лихорадке, заметался по одноместной палате. Он находился в больнице — в этом не было сомнения. Ему удалось даже вспомнить, почему он оказался здесь: сюда его послал Марк выкрасть лекарства.

Нащупав в тумбочке черные брюки и футболку, Матвей за три секунды оделся и поспешил к двери, но запоздалая мысль о том, что на нем нет обуви, заставила его устремиться к шкафу.

Выкрасть лекарства у него не получилось по одной простой причине: он встретился с отцом, когда взламывал аптеку на первом этаже. Отец был единственным охранником на дежурстве, он мог бы позволить родной крови «позаимствовать» кое-что, а затем уйти. Но нет. Они подрались, да так, что Матвей оказался на больничной койке.

Свет луны позволил увидеть кроссовки в черно-белом шахматном рисунке, и Матвей напялил их. Сумка, с которой он пришел за лекарствами, лежала на верхней полке — ее было решено оставить.

Восемь лет скитаний по русской земле. По земле магов и немагов — жертв и охотников. Неподдельный Ад для каждого, кто являлся не таким, как все, кто носил статус преступника. Секунды, пролетевшие сквозь песок за эти восемь лет, потрачены лишь на достижение одной цели — выжить.

Матвей усмехнулся: он не переставал удивляться глупости людей. В этом мире преступником считается тот, кто умеет любить. Матвей дернул ручку — закрыто. Усмехнувшись во второй раз, он прислонился спиной к двери и посмотрел на распахнутое окно. Неужели можно поверить, что его заперли здесь с благой целью? Нет. В любую секунду в палату ворвутся охотники. Схватят — тогда-то ему не жить.

А еще не жить, если он не успеет добраться домой до отъезда. Идея Марка уехать всей компанией в Челябинск Матвею не понравилась, хотя ему многое не нравилось, но когда говорят по-хорошему «Мы знаем, кто вы, поэтому уезжайте-ка из города, пока не появились проблемы», знаешь, что ничего другого не остается.

Матвей, подойдя к окну, с осторожностью кота выглянул наружу. Он помнил, что в начале августа рассвет приходится на четыре утра. Судя по черноте неба и безлюдному двору больницы, сейчас где-то одиннадцать-двенадцать часов. Значит, к отъезду он может не успеть. Матвей глянул вниз и оценил высоту. Второй этаж — прыгнуть проще простого.

Маги сильно отличались от обычных людей. В первую очередь тем, что умели по-настоящему любить. Магов люди всегда боялись и ненавидели. Не только потому, что им не знакомо это чувство, но еще из-за чанка: так ученые называли сверхъестественную способность, уникальную для каждого мага. Чанком может быть левитация, регенерация, психокинез, апперцепция — что угодно. Матвею повезло: у него редчайший дар — поцелуй смерти.

«Лучше бы я умел летать», — подумал Матвей, цепляясь за подоконник. Он пару раз выдохнул, затем прыгнул в прохладную ночь.

— С Матвеем или без него, мы уедем через двадцать минут. Олесь, Катя, вы меня слышали? — напомнил Марк, хватая чемодан Хмылки.

— Ой, да иди ты к черту! — Хмылка запустила в него туплей.

Она не любила, когда кто-то называл ее настоящим именем. А когда этим «кем-то» оказывался Марк, то вовсе приходила в бешенство.

Укладывая посуду в сумки, Хмылка ворчала:

— Не хватало, чтобы старый пердун указывал нам, что делать! Мы без Матвея не уедем!

Собираться приходилось быстро. Она по глупости женской в очередной раз доверила свою работу собирать вещи Олесю. Но он, вероятно, возложив такую ответственность на Сатану, взрослую хаски, проспал до десяти вечера.

— Псину свою забери! — крикнула Хмылка Марку в коридор, когда хаски с увлечением разбросала из сумки бережно сложенные Олесем футболки и джинсы.

Видя, что парень не может нормально сложить рубашку, Хмылка бросила бутылку с водой в рюкзак и через свалку вещей направилась к нему. Ноги Хмылки споткнулись о банки с краской, и она упала лицом в жесткий диван. Злость разобрала ее, и в результате взорвалась одна из трех лампочек на люстре. Ей удалось кое-как доползти до Олесь и отобрать рубашку.

— Ужас, товарищ! Кто тебя учил так комкать, а?!

Она сердилась почти круглосуточно, семь дней в неделю. Или шесть дней — как повезет. Все дело в ее чанке — особой форме психокинеза, когда энергия гнева позволяет разрушать мебель, стены, а то и дома, и оглушать или даже убивать людей. Главная проблема Хмылки и ее друзей в том, что она в свои двадцать один год так и не научилась управлять способностью.

Олесь виновато опустил голову, убрал упавшие на глаза блондинистые волосы.

— Ну, а чего ты ждала от талантливого лентяя?

Сзади них раздался грохот. Обернувшись, Хмылка увидела распластавшегося на полу Марка. Вероятно, он споткнулся о банки с красками.

— Нога вот... захромала, — простонал он, — и я тебя всего на десять лет старше, так что не начинай про старого...

— Ой, заткнись, пока я тебя не убила!

И Марк заткнулся, ведь знал, что ее на эмоции лучше не выводить, запустил в каштановые волосы руку и почесал голову. Затем со строгостью учителя обратился к Олесю:

— Краску мы не возьмем. Все равно в пути рисовать не будешь, а на новом месте уж как-нибудь разберешься.

— Не слушай старого болтуна, — нервно хохотнула Хмылка.

Окончательно все расшвыряв, Сатана бросилась из комнаты. Олесь все так же с

понишкой головой собирал разбросанную одежду и просто кидал в сумки и рюкзаки. Когда Марк наконец поднялся и ушел за собакой, Хмылка приблизилась к другу, прижала ладони к его щекам и заглянула в зеленые встревоженные глаза. Олесь прошептал:

— Матвей... должен был... еще часа два назад.

Хмылка обняла его и ответила:

— Да скоро вернется твой Матвеюшка. А если и нет, мы его не бросим. Ни за фто!

Вряд ли Хмылка нашла бы кого-то дороже этих парней, сложишь все иначе. Если бы пять лет назад она, истекавшая кровью, случайным образом не остановила автодом, в котором находились Матвей, Марк и Стас, то непременно сгнила бы где-то на одной из дорог Казани. Стас — тоже хороший друг, но сейчас он сидит в машине с остальными, готовый к поездке, а не помогает с вещами. И только Матвей и Олесь — ее семья, братья по духу. Втроем против всего мира. Так было последние три года и так остается.

Хмылка отстранилась и, улыбнувшись, засунула кулон Олесья в виде пачифика под розовую футболку с надписью «реасе». Она считала, что кулон с футболкой не сочетается, а внимательный к одежде Олесь носит его поверх ради позерства.

Велев парню собирать банки и тюбики с краской, Хмылка принялась застегивать сумки. С каждой минутой ее все сильнее охватывало волнение. С Матвеем наверняка что-то случилось. Она отправилась бы в больницу спасать друга, если бы Марк не дал ей поручение: «состричь деньгу», проще говоря, обчистить карманы людей. Хмылка добыла всего тридцать пять тысяч «российских», чем огорчила лидера группы, и вернулась домой только пятнадцать минут назад. Приблизительно тогда прибыл и дом на колесах, а в нем — Марк, Стас, Лейсана и Акси́нья. Олесь в то время еще спал, поэтому багаж не был готов.

— Олесь, у меня такое чувство, что Марк хочет нас бросить в этом сраном городке, — поделилась мыслями Хмылка и застегнула рюкзак, — иначе почему он не скомандовал остальным помочь нам со сбором?

В комнату ворвался Марк.

— Помяни черта... — озлобилась Хмылка.

— Так, закругляйтесь. Чтобы через минуту были...

Он не успел закончить предложение — полетел старый ламповый телевизор и врезался ему в лицо. Марк и телевизор с грохотом упали. Хмылка с деланным равнодушием села рядом с ним и съехидничала:

— Прости, Маркуша, я не со зла.

Она помогла лидеру сдвинуть телящик, затем схватила его за подбородок, пальцы сразу окрасились горячей кровью, брызнувшей из носа. И почти ласково, но очень серьезно сказала:

— Можешь сколько угодно находить отговорки, чтобы кинуть нас, но мы семью не бросаем. В этот раз телевизор, в следующий — возьму топор и отрублю тебе ногу.

Хмылка вытерла ладонь о классическую белую рубашку лидера. Она знала, как заставить его отложить поездку. Марк владеет регенерацией, способностью исцеляться. И чтобы исцелить лицо после удара телевизором, ему нужно время — хотя бы минут пять.

Лейсана сидела на кожаном диванчике автодома и листала собственную книгу. На твердой, уже потрескавшейся обложке мелким почерком написано «Лейсана Медведева: История магии». В течение нескольких лет она вписывала сюда все свои знания. От Министерства борьбы с магами и до классификации чанков.

Устало зевнув, Лейсана прислушалась к тому, что происходило в конце фургона на кровати. Тихий смех Стасика и Аксиньи, веселое «чириканье» двух влюбленных — в общем, ничего интересного. Лейсана поднялась, чтобы заглянуть в зеркало. Всегда надо быть красивой — так она считала. Особенно в компании Марка. Зеркало показало грязноватое пятно на белой майке, идеально сидящей на теле. Лейсана скрыла пятно шелковым, изумрудного цвета кардиганом и проверила, нет ли пятен на лазурного цвета шортах. Ее синие волосы выбились из «ракушки», а лицо было не таким гладким и свежим, как утром; широкие зеленые глаза потускнели — сказывалась усталость.

Лейсана устала не только от подготовки к отъезду, но и от жизни преступницы. Весь бег по городам от убежища к убежищу — ради чего? Все маги желают мирной жизни, но своей нерешительностью убивают такую возможность. И с каждым днем Лейсана больше склоняется к идее Матвея, нежели Олесь. Олесь считает, что границу непонимания между людьми и магами можно разрушить мирным путем и даже больше: в их силах подарить людям любовь. Матвей же уверен: единственный конец войне — революция, захват власти. Иначе зачем им даны боевые чанки, если они ими не пользуются?

Усевшись за «Историю магии», Лейсана открыла случайную страницу. Она верила, что можно найти третий путь, который есть всегда, лишь не виден обычным зрением.

Вот страницы, где рассказывается о различиях между обычным человеком и магом.

«Самое главное отличие — люди не могут испытывать чувство любви, ни любовь дружескую, ни романтическую, ни родительскую, ни патриотическую, ни какую-либо еще. Впрочем, отголоски любви у них есть, и выражены они в похоти, сострадании, привязанности, приверженности к каким-либо вкусам, предпочтениям и т. д. и т. п., которые распространены среди людей в разной степени выраженности. Кто-то очень сострадателен, кто-то вообще не знает этого чувства. Кто-то привязан к еде, например, к пище, да так, что и дня прожить без нее не может, а кто-то другой с безразличием относится ко всему, кроме спорта, и лишь спорт — его страсть».

Послышался топот лап и скулеж. Лейсана повернула голову, ей тут же по носу прошелся шершавый и влажный язык Сатаны. Сердце Лейсаны залилось теплом.

— Я тоже рада тебя видеть, моя хорошая, — засмеялась она, обнимая собаку.

В отличие от почти всех колдунов и ведьм земли, Лейсана владела двумя чанками. Первая способность — считывание информации при касании к предмету — это позволяет увидеть «жизнь» предмета от его создания и до настоящего. Вторая — понимание животных, считывание их настроения, отношения к кому-либо и состояния здоровья. И Лейсана — единственный человек женского пола, к которому хорошо относилась Сатана.

Позволив Сатане сесть у окна, как она любила, Лейсана вернулась к «Истории...».

С тринадцатой страницы по девятнадцатую прямым почерком немного написано о гипотезах появления магов. Впервые они были замечены в начале двадцатого века, зарегистрированы случаи нападения на людей со сверхъестественными способностями. «С 1956 года начались гонения: в большинстве стран мира маги признаны преступниками, приговариваемыми к смертной казни. В 1960 году обязательная смертная казнь отменена; с этого года преступников со сверхспособностями стали раскидывать по специализированным тюрьмам, а из тюрем их ссылали в лаборатории».

С двадцатой страницы ведется рассказ о лабораториях. «В 1961 году в Британии и России появилась лаборатория Оруэлла, где изучалось происхождение колдунов и ведьм, ставились опыты. В 1971 году создана лаборатория Булгакова, сделавшая больше открытий,

чем предыдущая. Лаб. Булгакова изучает магов от и до, опыты носили и носят более грандиозный характер. Именно в ней ученые выяснили, что магическая кровь не относится к какой-либо конкретной группе: их группа крови по неизвестным причинам может меняться, причем в разные временные отрезки по-разному; хотя были известны и случаи, когда она менялась и у обычных людей. Удивительным открытием для ученых стало изменение и резус-фактора».

Большую часть информации для книги Лейсана собрала в школе для магов в Арзамасе, где обучалась и преподавала в течение двух с половиной лет. Она успела узнать, что учеными никаких серьезных различий между людьми со сверхспособностями и немагами найдено не было. Исключая способности, само собой, — их природа так и не изучена. Существует гипотеза, что все люди раньше умели любить, но это чувство стало исчезать в процессе эволюции: люди попросту перестали нуждаться в любви.

С кровати раздался звонкий голос ее лучшей подруги:

— Лейсанин!

— Ау?

— А там, куда мы едем, будет театр?

Аксинья любила исключительно крупные города: в них больше возможностей хорошо провести время. Последние два года, после того как школу магов накрыли охотники, им пришлось жить в маленьком городке, и Аксинья успела забыть, что такое культурный отдых.

Лейсана с горечью вздохнула. В театрах не показывали ничего интересного, музеи были пусты, парки не ухожены, в ресторанах не играла живая музыка, а в студиях по занятию танцами или фитнесом всегда находились люди. Со второй половины двадцатого века многое стало под запретом. Обвинения в использовании магии шли как в адрес обычных людей, так и знаменитых музыкантов. Рок, джаз, блюз и классическая музыка? Частично под запретом. Потому что некоторые музыканты — колдуны и ведьмы, следовательно, по логике Министерства, их деятельность и продукты опасны. А то, что не под запретом — не звучащее. Мертвое.

— Лейсанин?!

— Будет, конечно будет.

«Что в театрах интересного? Изучать историю или сидеть в библиотеке намного... мудрее», — проскользнули обреченные мысли Лейсаны.

Сатана уткнулась носом ей в шорты. Глядя собаку, Лейсана прочла: «Лаборатория Кинси в 1999 году начала изучение сексуальности магов, но в настоящие дни в ней рассматривается их поведение. Выяснилось, что сексуальная ориентация большинства — пансексуальная. Они с безразличием относятся к гендерной идентичности при выборе партнера, считая важным лишь духовную близость, оттого и к сексу интерес не испытывают. Музыкант-маг Макс Остин прокричал, прежде чем его казнили: «Вы — жаждущие тела, а мы — душу!». Во всех странах без исключения приветствуется только гетеросексуальный образ жизни, в некоторых государствах, где существует проблема с ростом населения, он даже обязателен, например, в России. В нашей стране является обязательным рождение в браке как минимум одного ребенка. Помимо этого, считается хорошим тоном содержать в доме животных. Учитывая, что не все люди способны ухаживать за существом, к которому они не испытывают чувств, подобное встречается крайне редко и обычно лишь в семьях, способных нанять специалиста по уходу за животными».

Основная масса людей живет по принципу «что о нас скажут другие», где «нас» —

семья. Лейсана это поняла быстрее друзей, ей повезло быть сверхпроницательной.

— Надеюсь, машина хоть с места тронется, — послышался отдаленный голос Хмылки.

В салон поднялись по очереди Хмылка, Олесь и Матвей с рюкзаками, затем появился Марк в окровавленной рубашке. Лейсана встрепелась и, никого не замечая, бросилась к нему.

— Кто посмел?!

— В шкафу черный чемодан, в нем рубашки. Принеси одну.

Марк на мгновение перевел взгляд на Хмылку, и Лейсана все поняла. Она поспешила за рубашкой, стараясь не злиться на нее.

Рубашек было шесть. И все — белые. Черные брюки, белая рубашка, классические туфли или эспадрильи — неизменная одежда лидера группы. Лейсана взяла одну и направилась к тому, кого любила.

«Может, он все-таки аромантик?», — Лейсана удивилась своим мыслям. Почти год она пыталась добиться взаимности от Марка, но вышло лишь недоразумение.

С приходом неразлучной троицы в доме на колесах стало тесно, душно и шумно. Даже когда Матвей и Олесь открыли окна и люк, Лейсана чувствовала, что задыхается и вот-вот вспотеет.

Марк переоделся, бросив кровавую рубашку на пол, и сел в кресло водителя.

— Ну, что? Двигаемся! — чуть приободрился лидер, застегивая ремень.

Лейсана села за столик у окна, напротив Олесь и Матвея. За окном замелькал свет фонарей — наконец-то двинулись. Олесь выглядел расстроенным, Лейсане показалось, что он вот-вот расплачется. Матвей же на своего парня не обращал внимания, а, прижав его к себе, смотрел на мчащийся асфальт.

— Олесь, ты чего? — обеспокоилась Лейсана.

— Я журналы забыл.

— Какие? — без намека на эмоции спросил Матвей.

— Ну, мои... «Белоснег» и «Мужские вопросы».

— И зачем тебе? Прочитал ведь! — Матвей слегка изогнул черные брови.

Губы Олесь задрожали, после выпалили:

— Ты же осень любишь, но все равно каждый год радуешься желтым листьям, прыгаешь по ним, ползаешь, даже спишь в листьях, словно их ни разу не видел!

Из люка подул прохладой. Лейсана мысленно помолилась космосу за отступающую жару и перенаправила свою радость на Олесь. Через столик потрепав его по щеке, пообещала:

— Я тебе новых куплю сколько захочешь. Лучше прежних. А если так невтерпеж почитать — ступай к Стасику, у него комиксы есть.

Она соскочила с дивана и поспешила к водителю. Общество парней ей, конечно, нравилось, хотя Олесь часто и вел себя как ребенок, но сегодня она ото всех устала.

— Спать хочешь? — взглянул Марк на нее, севшую в соседнее кресло.

Лейсана потеряла ладонью глаза и нос, раздражение вырвалось само собой:

— Ну зачем мы едем в Челябинск? У тебя есть родители в Москве, вдруг они нашли бы нам убежище?!

Не отвлекаясь от дороги, Марк пояснил:

— Напоминаю: не факт, что родители живы. Не факт, что они приняли бы нас. А Челябинск — город хороший, даже очень...

Последние слова он произнес тише, Лейсана почувствовала ложь.

— Хороший? Серьезно? Как Ижевск или Кемерово, Пермь или Тюмень? Я знаю, ты смотрел статистику криминальных городов! Зачем?

Марк хлопнул по рулю и заворчал:

— Да потому что в самых опасных городах люди стараются не связываться с другими людьми. К нам никто не пристанет, а если и вдруг — нож под ребро, никаких разговоров. Там людям не до магов, им бы до дома с работы добежать, да так, чтобы не попасться гопоте, а гопоты полгорода, поняла? Идеальное место.

Лейсана уставилась в лобовое стекло. Ее не устраивала перспектива жить в одном из самых опасных городов России, но и выбора не было. Да и последние два года ей с друзьями пришлось работать «на дядьку»: мэр защищал их в городе от охотников, а взамен они участвовали в кражах особо крупных размеров. Когда мэр скончался, его приближенные мягко намекнули Марку, что лучше уходить по-тихому.

— Ты бы куртку накинула, а?

Лейсана не сразу догадалась, о чем говорит Марк, а только когда осознала, что зябнет и пытается укрыться в кардигане.

«Мы вновь вне закона, каждый следующий день становится адом. В этот раз, пожалуй, в Аду будем не гореть, а сжигать», — подумала Лейсана Медведева и ушла на поиски курток.

Олесь закрыл люк, а Матвей хлопнул окна. Становилось не по-летнему холодно. И не только им резкий спад температуры показался странным. Марк вел автомобилем уже менее уверенно и не столь оптимистично, как двадцатью минутами ранее.

Натянув на себя кожаную куртку Матвея, Олесь запрыгнул на кровать к лучшим друзьям. Стасик, одетый в рваные джинсы и красную клетчатую рубашку, слушал в наушниках музыку и грелся в объятиях Аксины. Жизнь Стасика наполнена музыкой; его коллекция музыкальных файлов равна шести терабайтам. Олесь готов поклясться, что сейчас друг слушает эмокор или лиричный рэп — излюбленные им стили в грустные времена. А судя по грязной смуглой шее, невымытым черным волосам, сморщенному треугольнику кожи под бровями и опущенным уголкам рта, он грустит не первый день. И даже в стального оттенка глазах Аксины, с ее вечным не убиваемым оптимизмом, чувствовались нотки минора. Олесь заметил, что подруге давно пора подкрашивать черные корни в светлый.

Помыть тело и голову, покрасить корни — великая и беспощадная лень. Как и собрать вещи заблаговременно до отъезда. Марк с редкой постоянностью ругал неразлучную троицу — Олесь, Аксиныю и Стасика — за отсутствие самодисциплины. Втроем они, бывало, подводили всю команду во время работы на мэра. То Олесь переест ролл с тунцом и запьет их двумя литрами молока, а потом не пойдет на работу из-за болей в животе; при Олесе о молоке лучше не вспоминать — сразу побежит к холодильнику, уж такая страсть. То Стас, насмотревшись с возлюбленной корейских драматических сериалов, разрыдается и на весь день спрячется под одеяло; когда имеешь дело со страшно эмоциональным человеком, к подобному лучше привыкать сразу. То Аксиныя за пять минут до выхода на «дело» заявит, что Марк и остальные и без нее справятся, что ей идти никак нельзя, она при смерти — вон, мозоль на ноге; такой особе доказывать, что идти никуда не надо, а надо ехать — занятие бессмысленное.

Аксиныя прямо в цветочном платье залезла в одеяло и слегка скривила лицо в улыбке.

— Все с нами хорошо будет, я думаю.

После сказанного она закрыла глаза, собираясь уснуть.

Автодом резко остановился, Олесь от неожиданности упал на холодный пол.

— Эй, ребят, давайте сюда! — послышался напряженный голос Марка.

Олесь поднялся и неуклюже протопал к лидеру. На лобовом стекле сверкали капли.

— Дождь начался? — восхитился Матвей и столкнул Лейсану с кресла, затем уселся сам. — Почему стоим-то, чего не едем?

Марк раздраженно вздохнул. Матвей его тоже часто выводил из себя. Если парень и умел радоваться, то радовался он исключительно во время стихийных бедствий, крупных гроз или ливней.

— Ты смотри внимательней и выше.

Олесь взглянул. Так вот что насторожило Марка! Не дождь, а быстро тающий снег.

— Снег? В августе? — Лейсана спихнула наглого парня с кресла.

— Тому есть только одна причина, — Марк сглотнул.

И причина эта всем до боли известна. Охотники. Люди, специализирующиеся на ловле магов, были поблизости.

Глава 2. Мечта идиота

Марк сказал, что лучше развернуться и переждать охотников — возвратиться в городишко, из которого они выехали получасами ранее. Лишь Матвей посмел возразить лидеру.

— Очевидно же: мы попались! Они пытаются отрезать нам путь — и правильно делают. А нам сейчас лучше прорываться.

Машин на дороге не было, и Марк уже разворачивал автодом, стараясь быть спокойным.

— Во-первых, мы не знаем точно, заметили нас или нет. Во-вторых, среди охотников есть маг, управляющий атмосферой. Ты знаешь, что произойдет, если температура упадет до минус тридцати?

Олесь сел на пол, рядом приземлился Стасик.

— Нам не сбежать, да? — спросил Стас.

Стараясь не пробудить в друге панику, Олесь ответил:

— Холодать стало почти сразу как мы выехали. Значит, нас заметили, иначе не было никакого смысла использовать способности магу-охотнику.

Хмылка, стоявшая сзади всех, очень громко выругалась. Все осознавали, что в дверь их жизни этой ночью постучалась старуха с косой. И в зависимости от того, как они поступят, как ляжет карта, старуха решит, ошиблась она дверью или пришла по делам.

— Маги-охотники? А такие есть, да? — с неуверенностью в голосе поинтересовалась Аксинья, кутаясь в одеяло.

Аксинья относилась к тем девушкам, которые по беззаботности своей могли забыть прописные истины. Охотники вербовали магов, так как чанки весьма полезны в поимке. Многие из тех, кто находится в тюрьме, мечтали бы стать охотником: тут тебе и гарантия неприкосновенности, и возможность жить обычным человеком. Но в их ряды вступал только тот, кто действительно терял нравственность. Любящий, готовый убить любящего, если так прикажет хозяин.

Олесь взглянул на покрывшегося мурашками Матвея.

— Тебе не холодно?

— Нет, — простучал зубами парень и побрел искать одежду потеплее.

Олесь смутился, осознав глупость вопроса. Несмотря на то, что это первая за последние два года их встреча с властью, он испытывал не страх, а лишь некоторую растерянность.

— Я так и знала — мы обязательно попадем в передрагу, не доехав и до Казани! — воскликнула Хмылка и приземлилась на диванчик, дрожащей рукой разлив бутылочку виски. — Раз скоро подохнем, надо выпить. Имею право.

— Да не горячись ты, — разозлился Марк, — переживем. Сейчас поедем ко мне, там есть подвал-убежище. Как раз для таких ситуаций я его и делал.

Олесь отвернулся и закрыл глаза, чтобы не видеть пьющую подругу. В нетрезвом сознании она совершенно не контролировала способность к психокинезу. И это означало, что, если они удерут от охотников, спастись придется уже от эмоций Хмылки.

Тьма вокруг двухэтажного кирпичного дома одновременно пугала и завораживала. Олесь уже проверил, не поджидают ли их поблизости охотники, и теперь с рюкзаком на

плече топал к входной двери. Пока Марк возился с ключом, Олесь встревоженно вглядывался в заколоченные окна. Надежду на спасение они не внушали. Скрипнула дверь — и тьма коридора объяла вошедших.

Компания с собакой тихо, если не считать обо что-то споткнувшегося Олесь и на него выругавшейся Хмылки, прошагала в просторную и теплую гостиную. Лейсана зажгла светильник, Марк принялся отодвигать от стены книжный шкаф. За шкафом явилась невысокая железная дверь.

— Вперед, — скомандовал Марк, — Я последним буду, закроемся... Господи, Лейсана, светильник!

Свет погас. Все так же дружа с тишиной, компания миновала дверь и начала спускаться по лестнице, ведущей вниз — в подвал.

— Как-то темновато, — Аксиныя прижалась к Олесю, спутав его со Стасом, и вскрикнула.

Было не только темно, но и тесно. Сатана протиснулась между чьих-то ног и побежала вниз.

Все робко шагали. Через пятнадцать ступенек руки Олесь ударились о еще одну дверь, на этот раз деревянную.

— Открывай, открывай, — поторопил Марк.

Олесь нащупал ручку. И дверь открылась.

Часы Марка сообщили, что на улице рассветает: четыре утра ровно. Если бы не воодушевленный крик лидера, поверившего в то, что все обошлось и охотники их не заметили, Олесь так и спал бы на плече у Матвея.

— Еще пару часиков, опосля канаем отсюда, — радовалась Хмылка.

Матвей протянул Олесю вскрытую консервную банку.

— Тушенка. Ешь.

Как оказалось, подвал действительно приспособлен для случаев, когда надо что-то переждать. Здесь был и свет, и холодильник, и плита, и даже туалет. Еды хватило бы на всю зиму. Ружье на стене и два пистолета Макарова, один из которых спрятан за холодильником, другой — в ящичке стола, обещали защиту от непрошенных гостей. Даже система отопления позволяла не бояться холода. Единственное, чего не хватало — кроватей. Спальными местами вместо них служили мешки, забитые тряпками.

Олесь прочел на банке: «Каша рисовая с говядиной».

— Матвей, с говя...

— Да что тут мяса-то? Совсем нет! Ешь.

Олесь с обреченностью приговоренного к смертной казни взялся за ложку. Есть мясо иногда надо — это он признавал. С первой ложки он поперхнулся не столько из-за отвратительнейшего вкуса, сколько из-за неожиданного пения Аксиныи.

— Защити-и-и-ит космос от врагов наших, обереж-ж-жет дом наш от сеятелей зла-а-а!

Девушка ходила из угла в угол с зажженной свечкой в руках.

— Аксиныя, ты спятила? — глаза Марка от удивления сильно расширились, будто он увидел дьявола во плоти.

— Надо было перед отъездом заговор на добрый путь прочесть, да забыла. Теперь читаю от врагов, я же ведьма.

— Какая из тебя ведьма? Только и умеешь ауру видеть! — хохотнула Хмылка,

валявшаяся на мешке.

И тут со стены упал портрет Ивана Святого — единственного мага, который попытался совершить революцию и был казнен публично на Красной площади Москвы.

Олесь понимал Аксиныю. Ему, как и ей, достался бесполезный чанк. Правда, его способность чуть полезней в определенных условиях: он умеет бесконечно долго дышать под водой. Иногда маги, наделенные не использующимися чанками, чувствуют свою ущербность и хотят каким-то образом напомнить окружению, что они заслуживают называться теми, кем являются.

А вот у Стасика хороший дар: он может разрушать, выводить из строя или заставлять работать электрические приборы. Именно Стас был самым ценным работником мэра, ведь сигнализации и камеры наблюдения подвластны только ему. И еще его плеер четвертый год работает без батареек.

Матвей передал бутылку с водой. Олесь взглянул на его лицо: оно почти всегда было бледным, хмурым, но никогда блаженным. Казалось, что такой человек нисколько не эмоционален, вечно холоден и беспристрастен, но Олесю и Хмылке, его семье, было известно, что это далеко не так. За его острым подбородком, идеальным ртом и большой радужкой глаз, напоминавших синие звезды, скрывались эмоциональность и страсть. Время от времени их можно было угадать и в беспорядке черных волос.

Все уже знали, что Матвей опоздал к отбытию из-за драки с отцом, которого не видел восемь лет. Но он хотя бы встретился с ним, разве не повод для радости? Пусть родителей-немагов любить очень сложно из-за невозможности ответного чувства, но большинство магов любили своих отца и мать. Только у Олесья родители погибли еще до того как он попал в охотничью базу данных.

Ему было четырнадцать лет, когда в людской школе шла ежегодная проверка группы и резус-фактора крови — единственный верный метод узнать мага. В тот год его группа сменилась со второй положительной на третью отрицательную. Той холодной зимой в Иркутске он подался в бега.

Литровая бутылка была опустошена — Олесь, если уходил в мысли, мог выпить литров десять и даже не заметить этого. Еще одна связанная с водой особенность его организма.

Аксиныя достала из своего рюкзака небольшую иконку с плохо нарисованным мужчиной. Протерла.

— Я думал, по рок-музыкантам у тебя страсть давно прошла, — хмыкнул Матвей.

— Это Иисус! Он наш спаситель, защитит от зла.

Она поместила иконку на холодильник и что-то зашептала. Религия в большинстве стран мира была запрещена еще лет двадцать назад. Владение иконами и прочей религиозной атрибутикой каралось несколькими годами колонии.

— Вы слышали, что еще лет сорок назад люди были помешаны на религии? — поделился знаниями Марк. — Доходило до войн — настолько они увлекались глупой ролевой игрой.

Сатана завывала, требуя внимания. Марк погладил собаку, после поднялся с мешка и вышел из подвала. Периодически он выглядывал в дом, чтобы проверить, действительно ли никого нет и изменилась ли погода за окном.

Упавший портрет Ивана Святого привлек внимание Матвея.

— Хороший парень был, правильно мыслил. Таких бы революционеров да в наши дни.

Олесь с недовольством запустил в портрет бутылку.

— Ничего ты не понимаешь. Кровавые боины — всегда проигрышный вариант.

— Не начинай, — Матвей закатил глаза.

— А вот начну! Лейсана, ну скажи, что я прав!

Олесь толкнул ногой дремлющую подругу. Девушка дернулась и еще сильнее укуталась в шелковый кардиган.

— Ни на один вопрос нельзя дать однозначного ответа, — прошептала она с закрытыми глазами.

Недовольство мнениями все больше заполняло Олесь.

— Если людей научить любить, мир будет спасен!

Подвал наполнился тихим, но проникновенным смехом Матвея.

— И как ты их научишь?

— А найдем способ! Лейсана у нас самая умная, с ней можно и микстуру от рака сготовить! Правда же?

Лейсана с сожалением о потерянном сне зашептала:

— Научить человека любить невозможно. А доказательства тому — лабораторные исследования. Никто из ученых даже близко не подошел к решению проблемы, у них другие приоритеты — создание армии из людей-недомагов, то есть, обладающих чанками. А теперь дайте выспаться!

Расстроенный и обиженный Олесь отвернулся от Матвея и Лейсаны. Он верил, что мирный путь существует, что можно миновать пролитие людской крови. Жаль, что дорогой ему человек так не считал.

— И чего раскис? Сдались тебе эти люди! Верхушка власти внушила обществу, что сверхспособности и любовь — это плохо. Магов уничтожают, давят, душат, почему мы не сопротивляемся? Нас разъединили, мы небольшими кучками скитаемся по миру. Собраться вместе — вот дорога к справедливости. Вот шанс все исправить. Наш долг — бороться. А иначе... Когда мы жили в поселении у школы, ты хотя бы одного мага старше сорока лет видел? Нет! Тридцатник, сороковник — предел выживаемости. Старше в гроб кладут... Хотя какой уж гроб, сжигают или псам на корм... Лет через десять и нас с тобой не станет.

Речь Матвея слушали все. Из него редко слово вырвешь, а тут разошелся. Даже Аксиныя отвлеклась от иконки Христа, даже Сатана, начавшая носиться по комнате, улеглась в ногах Лейсаны и прислушалась. А Матвей все говорил, не замечая никого, кроме Олесь.

— Обычные люди нам просто завидуют. Мы можем любить, а они имитируют ее похотью, сожительством или чем-то еще. Они пытаются писать романы без любви к литературе. Пишут музыку без любви к ней. Люди шепчут в ухо «Я тебя люблю», но вкладывают в слова иной смысл: «у меня на тебя стоит» или «так и быть, сегодня картошку жарю я». Заботиться друг о друге? Переживать за кого-то? Ты серьезно веришь, что симулянты на это способны? По взмаху волшебной палки они не полубят. Никогда. Хватит мечтать об утопии, ведь сам понимаешь: мечты идиотов не сбываются!

Мечты идиотов не сбываются. Мечты идиотов. Олесь захотел разозлиться и накричать на парня, но неожиданно для себя улыбнулся. Он вспомнил школу и общежитие — место, которое разожгло в нем веру. Особенно повлиял на него шестидесятитрехлетний хиппи, проповедовавший мир и любовь. Однажды он сказал: «Мы хуже даже самого жестокого немага, если выбираем путь войны». Олесь вспомнил его имя.

— Кирилл Якушев.

— Что?

— Его так звали.

— Кого?

— Старика из общежития. Тот, который отказался бежать, когда объявились охотники.

Вернулся Марк. Кольцом большого и указательного пальцев лидер показал, что все спокойно.

— Подождем еще пару часиков. Обычно утром охотники уже заканчивают проверку.

Одна из обязанностей Министерства борьбы с магами — проверять населенные пункты, вылавливать в них колдунов и ведьм. Чем больше ориентировок в городе, тем выше шанс, что какой-нибудь ночью заявятся охотники. Олесь понадеялся, что это все-таки была лишь проверка, а не охота.

— Якушев? Наркоман, единственный во всем поселении чудом доживший до старости? — Матвей усмехнулся.

— Мир не так уж и плох, дружище, и состариться совсем не сложно! — возразила Аксинья, она с раздражением схватила за веник и стала подметать, чем удивила всех. — Даже больше: мир прекрасен.

— Сказала мне девушка, потерявшая всю семью.

Аксинье Кутиловой не повезло с матерью. Безумные люди шантажировали женщину охотниками, если она не выдаст им детей и большую сумму денег. Аксинье было одиннадцать лет, когда она подслушала, как мать соглашается на сделку. Схватив Мирона, пятилетнего брата, она сбежала. Через четыре года Мирон умер людской смертью: его сбила машина.

Олесь подумал, подруга раскричится на Матвея, расплачется, и пока что спящему Стасику придется ее утешать. Однако на деле все оказалось далеко не так. Аксинья резко повеселела и с умиротворенной улыбкой кошки заявила:

— Пережить потерю близкого — надо уметь.

Матвей с минуту помолчал и обернулся к Олесю.

— Жизнь без любви бессмысленна. Люди не стоят того, чтобы о них заботились.

— Стоят.

Олесь решил на дураков не обижаться и снова улегся на плечо Матвея. Заснул.

Грохот разносился по всему помещению. Задребезжал старый холодильник, плита сдвинулась с места и медленно поползла к Марку. Свет люстры бил в глаза, крик Хмылки резал слух. Олесь спрятал лицо под курткой, но сон не приходил.

— Да я тебя, паразит, в порошок сотру и вынюхаю за такие слова! — орала Хмылка. — Тетушки-коровушки, вы только посмотрите, он еще мне указывать будет, чего желать, а чего нет! Приехали, товарищи!

Краем глаза Олесь выглянул из-под куртки. Хмылка в гневе ему казалась и милой, и одновременно грозной. К этому вдобавок во внешности ее проглядывала царственность: мощные руки и ноги, большая грудь, пышные светлые волосы, крупный нос и блеск одержимости в голубых глазах.

— Скандал и без меня? — промурлыкал проснувшийся Стасик и потянулся за бутылкой воды.

Марк, медленно двигая плиту на место, ответил:

— Разговорились: кто о чем мечтает. Катька явно замечталась не в ту степь — помереть молодой хочет. Ну? Как вам?

— Тоже мне Лапландию открыл, — забурчал Олесь. — Давно знаем: Хмылка устала наблюдать неправильную жизнь людей. Желает попасть в Клуб Моррисона и Кобейна — и пусть.

— Устала наблюдать? Так пусть не наблюдает.

Хмылка зарычала, готовая со злости расцарапать Марка. Аксиныя схватила ее за локти.

— Тише, пожалей Марка. Он еще жить хочет. Выдохни.

И она выдохнула.

— А я вот больше всего на свете мечтаю радугу увидеть. И все. Ничего другого больше мне и не надо, — сказал Стасик.

Аксиныя очень медленно повернулась к своему парню и уставилась на него змеей.

— То есть только радугу, да?

— Да.

— Больше ничего не хочется?

— Да.

— А я?!

— А че ты?

— Так я значит тебе не нужна?

И Аксиныя замолотила руками по Стасику. Олесь мысленно пожалел друга и снова залез лицом под куртку.

«И почему я не кот? Жизнь была бы легче: спал бы да спал где и когда вздумается», — подумал Олесь, стараясь провалиться в сон.

Уснуть не удалось. Сверху, в доме раздался грохот и смех.

Глава 3. Леди Удача

Матвей пантерой прыгнул к столу, вцепился в ящичек. В нем ждал заряженный пистолет. Через три секунды он уже находился в руках, был снят с предохранителя и нацелен в дверь.

Тишина и напряжение. Матвею померещилось, что Стас даже наэлектризован. Марк бесшумно снял со стены ружье, Хмылка достала второй пистолет из-за холодильника. Все смотрели на дверь, за которой слышался топот нескольких человек.

Прошло секунд десять — Олесь со Стасом успели собрать часть рюкзаков и встать позади вооруженных. Еще через десять — Акси́нья и Лейсана запихали воду в оставшиеся рюкзаки и спрятались за холодильником.

Впервые Матвей убил человека в пятнадцать лет. В то время он жил в семье Солнечных — со Стасом и его родителями и не подозревал о своей способности. Просто знал: он маг. Одной ночью в дом без стука вошли охотники и выпотрошили семью, кроме него и Стаса. Матвея схватил молодой охотник и собрался сделать то же, что и с остальными. Но здесь-то и сработал инстинкт самосохранения: он впился охотнику в губы. Охотник умер мгновенно.

За дверью притихли. И от этой тишины, было видно, что Хмылку, словно нарастающей в замедленном действии волной, окутывала ярость. Если через секунду-другую никто не ворвется, гнев ведьмы направится на друзей. Дверь легонько и с тонким скрипом приоткрылась. Через мгновение на полу среди мешков оказался баллончик с газом. Слезоточивый? Усыпляющий? Матвей понять не мог. И было поздно, слишком поздно думать о неважных вещах.

Хмылка с рычанием бросилась за дверь, а там уже перешла на визг. Испугавшись за подругу, Олесь и Матвей устремились за ней первыми, но мужчины в фиолетовой форме и масками на голове затолкнули их обратно. Визг продолжался и после того как компания поняла, что газ все-таки усыпляющий.

«А ведь надо было кинуть баллончик на лестницу», — то ли подумал, то ли произнес Матвей, чувствуя, что двигается со странной медлительностью.

Стас ужом проскользнул к охотникам, а через мгновение один из них полетел в подвал. — Давайте, пинайте их туда, пока они не очухались от удара током! — крикнул Стас.

Про рюкзаки пришлось забыть. Лейсана, Акси́нья, Олесь, Марк, а за ними Матвей кинулись в борьбу. Только на борьбу это было мало похоже. Медлительные маги пропихивали в подвал глохнувших и теряющих сознание от визга Хмылки охотников. Постепенно Матвей добирался до первого этажа дома и все сильнее удивлялся количеству борцов — около двух десятков уже валялись внизу в подвале и на лестнице.

Наверху в освещенном зале охотников не оказалось, но опасность представляла Хмылка, пытавшаяся остановить выплеск эмоции. Хотя ведьма прекратила кричать, но все еще сыпался потолок, шатались шкафы, падали вазы, светильники, разбивались стекла заколоченных окон и сжималось сознание.

— Все целы? — Марк отряхивал брюки и рубашку. — Где Сатана?

— Здесь, — сдавленно ответила Лейсана.

Матвей протер глаза и увидел у ее ног зевающую собаку. Он уж думал, что с ней покончено. Сзади слышался шум и пыхтение — Олесь и Стас закрывали шкафом ход к

подвалу. Лейсана и Аксинья схватились за комод и потащили к шкафу. Чем больше преград — тем лучше. Марк ушел в коридор, прихрамывая на левую ногу.

Лейсана опустила комод и обратилась к Матвею:

— Может выкинешь?

— Что?

Через несколько секунд молчания подруги Матвей заметил, что держит в левой руке разряженный пистолет.

Когда компания убедилась, что подвал прочно забаррикадирован, и вышла из дома, солнце уже согревало плетущихся на работу людей. Марка не было.

— Куда он пропал? — обеспокоилась Лейсана.

Матвей и сам переживал за него. Может, охотники были и снаружи? В этом случае ждать возвращения лидера бесполезно.

Асфальтированная дорога блестела влагой. Мимо частных домов и странной компании с собакой проходили и проезжали на машинах ни о чем не подозревающие люди. Возможно, где-то поблизости за ними следят главные охотники и маг, управляющий атмосферой. Матвей знал: фиолетовые костюмы носят рядовые, белые — маги, а черные — главные. Среди напавших в подвале он не увидел ни одного черного или белого.

— Надо уезжать, — решил Матвей и поплелся к автодому.

Ладонь Лейсаны вцепилась ему в плечо.

— Ну уж нет! Мы тебя сколько ждали, пока ты был в больнице, теперь подождем и Марка!

К всеобщему облегчению, Марк появился из соседнего дома. Он вывел на улицу испуганного человека и жестом велел друзьям прыгать в автодом.

— Мужик толковый, к магам вроде нормально относится, — спустя минуту толкая мужчину к рулю, сказал Марк.

Мужчина уселся в кресло и завел двигатель. Марк приземлился на соседнее кресло, повернулся лицом к остальным.

— План таков: едем к Казани, не доезжая, по дороге где-нибудь высаживаемся. Мужик едет дальше, а мы пешком в леса. Старые добрые походы, все как подобает, да?

Девушки разом вздохнули. Ни одна из них походы не любила, особенно по лесам: слишком страшно и тяжело. Матвей одобрительным жестом дал понять, что поддерживает идею лидера. Их автодом отныне известен охотникам — придется избавляться. В ином случае их свяжут или убьют еще на контрольном пункте перед Казанью.

Березки сменялись полями, поля селами. Матвей с унынием следил за поднадоевшими видами из окна. Погоня в прошлом, там же и два года обеспеченной безопасной жизни. Теперь они свободны. И вольны поступать как вздумается. Ничто их не сдерживает, они и так по умолчанию приговорены к пыткам и смерти.

Если бы не Стас, березок Матвей мог больше не увидеть. Стас заметил у охотников электрошоковое дистанционное оружие, им и воспользовался. Легкая без особых потерь победа воодушевила всю команду.

— Я же говорила, все хорошо будет, — смеялась Аксинья, укладывая лекарства в сумку.

Они потеряли рюкзаки, и вещи первой необходимости приходится собирать из запасов.

— Иисус нам удачу принес, — продолжала щебетать девушка Стаса, — он много чего

умеет.

Удача — леди капризная. В любой момент с безразличием отвернется. И удача ли — стать мишенью? Матвей закрыл глаза и перенесся на пять лет назад, в тот день, когда он, Стас и их подруга Ира попались охотникам. Ире вырваться не удалось: Матвей видел, как она цеплялась за предплечья державшего ее человека, кусала ему руки и пинала подступавших людей. Стас и Матвей сделали, по их меркам, единственно верный выбор: бросили Иру и сбежали. Ничего другого не оставалось. Исключительно чудо спасло бы подругу, но чудес не бывает, только удивительные совпадения, — Матвей это знал. С тех пор он часто вспоминал о ней, думал: может, ей повезло? И сейчас она жива, прячется в одном из городов, да в той же Казани, и нуждается в друге?

С Ирой его и Стаса связывало многое. Два года втроем они ютились в одной комнате общежития, ухаживали друг за другом в болезни, дрались из-за банки со сгущенкой, делили последнюю плитку шоколада. Ире всегда шоколада доставалось больше; Матвею нужно было о ком-то заботиться.

Рядом плюхнулся Олесь и протянул ему ремень и боевой нож. Матвей без намека на эмоции поцеловал парня в лоб и поблагодарил.

Отнять жизнь даже у врага — шаг страшный для любого мага. Убийство делает жертву невольным злодеем, ломает его, изменяет. Матвей, после того как осознал свою способность, пару недель трясся в ужасе от содеянного. Но потом его и Стаса нашла Ира. И он влюбился. Ира и Матвей были парой пять месяцев, и первые четыре месяца они ни разу не поцеловались: он боялся, что поцелуем убьет ее. Марк упорно работал с ним, обучал борьбе со страхами и владению чанком, и для Матвея настал волшебный момент: он ее поцеловал.

Дом на колесах снизил скорость, вскоре остановился.

— Выходим! — крикнул Марк.

Олесь схватил Матвея за руку и потащил наружу, в багажном отсеке их ждали палатки, коврики и спальники. Что-нибудь для сна непременно надо взять.

Поцелуй между Ирой и Матвеем был единственным. Их влюбленность растворилась, как кофе растворяется в воде, и превратилась в дружбу, как вода превращается в кофейный напиток.

Матвей открыл отсек с багажом и достал самую большую сумку.

— Понесу. Сам.

Никто ему не возразил.

— Жаль машину, конечно, — Марк старался удержать слезы, когда автодом двинулся с места.

— Ой, старик, заткнись! — Хмылка пнула его по хромающей ноге. — Ты хоть карту взял? Или как три года назад: топать, куда нос поведет?

А ведь после Иры Матвей никого не потерял. Да, последние пять лет он был в постоянной опасности, но лишь приобретал, ничего не теряя. Сначала появилась Хмылка, а три года назад — Олесь, Лейсана и Аксиныя. Семь лет с ним были Марк с Сатаной и вся жизнь Стас. Это ли не везение?

Автодом скрылся на горизонте, проехали два отечественных автомобиля. И легкий ветерок колыхнул черные волосы Матвея. И будто сама леди Удача прошептала ему: а ведь везение когда-нибудь кончается. В мире, где «сегодня» может стать противоположностью «завтра», нет средства от смерти.

Глава 4. Неизбежность

Гадюка приняла угрожающую позу, ее глаза засияли чернотой. Отстававшая метров на десять Хмылка сердито пнула змею и поспешила за друзьями. Первым шел, как ни странно, хромающий Марк. В лиственном лесу было достаточно тихо, и Хмылка слышала собственное тяжелое дыхание. По ногам струился пот из-за жары и быстрой ходьбы со спортивной сумкой на плече, а ее бандана, которую она нацепила в последний момент в автодоме, почти слетела.

— Помните, как мы скитались сколько-то месяцев, когда набежали на школу охотники? — Стас снял наушники, оставив их висеть на шее.

— Не сколько-то, а почти полгода, — поправил Марк.

Лидер шел, опираясь на палку в руке. Он уже минут сорок вел группу в северо-восточном направлении. Лес все не кончался. Когда закончится, и ребята выйдут к какой-нибудь деревушке, Марк пообещал дать время на отдых.

Босиком предпоследней шла Акси́нья. Туфли-лодочки пришлось снять — уж случай для них неподходящий. Ведьма поправила ремень на плече и сказала:

— В последний раз мы прошли шестьсот километров. И в снегах тонули, и под град с шаровыми молниями попадали, грипповали, сил не было идти, но добрались же до безопасного места. Тогда мы не знали, куда идти-то, сегодня уж знаем. Все хорошо будет. С нами удача, а безвыходных положений не бывает.

«Где она силы находит, чтобы много говорить?», — с раздражением подумала Хмылка.

Она постаралась расслабиться. Постоянно носить в себе негативные эмоции нельзя, иначе это приведет к саморазрушению. С каждым разом контролировать свой гнев становится все сложнее, порой кажется, что чанк живет сам по себе. Хмылка рассчитывала обратиться за помощью к Лейсане как к единственному мудрому человеку, разбирающемуся во всех тонкостях магии, но гордость так и не позволила. Неужели она сама справиться не сможет? Уж точно когда-нибудь гнев перестанет ее беспокоить.

— Нам главное до ночи как можно дальше уйти, — сказал Марк и вздохнул. — Эх, угнать бы машину.

Лейсана, следовавшая за ним, резко остановилась, сбросила сумку и уселась на нее.

— Нам едва удалось удрать от охотников. Где гарантия, что в Челябинске с нами ничего не случится?

— Мы это обсуждали.

— Гарантию могли бы дать твои родители, Марк! Живут себе в Москве, депутатствуют, в новостях мелькают как влиятельные личности. А их сын сбежал шестнадцать лет назад, и ни слуху, ни духу! Они бы нас защитили!

Сатана стала тыкаться Лейсане в ноги. Матвей не остановился, продолжал идти. Остальные, с счастьем побросав сумки и рюкзаки, следили за конфликтом.

Марк не мог ужиться с лицемерием родителей: они искренне старались ненавидеть магов, хотя сами таковыми являлись. В пятнадцать лет он полюбил девушку, с ней и сбежал из Москвы. В Казани их приютили власть имущие. Через четыре года девушка погибла, спасая сотрудника Министерства. Марк полностью погрузился в работу, и лишь работа помогла ему справиться с утратой. Несколько лет он трудился почти круглосуточно, и труд

стал его неотъемлемой частью. Поэтому он не терпел расхлябанности. Поэтому всегда выбирал самые сложные пути. И чтобы он вернулся к уже пожилым родителям, возможно, изменившим свои взгляды на магов? Да никогда.

— Порой я жалею, что познакомилась с тобой, — заявила Лейсана.

Она схватила сумку и поспешила за Матвеем. По телу Хмылки пробежала дрожь — явный признак холодного гнева. Если кто-то поблизости злился, она чувствовала и заряжалась эмоцией. Марк с медлительностью ползающего ленивца шел предпоследним, когда слева от него разлетелся на щепки клен.

— Жизнь — борьба, — обратился Марк к синеволосой девушке, — борьба с ленью, откладыванием дел и бессмысленной болтовней.

— С тобой я точно до самого Челябинска разговаривать не стану, — ответила она.

Жаркий лес вскоре закончился, и группа вышла на грунтовую дорогу. Вблизи располагались деревянные домики с огородами, где попало бродили козы, овцы и коровы. Олесь сразу же примкнул вплотную к Хмылке.

— Чего не к Матвею? — спросила Хмылка.

— Ага, чтобы он нарочно быка натравил на меня? Ты посмотри, какие у него рога! — Олесь взглядом указал на занятую травой корову. Хмылка расхохоталась. Олесь до жути боялся домашнего скота.

— Найдем колонку с водой, затем передохнем, — решил лидер и захромал в деревню.

Улица пустовала. Наверное, люди посчитали жару опасной для жизни и остались отдыхать дома. Зато блеяли козы, мычали коровы, кудахтали куры. Колонка не находилась, и Хмылка с остальными завернула за угол.

— Вы откуда такие, ась? — пробасила старая женщина с крыльца одного из домов.

— Туристы мы, — ответил Марк, стирая пот со лба. — А где мы, матушка? Село ли, деревня?

— Чай в Биме, село. А чагой-то светловолосые так жмутся друг к другу? Али женаты?

Олесь слегка отстранился от Хмылки и с вызовом чуть ли не прокричал:

— Женаты! И любимся, и ребеночек скоро появится!

Хмылка от наглости друга чуть не треснула его по голове, но сдержалась: рука у нее сильная, а головушка Олеся слабая. Вместо этого она приблизилась к изгороди и присмотрелась. Старуха похожа на маленькую тучу, но безобидную: лицо ее вроде как доброе.

— Рада за вас, миленькие, — то ли охнула, то ли крякнула старуха, — рожать надо. И любить — дело доброе.

Хмылка отвернулась и с презрением скривила лицо. Люди. Проклинают тех, кто любить умеет, а тех, кто симулирует любовь, благословляют.

— Матушка, умираем — пить хотим! — Марк захромал к крыльцу. — Где воды найти, родимая?

— Ох, сынок. А далеко ли путь стелете? Чай отдохнули бы у меня, одна я живу, любому гостю рада.

Марк переглянулся с каждым. И согласился на приглашение. Оказавшись в прохладном коридоре дома, Хмылка подумала, что, будь сказочные существа реальными, сейчас она вполне могла оказаться в гостях у Бабы-Яги.

Ведро упало, и холодная вода скрылась под босоножками в земле. Хмылка, оставшись

наедине с собой, позволила гневу выплеснуться. После обеда старуха, которую звали Таисией, велела ей наносить воды для бани. Но не это злило Хмылку. Марк решил переночевать у Таисии, сказав, что нога уж очень нещадно хромает.

«Вот же! Знает, что нужно скорее убираться в другие края, и тут ногой отговаривается! Хоть без него иди!», — мысленно разругалась Хмылка, поставив ведро под колонку.

Она привыкла никому не доверять. А все из-за того, что два очень старых мага, нашедшие и приютившие ее семилетнюю, пару лет за ней ухаживали, а потом забросили в лабораторию. Там она была сродни мышке: пришлось терпеть опыты и издевки. К большому счастью, в четырнадцать лет гнев вырвался наружу во всей мощи и разрушил часть лаборатории. Хмылка сбежала, но спустя год и восемь месяцев вернулась, чтобы отомстить. И в одиночку отомстила сполна, уничтожив большое здание полностью вместе с научным сообществом. В тот же день ее, раненную, подобрал Марк, Матвей и Стас.

В селе было жарче, чем в лесу, и Хмылке хотелось укрыться в тени деревьев. Магу-охотнику, управляющему атмосферными явлениями, лучше было не понижать, а повышать температуру. Подставив второе ведро под кран, Хмылка села и прислонилась к холодной колонке. Сзади послышалось неуклюжее шуршание — сразу угадывался Олесь. Обернувшись, Хмылка увидела и бесшумного Матвея.

— Мы знаем, что ты думаешь, — хмуро сказал Матвей, — но без Марка нам будет тяжелее. Лейсана, Стас и Акси́нья не бросят его, а нам лучше не бросать их.

— Марк всегда был расчетливым, — добавил Олесь, — вряд ли он согласился на ночевку, не подумав.

— Вот кому доверять нельзя, так старухе. На ее месте я бы уже звонил куда надо: тут и «туристы», которых в этих краях не бывает, и собака с ними, и вроде как очень хорошо играют влюбленных.

— Где видано, чтобы способный к регенерации хромал! — зашипела Хмылка, побоявшись громко говорить.

— Там и видано, где любящий ненавидит, — улыбнулся Олесь и открыл колонку, чтобы набрать воды.

— Что, если он трусил? Вздумал сдать? Случаев было, когда маг сдавал свою команду в обмен на жизнь, — ого-го!

Матвей сел с ней рядом. Ему было известно о диком страхе Хмылки: страхе предательства. И только двоим она с самого начала доверяла — ему и Олесю.

— Держи нож и фонарик при себе, — сказал Матвей. — Ночью спим по очереди.

Ночь спустилась на землю, подул ветер. Хмылка полулежала на подоконнике и притворялась спящей. Окно было распахнуто. Монотонное пение сверчков в самом деле усыпляло. Периодически вдалеке гавкали собаки — в эти моменты Хмылка вздрагивала. Полная тьма пугала ее. Не было фонарей, не светились звезды и окна других домов.

В комнате на полу прямо в одежде разлеглась вся команда. Спали все, кроме нее и, возможно, Матвея. Наверное, он так же, как и она, держал в левой руке фонарик, в правой нож и был готов хоть к концу света.

За приоткрытой дверью заскрипел пол. Хмылка не стала поворачивать голову на звук, ведь так может выдать себя. Она различила мелкие тяжелые шаги — проснулась Таисия. Скорее всего, решила проверить, спят ли гости. Шаги отдалились, их стало не слышно. А через некоторое время снова появились, но уже на крыльце.

Сердце заколотилось быстрее. Предчувствуя беду, Хмылка крепче сжала нож. Зачем старуха вышла на улицу? Аксиныя непременно нашла бы успокаивающую причину, к примеру, захотелось в туалет. Но Хмылка не столь оптимистична, розовые очки не носит. Если она и правда вышла в туалет, то не по нужде, а чтобы оттуда позвонить в полицию и сообщить о преступниках.

Таисия зажгла на крыльце фонарь и стояла, даже не думая куда-то двигаться. Хмылка не закрыла глаза, надеялась, что хозяйка дома подслеповата. Прошло минуты две, когда вдоль улицы потянулись белые огоньки, освещая дорогу. Сомнений не было. С налобными фонарями двигались они. Мгновенно насчитав около двадцати фонарей, Хмылка спрыгнула с подоконника на Марка, чем разбудила всех.

— Охотники! — прохрипела она.

Матвей вскочил первым и выглянул в окно. Отряд двигался быстро, но достаточно шумно. Залаяли собаки.

— У нас меньше минуты — иначе мы покойники, — сказал парень и, схватив приготовленную на этот случай сумку с самыми необходимыми вещами, устремился на кухню.

На кухне Матвей и Марк распахнули оконные рамы и первыми перепрыгнули. Хмылка перелезла третьей и оказалась в огороде. Снова похолодало, как прошлой ночью. Значит, маг-охотник тоже здесь.

Последним из дома выпал Стас. Хмылка помогла ему подняться, затем вместе с ним и остальными побежала в сторону леса. Беззвездной ночью ограду рассмотреть было невозможно, и вся группа с ней столкнулась.

Сзади в них ударил свет. Хмылка оглянулась: охотники вошли в огород. Матвей схватил ее за плечо и сказал:

— Помни: бежать, не останавливаться, не возвращаться — только бежать!

Хмылка крепко обняла лучшего друга, а отпустив, перелезла с ним через ограду. Охотники успели разбежаться в разные стороны, намереваясь окружить. Одно хорошо: похоже, их убивать не собирались.

Матвей включил фонарик и посветил в лес. До него оставалось метров двести. Хмылка боялась воспользоваться фонариком и просто бежала за другом. Олесь и Стасик, как самые быстрые в группе, добрались до леса первыми и скрылись в нем.

— Нужно разбежаться, — шепнула Хмылке и Матвею Лейсана. Она с Сатаной скрылась за кустами.

Сзади кто-то упал. По вздоху стало понятно: Марка подвела левая нога. Послышался грубый мужской голос, велевший Марку лежать и положить руки за голову. Он попался. Его не вернуть. Хмылка побежала быстрее, поэтому решила, что Матвей просто отстал. Но ошиблась. Посмотрев в сторону дома, она увидела дерущихся друга и двух охотников. И его схватили.

Чья-то рука вцепилась в фонарик — его пришлось отпустить. Хмылка скрылась за кустами и остановилась всего на секунду. Ей стало трудно дышать, будто кто-то схватил за горло. Пройдясь ладонью по шее, она убедилась, что никто ее не душил. Сзади раздались крики и выстрел. Закричала Аксиныя.

«Матвей... Матвей!», — продолжив бег, Хмылка медленно осознавала, что, похоже, больше друга никогда не увидит.

Она натыкалась на деревья, царапалась о ветки, пару раз падала, но все — в тишине.

Иногда кто-то мимо проносился, но кто именно — догадаться было невозможно. Хмылка чувствовала, как слезы текут по щекам, пробираются в рот. Неужели она осталась одна, всех поймали? Если так, имело бы смысл вернуться к дому и сдать. Чтобы быть вместе с теми, кого любит, до самого конца. Бежать заставляла слабая надежда, что Олесь и Стас, успевшие первыми скрыться, оторвались, и их не ждет участь Матвея и Марка.

Рядом снова кто-то промчался, Она прильнула к дереву и замерла. Мчащийся невесть куда затормозил и возвратился к дереву возле которого, очевидно, слышал шум. Любой неопытный маг подал бы голос, ведь у мчащегося не горел фонарь. Только Хмылку этим трюком не проведешь: в темноте охотники часто притворяются «своими», так легче и быстрее схватить. Сделав выпад и согнув одну ногу в колене, она направила нож в сторону, где, ей казалось, кто-то стоит.

Но свет появился сзади. Хмылка резко развернулась, взмахивая ножом. Охотник перехватил ее, сжав запястье. Стараясь не быть ослепленной, она нацелилась пальцами другой руки в глаза, но промахнулась. Обе руки были схвачены, а тело с легкостью прижали к дереву и обвязали толстой веревкой.

Неподалеку мелькнули еще фонари, в поле освещения Хмылка увидела Олесь. Поняв, что его вот-вот схватят, она зарычала. Веревка под действием магии в секунду развязалась и петлей легла на шею у охотника. Затем охотник резко взмыл вверх, веревка обвязалась вокруг дерева. Хмылка понеслась к другу, закипая от гнева.

Две охотницы бросились на нее, но магия пронесла их метров на десять и ударила о дерево. Ветка царапнула лицо, крапива обожгла ноги. Хмылка настигла охотника, схватившего Олесь, но в нее саму вцепились двое. Один пнул ее в спину, и она упала на землю. Тот, кто держал ее друга, чему-то рассмеялся.

— Слушайте, а Лисицыны и Сериалов еще не приехали? — спросил он у тех, кто держал Хмылку.

Но ему ответили из-за деревьев показавшиеся охотницы:

— Минута есть, делай свое грязное дело, мы покараулим.

Хмылка поняла, о каком грязном деле идет речь, только когда он привязал Олесь лицом к дереву и принялся расстегивать с себя брюки.

— Какой хороший попался в этот раз, прямо глаз радуется, — с возбуждением бормотал охотник.

С разных сторон стали появляться другие работники Министерства, они вели пленных: Стаса и Матвея.

— Не трогай его, урод! — с ядом в голосе проорала Хмылка.

— Ой, да что это ты раскомандовалась? — рассмеялся охотник, ногой жавший ее к земле. — А давай-ка и я тебя оприходу.

Он поднял ее и поволок к дереву, попутно доставая веревку из широкого кармана штанов. Хмылка встретила с испуганными глазами Олесь. Он пытался ударить врага ногой, но дело это оказалось бесполезным.

Дерево, к которому Олесь был привязан, затряслось, чем удивило врагов. А затем взорвалось на мелкие щепки. Хмылка широко открыла рот и во весь голос закричала. Вокруг повзрывались деревья. Охотники то падали с приступами, то взмывали к небу. Она продолжала кричать и когда стягивала с оцепеневшего лучшего друга веревки. Державшие Матвея и Стаса так же поддались магии и взлетели вверх. Ее гнев поднял врагов так высоко, что они скрылись из виду.

Крик остановился. А еще через полминуты охотники разбились о землю. Опустошенная Хмылка медленно перешагивала через кровавые пятна. Матвей смотрел на нее торжествующе. Его взгляд говорил: мы победили сраных людишек! Мы живы!

Затем взгляд перешел с подруги на кого-то позади нее и сделался испуганным.

— Недурно, — произнес женский голос. — Вот только зря.

В плечо Хмылки что-то вонзилось. Через несколько секунд ее ноги согнулись в коленях и она упала на землю. Последнее, что Хмылка увидела, прежде чем ее глаза закрылись: там, за деревьями, высоко-высоко появился желтый кусок луны.

Глава 5. Там, где сгорают мечты

Неприятный звон в ушах утихал, в глазах то и дело появлялись яркие белые пятна. Через шелковый кардиган чувствовалась холодная плитка. Серые пол и стены постепенно переставали плыть. Зрение прояснялось. Кого-то рядом вырвало, Лейсана с трудом различила лежавшего Стаса. Мышцы рук и тела напряглись, Лейсана приподнялась, но тут же упала. Теперь она видела яркий свет длинных люминесцентных ламп. Справа закашляла Аксинья. Лампы исчезли, их закрыла морда Сатаны. Хаски с благодарностью уткнулась в шею.

— И я рада, что ты меня не оставила, — ответила собаке Лейсана.

Слабость уходила, возвращались силы. Зрение и слух полностью восстановились. Вокруг слышалась возня. Лейсана приподнялась. Марк, Олесь и Матвей, будто пьяные, поднимались с пола, опираясь друг на друга. Хмылка не двигалась, продолжала лежать, и Лейсана, решив, что подружке плохо, поползла к ней на четвереньках, попутно разглядывая помещение.

Все ее знания говорили: это тюремная камера, рассчитанная на десять человек, с отдельным туалетом. Отсутствие окон и естественного света, железная дверь, ведущая в тюремный коридор намекали: мухи попались в паутину.

— Ты как? — Лейсана положила руку на плечо Хмылки. Ответа не последовало.

Прислонившись к стене, она разглядела возле двери в туалет полулежащую с босыми ногами незнакомую девушку. Ее длинные черные волосы рассыпались по тощему телу в разодранной черной майке и рваных джинсах глубокого синего цвета, голова была опущена. Похоже, она спала.

На ноги упала книга — «История магии». Лейсана признательно посмотрела в глаза Матвею. У самого леса она выронила книгу, а он ее поднял. «История магии» спряталась под кардиганом, на случай, если явятся охотники.

— Зато живы, — пожал плечами Стас, когда догадался, что находится в тюрьме.

— И будем жить, как всегда, — махнула рукой Аксинья, словно тем отгоняла дурные мысли.

Оптимизма Аксинью не лишит даже пытками.

Лейсану бросило в дрожь. Она вспомнила, что заключенных, если их не отправляют в лабораторию, пытаются в тюрьме самыми старыми и верными методами. С какими целями проводят пытки — неизвестно, пожалуй, даже самим охотникам.

Марк протопал к спящей незнакомке и позвал. Незнакомка подняла голову и внимательно посмотрела болотными глазами на него, затем на остальных. Ее нижняя губа кровоточила.

— Где мы? В каком городе?

Девушка не ответила, а опустив голову, снова заснула.

Сатана завывала, требуя Марка поиграть с ней. Лейсана мысленно позвала хаски и была услышана. Собака покорно легла у ног.

Когда-то у Лейсаны были две кошки — Милка и Мимикока. С ними она скиталась по стране год и четыре месяца, тогда и развился чанк понимать и общаться с животными. Кошки не раз спасали ей жизнь. Лейсана выяснила, что животные умеют предчувствовать и

предвосхищать события. Правда, от гибели Милка и Мимикока не убежали. И сейчас Сатана чувствовала, что враги скоро нагрянут в камеру.

Аксинья села рядом с подругой и уткнулась ей в плечо. Стас и Марк с беспокойством ходили из угла в угол, стараясь не наступить на единственный матрац с подушкой и не споткнуться о Матвееву сумку. Матвей и Олесь расположились рядом с Хмылкой, продолжавшей лежать неподвижно.

— Я тут подумал, — сказал Матвей, — надо было соорудить бомбу и спрятать в сумке.

По расслабленности друзей и относительно спокойным лицам Лейсана сделала удивительный вывод: никто не боялся, кроме, пожалуй, Хмылки. Страх бессмыслен: на своем жизненном пути они уже сделали последнюю остановку. Здесь, в тюрьме, их конечная.

Марк вглядывался в циферблат наручных часов, которыми очень гордился. Они были в корпусе из белого золота на стальном браслете, редкие и дорогие. Чем чаще Марк смотрел на время, тем сильнее нервничал. Прошло больше двух часов, но охотники так и не пришли. Словно о существовании новых пленных никто не знал. Даже незнакомка в ободранной майке в упор не видела попытки сокамерников с ней познакомиться.

За это время компания смирилась с проигрышем. Лишь Аксинья не считала, что проиграла.

— Давайте смело смотреть вперед! — пыталась воодушевить она.

Воодушевить ей удалось единственного Стаса, и то — ненадолго. Парень вжался в угол и, надев наушники, слушал музыку в вечно работающем плеере. Музыка была его спасителем, а плеер — важной частью жизни. Стас, никогда не видевший радугу, говорил: «Я могу слышать ее! Ощущать цвета! Знаете, как звучит желтый цвет? Синий? А я знаю». И после таких слов он растворялся в музыке — в радужном мире, на зеленой солнечной поляне, где только что прошел дождь.

Из коридора слышались шаги. Зазвенели ключи. Железная дверь открылась. В камеру вошли трое — в черной форме главные охотник и охотница, и в белой форме — маг. Главный охотник был аномально высоким и худым, чем слегка напугал вскрикнувшую Аксинью. Лейсана мысленно повесила на него ярлык «психопат» за мрачные серые глаза под густыми черными бровями и перекошенную в левую сторону улыбку. Главная охотница выглядела зловеще. Ее Лейсана в мыслях назвала сучкой за короткие огненно-рыжие волосы, дерзкий взгляд и ядовито-красную помаду на губах. А вот маг не вызывал опасений: он был слишком толст и в очках, которые носились явно не для того, чтобы следовать моде. К тому же, он вспотел, что делало его еще уродливее. Сатана завывала на толстяка, узнавая. Лейсана поняла, что перед ней тот самый маг со способностью к атмокинезу — управлению атмосферными явлениями, и прикрепила к нему ярлык неудачника.

Главный охотник, достав бумажку и заглядывая в нее, заговорил:

— Азатов Олесь, Вишневский Малк, Далков Матвей, Кутилова Аксинья, Манчкин Катя, Медведева Лейсана и Солнечный Станислав здесь? Отлично. Настало время познакомиться. Я — Алексей Лисицын, это — моя жена Кателина.

— Не «это», любимый, а «она», — с притворной нежностью поправила его Катерина.

— И я — Дмитрий Сериалов, приятно познакомиться, — прозвучал мягкий голос мага-охотника, вытирающего платочком пот со лба.

Дмитрий кратко взглянул на сидевшую возле туалета незнакомку, затем направился к

Стасу.

— Сейчас мы проведем осмотр. Христа ради, не пугайтесь, — сказал он, начиная лапать парня.

Алексей взял сумку Матвея и вышвырнул вещи на пол. Катерина прошлась по всем взглядом, выбирая, с кого начать, и остановилась на валявшейся Хмылке. Лицо Лисицыной исказилось так, словно ее только что оскорбили.

— Ты, — зашипела охотница. — Ты! А ну вставай!

Она дернула Хмылку за плечо и заставила сесть на колени.

— Так вот кто виноват в смерти шестнадцати людей! — заорала рыжая сучка.

— Тише, лодная, иначе от твоего клика у Димы будет несваление, — спокойно произнес Алексей, запихивая вещи обратно в сумку. — Ваши вещи плидется заблать.

Но Катерина не думала останавливаться. С яростным криком она ударила кулаком по лицу, и Хмылка расхохоталась.

— Людей? Я убила людей?! Ты, мерзкая тварь, смеешь подменять понятия? Они — звери, а мы — люди!

Волосы Хмылки оказались зажаты в ладони. Лисицына приблизилась лицом к лицу и прошептала:

— Скажи, милочка, обязательно было убивать?

— Они хотели трахнуть нас! — после слов ведьма плюнула охотнице в нос.

— Милочка, лучше перетерпеть, пока насилуют, чем убивать невинных людей.

Черноволосая незнакомка резко вскинула голову и со злостью сжала кулаки. Лейсана решила, что у нее была похожая ситуация и сейчас она полностью разделяет мнение Хмылки.

Коленом Лисицына ударила ведьму, из-за чего та упала, пережимая нос, чтобы остановить кровотечение. По лежачей прошлись руки, забирая из карманов нож, зажигалку и невесть откуда взявшиеся сигареты.

Тем временем Дмитрий отпустил Стаса, разрешив ему оставить плеер, и осмотрел Аксинью. Алексей, проверив Олеся и Матвея, задумчиво пялился на Сатану и чесал подбородок.

— Что с псиной делать? — спросил он непонятно кого.

— Оставь. Может, оборотень какой или еще чего, — ответила Катерина и перешла к Лейсане.

— А не сдохнет? — Алексей подождал немного ответа, потом плюнул.

Лейсана гордо поднялась и обнаружила, что выше сучки сантиметров на пять-семь. «Историю магии» спрятать не удалось. Сучка достала книгу и открыла на первой странице.

— Так-так-так. Посмотрите-ка, да у нас тут собрание сочинений! — Смех рыжей напоминал столкновение пустых мусорных баков.

— Не забирайте! Мне нужна эта книга. Пожалуйста!

Впервые за долгое время ноги Лейсаны задрожали от ужаса. Она не могла отдать «Историю», просто не мыслила, что будет делать без нее. Охотница снова рассмеялась и весело вздохнула.

— О, раз ты так просишь, ведьмочка. Не заберу.

Щелчок. Катерина поднесла зажигалку к страницам.

— Гори, феерия, гори.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Наблюдая, как книга быстро превращается в пепел, Лейсана медленно сползла по стенке. Пепел падал ей на щеки и смешивался со слезами. Когда «История магии» догорела, Катерина отряхнула руки и присела, заглянув прямо в душу.

— Огонь — это ли не волшебство?

Через минуту Лисицыны и Сериалов с отнятыми сумкой, фонарями и ножами покинули камеру, надежно заперев заключенных.

— И почему люди так поступают? — с унынием вслух подумал Стас.

Решив, что он про старуху, выдавшую их охотникам, Аксиныя ответила:

— Нельзя винить людей в том, что они выполняют гражданский долг. За сокрытие магов им тоже дают срок, кто захочет рисковать? Не суди, да не судим будешь.

Лейсана отважилась увести в туалет корчившуюся от боли Хмылку. Она помогла ей встать и, стараясь не испачкать кардиган, майку и шорты, прошла мимо незнакомки. Очень маленькая туалетная комната содержала в себе грязные унитаз, душевую кабину и раковину. Не было ни зеркала, ни полотенца, ни коврика для ног, ни ершика. Только зубные паста и щетка на раковине и два рулона туалетной бумаги на бачке унитаза и еще с десятков возле.

— Плохо без зеркала, — сказала Лейсана, оmyвая лицо подруги. Хмылка самостоятельно делать что-либо наотрез отказывалась, и это тревожило больше, чем грядущие пытки.

В камере открылась дверь и что-то со скрипом въехало. Лейсана выглянула из туалета и увидела пожилую женщину в фартуке с раздаточным столом на колесах. Женщина схватила железную тарелку, половником выгребла из ведра манную кашу и положила тарелку на пол.

— Завтрак, — рывкнула она, когда Марк разжал губы, чтобы спросить.

Лейсана вернулась к Хмылке. Вместе они вышли пару минут спустя. На полу стояли тарелки с едой и бокалы с кофейным напитком. Грязные алюминиевые ложки тонули в каше.

— В обед имейте совесть — берите с рук, чтобы я не наклонялась лишний раз, — пробасила раздатчица и выехала со столиком из камеры. Дверь заперли.

Все собрались вокруг завтрака. Никто к тарелкам прикоснуться не решался. Полагали, что, может статься, отравлено. Но кофейный напиток так обворожительно пахнул, и Аксиныя не удержалась: схватила бокал.

— Ребята, ну правда, ничего с нами не случится. Или вы считаете, что нас заперли действительно для того, чтобы убить? — Аксиныя сделала глоток и блаженно застонала.

О книге, превратившейся в пепел, Лейсана старалась думать реже. Она сидела на выданном матрасе и с грустью разглядывала ногти на ногах. Получасом ранее раздатчица забрала посуду с ужина, и теперь каждый размышлял о прошедшем дне. У Марка отобрали часы, и он выплеснул весь гнев на компанию. Больше ничего не произошло. Не приходили охотники, не пытали. Все так же молчала странная незнакомка с очень длинными волосами и лицом, говорящим, что у нее явно восточные корни. И Хмылка мало говорила и почти ничего не ела. Что-то с ней было не так.

Чьи-то босые ноги появились перед глазами. Голова Лейсаны поднялась — перед ней стояла незнакомка и протягивала блокнот с черной ручкой.

— Сериалов, пусть и охотник, хороший человек. Иногда проносит вещи, о которых я прошу, — голос девушки звучал очень тихо и медленно. — Вижу, тебе блокнот нужнее. Будь сильнее, сопротивляйся унынию.

Когда девушка развернулась, Лейсана опомнилась.

— Как тебя зовут?

Незнакомка отвечать не вздумала.

Отдаться философским размышлениям в первый же день тюремного заточения — сомнительное удовольствие. Но это одна из тех вещей, которая позволяет не потерять рассудок. Безнадежно вздохнув, Лейсана открыла блокнот и сняла с ручки колпачок. «Если уж писать, — решила она, — так много».

«Есть ли у людей, не имеющих способностей к магии, мечты? Или что они понимают под мечтами? Для меня — мир во всем мире. Это утопия, пока что утопия, и сбыться не может, хотя я и стараюсь приблизиться к разгадке, почему мы различаемся, в чем кроется суть дискриминации, и как решить проблему. Я видела, как люди делились планами на будущее, куда хотели пойти учиться, что делать в течение слишком долгой для них жизни. Видела их задумчивые взгляды куда-то вверх, в потолок, остывающий кофе в их руках. Определенно, мечтать они умеют, но почему мне кажется, что наши мечты все-таки различны? Ведь мы так же предаемся мыслям о будущем, планируем что-либо... Может, люди прикладывают недостаточно усилий для осуществления? Сколько, опять же, наблюдала, мечтать помечтают, а дальше — ну никак не выходит. Маги же, наоборот, меньше думают, больше делают. Разве я, пожалуй, исключение. Хоть и корю себя за это.

Почему я стремлюсь осуществить мечту о мире, хотя шансы на это почти нулевые, а какой-нибудь человек желание поступить в университет, выдаваемое за мечту, осуществить не стремится? Почему не садится за учебники и не готовится к вступительным экзаменам? Легко же! Убейте — не понимаю».

Теплые лапы дотронулись до ног. Лейсана внимательно взглянула на собаку, затем отвернулась.

«Еще меня волнует любовь. Насколько она безгранична? Можно ли любить одновременно сразу несколько, назову их так, душ? Или в таком союзе есть место лишь для двоих? А полюбить заново? Или, хотя бы, разлюбить? Как много вопросов! Но я ищу на них ответы. И почему-то я уверена, что свои чувства можно подарить обычному смертному, разделить с ним эту магию. Чем не лекарство от торжествующего фашизма, путь к миру во всем мире? Любовь свободна от рамок и ограничений — наше чувство безгранично».

Собака не успокаивалась. Она полезла лизать щеки Лейсаны.

— Сатана, ну успокойся уже. Иди с Марком поиграй.

«А вот тупость человеческая не безгранична. Сколько уже можно-то издеваться над нами, ставить какие-то опыты? Неужели им в голову не пришло, что мы могли бы согласиться стать добровольцами? Что-то ни одного мага со злым умыслом в сердце не припомню, каждый пошел бы ради науки в центр исследований. Я думаю, люди хотят получить наши способности, миновав способность любить. Чтобы делать суперсолдат».

Тут до Лейсаны дошло. Шершавый язык прошелся по щеке. Сатана заскулила. Но Лейсана не поняла, что собака хотела сказать. Мысль холодной водой окатила ее: чанк понимать животных пропал, она внезапно утратила свою способность. И сейчас для нее скулеж животного всего лишь скулеж и ничего больше.

Отбросив блокнот и ручку, Лейсана спрятала лицо в ладонях, чтобы никто не заметил подступившие слезы. Вот он. Момент, в котором теряются все мысли и проступает страх. Страх не за свою жизнь, а за мир. Люди лишены наивценнейшего дара. Из-за этого страдают не только маги и природа, но и сами люди. Лейсана и Олесь считали: каждый человек —

клетка одного большого организма. И организм этот болеет: ему не хватает любви. Поэтому Лейсана соглашалась с Олесем, что маги должны вылечить мир. Но как, если не можешь справиться даже со своим маленьким организмом, хрупким миром?

Утерев хорошенько мокрые щеки, она взяла блокнот в ладони. Чанки просто так не теряют. Ей вообще известен только миф о том, как одна ведьма его потеряла. Лейсана разучилась понимать животных — но это лишь ее второй дар, не основной. Означает ли это, что основную способность потерять нельзя?

Лейсана применила апперцепцию: считывание информации с блокнота шло всего секунду, но она узнала всю его жизнь. Кто его создал, кто им пользовался. Ей удалось узнать и имя последней владелицы. Незнакомку в порванных майке и джинсах звали Варварой.

— Все путем? — Марк сел рядом и заключил Лейсану в теплые объятия.

— Как думаешь, какой чанк у Варвары?

— Варвары?

— Нашей сокамерницы. Существует ли чанк, забирающий способности других магов?

Марк шумно вдохнул носом и судорожно выдохнул.

— Не знаю. Ты же самая умная. Ты и скажи.

— Может, я умная, но не всезнающая.

Немного подумав, она схватила ручку и дописала:

«Существует гипотеза, согласно которой люди раньше умели любить. Только вот эту способность они стали утрачивать, и любовь угасала, угасала... и угасла. В некоторых все же чувство осталось и даже усилилось. Потом у них развились уникальные умения, названные чанками. Ученые бесятся с того, что чанки без любви существовать не могут. Каждой стране нужна армия. Бездушная армия со сверхъестественными способностями — что может быть лучше? Так и стремятся к этому лабораторные безумцы, ведь какой любящий согласится воевать? С каждым ответом вопросов все больше... А времени все меньше. У магов так устроено: сегодня — жизнь, а завтра — голову под гильотину».

Глава 6. Еще один день без любви

За дверью кто-то нажал выключатель, вспыхнувшие ярким светом лампы заставили Матвея отвернуться лицом к стене. Всю ночь он старался уснуть, но сон пришел лишь пару часов назад. Наверное, сейчас было утро. В прямоугольных размеров комнате без естественного освещения сложно рассчитывать время. Наверное, скоро завтрак. А после — что?

Вчера Матвей возненавидел себя: он должен был сделать все возможное, чтобы избежать плена. Все, чтобы Олесь и Хмылка были на свободе, в относительной безопасности. Относительной — потому что на планете нет ни одного безопасного места для изгоев общества. Как нет и бога, который, если бы они все-таки молились, их спас.

Когда-то, уже очень давно, Матвей сидел с Ирой там, где не мог появиться охотник. И сквозь тишину слышал, как ее, Иры, сердце рвалось убежать из грудной клетки. Оно шептало: беги, девочка, беги. Каждый вдох сопряжен с опасностью.

Сон пленил Матвея. Глаза Иры, блестящие смехом, пугали и стыдили: он должен был ее защищать. «И как? Защитил? — смеялись ее глаза. — Ты не знаешь, где теперь я. Олесь, Катя — их-то защищаешь? Что? Страж семьи позволил им попасться? Что ж. Вы еще вместе, но уже потеряли друг друга».

В руку вцепились. Матвей подскочил.

— Ира?

Он перестал шуриться от света. За руку держал спящий на животе Олесь — парень всегда хватался за Матвея, когда снился страшный сон.

Матвей потер глаза, затем лоб и щеки. Лежали все, кроме него и странной девушки, отодвинувшей свой матрас поближе к туалету. Девушка сидела, прислонившись к серой стене, и игралась с невесть откуда взявшимся ножичком: щупала пальцами, подбрасывала.

Он направился в туалет, решив все-таки вымыть лицо и почистить зубы. За ним потянулась и незнакомка. Оказавшись в туалете, девушка прикрыла дверь.

— Ты и правда похож на веснянку, — бодро заметила она, впервые с кем-либо заговорив, кроме Лейсаны.

— Веснянку? — Матвей сонно посмотрел на голую стену, где должно было висеть зеркало.

— Насекомое, которое не боится ни холода, ни голода. Веснянка ничего не ест. Живет на запасы, собранные еще личинкой. Странно, что ты не знаешь.

Матвей хмыкнул: с чего бы ему знать? Он включил горячую воду и омыл лицо.

— И ты сделала такие выводы, наблюдая за мной всего-то день? — он взял зубную щетку и выдавил на нее пасту.

— Я очень наблюдательна. Но сравнила тебя с веснянкой моя бывшая сокамерница Ира. Щетка выпала из рук в раковину. Матвей повернулся резко, словно кобра.

— Ирина Алябьева? Ты ее знаешь?

Девушка с печалью вздохнула, хотя выражение лица было равнодушным.

— Знала, Матвей Дарков, знала. Она искала тебя, Стаса и Марка по всей Казани, только вот попала... сюда. Кстати, зови меня Варварой.

— Где я могу ее найти?

Варвара совсем не весело усмехнулась.

— А нигде. Убили ее два года назад. Видел главохотника? Долговязый, выше двух метров, то и ждешь: сдохнет от тромба, да не подыхает. Алексей Лисицын — его рук и помрачившегося рассудка дело.

Матвей застыл, стараясь принять новость. Ира искала его, когда он уехал в сторону Москвы. Искала. Значит, смогла сбежать от охотников. Думала, друзья где-то в городе. Но Марк весьма удачно нашел автодом, на чем в тот же день ее друзья и поехали куда подальше. А она искала, искала...

— Если б жива была, ты ее увидел бы. Из тюрьмы нет выхода. Тюрьма — наша последняя остановка. Мы можем разве что стоять в ожидании маршрутки под названием «Смерть». Жаль, у нее нет расписания.

Горячая вода завертелась у Матвея во рту. Он прополоскал рот, затем вымыл щетку.

Умерла, так умерла. Это жизнь. Все умирают. А он не мог помочь Ире, винить себя бессмысленно.

Центр груди наполнился жжением. В нем закипало новое чувство: ненависть. Винить надо охотника.

— Ирина не знала, что ты похож не только на веснянку. Ты — головоногий моллюск. У тебя три сердца — прямо как у него. Одно, основное, внутри тебя, второе и третье — внутри Олеся и... как ее там? В общем, ты понял. Ты их защищаешь, потому что... почему? Догадаешься сам или помочь?

— Сам.

Матвей умылся холодной водой и направился из туалета. Варвара встала поперек двери и с невозмутимым видом прислонилась к ней, мешая пройти. Она изучала его взглядом ореховых глаз. Матвей решил, что от него ждут ответа.

— Из-за чувства вины перед Ирой моя субличность, ответственная за других, гипертрофировалась. Поэтому мне необходимо кого-то защищать. Чтобы искупить вину. Спасибо за душевный разговор, психотерапевт.

Варвара открыла дверь в тот момент, когда в камеру вошел рядовой охотник в фиолетовой форме.

— Кутилова Акси́нья, пройдемте за мной, — он сказал слишком громко, из-за чего вздрогнула даже Варвара.

— Но я минуту как проснулась! — воскликнула ведьма, отбрасывая одеяло. Как и все, она спала в одежде.

— Ничего не знаю. Разнарядка есть — значит, потащим силой!

Охотник тяжелыми ботинками протопал к ней, схватил и поволок. Лейсана встрепенулась:

— Куда вы ее ведете? Куда?

Лейсана вцепилась в охотника, стараясь всеми силами остановить, но он с легкостью отбросил девушку на два метра. Стена приняла ее спину, и она приземлилась на пол рядом с дверью в туалет.

— Но как же завтрак? Я ничего не ела!

Дверь за ними закрылась. В тишине друзья поглядывали то на дверь, то друг на друга. Матвей и Варвара помогли Лейсане подняться.

За короткую жизнь маг столько всего видит, что перестает удивляться резким поворотам судьбы. Взрослея, он понимает бессмысленность некоторых поступков или слов и

просто принимает все как есть. Потому никто, кроме Лейсаны, лучшей подруги Аксины, ничего не сделал и не произнес. Бессмысленно.

Зная чувствительность подруги, Матвей позволил себе вольность: обнял ее. Успокаивать смысла так же не было. Аксиныю увели явно не для того, чтобы вручить билет на волю.

— Я проходила через это, — лицо Варвары было безжизненным; наверное, эмоции и чувства давно из нее выкачали. — Сначала у вас возьмут кровь, а потом начнут пытаться.

Матвей выразительно взглянул на нее, но поздно: Лейсана разрыдалась. Варвара продолжала говорить, и говорила так, точно слова ее особо интересными не были.

— В основном они используют средневековые методы пыток. Но и современные есть, такие как круглосуточное прослушивание одной и той же песни. Обычно пытки подбираются исходя из ваших способностей, чтобы подтвердить ту или иную гипотезу или что там ученые понапридумывали. Думают, пытки приближают их к какому-то ответу. Ха. Я здесь три года, но ученые ничего так и не поняли. А я получила много ответов на свои вопросы. Если вы еще задаетесь вопросом «есть ли среди людей люди?», то можете больше не думать об этом. Их нет. С любовью они растеряли человечность. Злятся из-за этого, ненавидят себя, но отыгрываются на нас. Вот бы стереть с Земли жалких выродков!

— Неправда! — воскликнул Олесь. — Не все люди такие!

Взгляды Варвары были схожи со взглядами Матвея, и Олесю это, конечно же, не нравилось. Матвей всмотрелся в глаза своего парня и увидел в них боль. Совсем скоро он поймет, что люди не достойны ни любви, ни внимания, ни жизни. Может, уже понял, просто с упрямством осла отказывался принимать действительность.

В коридоре зашагали. Повернулся ключ. Три рядовых охотника встали на пороге. Один из них сказал:

— Вишневский Марк, Манчкина Катя и Дарков Матвей, подойдите.

Выбора не было. Матвей подошел, и один из мужчин скрутил ему руки за спиной. Марк идти отказался, Хмылка как лежала на матрасе, слепо глядя в потолок, так и осталась лежать. Охотники потащили их силой.

— Можно я с ними пойду? — Олесь преградил путь охотнику, выволакивающему Марка.

— Всеу свое время, мальчуган, — со странной добротой в голосе ответил охотник.

Матвей столкнулся взглядом с Олесем, и его посетила странная мысль: может быть, путь на свободу еще не потерян. Матвея подтолкнули, направляя в коридор, и он пошел.

Коридор оказался длинным и светлым, и через каждые три метра стояло по охраннику. Не удивительно, почему раздатчица еды не боялась заходить в камеру одна: пытаться бежать заключенным нет смысла — все равно через коридор не пройдешь. Сзади присвистнул Марк.

— Сорок охранников. Нехило, а, ребятки?

В действительности их оказалось больше. Когда они завернули в единственный поворот, к сорока прибавилось еще двадцать. Серые двери рядом с ними пугали неизвестностью. Охотник, державший Матвея, открыл дверь с табличкой «102».

Белые пол и стены огромной комнаты напоминали больницу. Дополняли сходство Лисицыны и Сериалов: в белых халатах они сидели за столами в самом центре. В перчатках они строчили что-то в бумагах. Вне центра комнаты находились кабинки, выкрашенные в белый цвет. Внутри них наверняка было так же просторно. Возле каждой кабинки стояли по

два охранника в фиолетовой форме с пистолетами в руках. Работал кондиционер, царствовала угнетающая прохлада.

Охотники усадили Марка, Хмылку и Матвея за стол Катерины. Лисицына отложила ручку и достала из шкафчика три иглы-переходника и кучу пробирок для крови, положила все на стол. Алексей и Дмитрий тоже отвлеклись от писанины. Лисицын взял жгут и закрепил на правом плече Матвея. То же сделали Катерина у Хмылки и Дмитрий у Марка.

Грудь Матвея обожгло ненавистью к Алексею. Руки, прикасающиеся к его коже, прикасались к коже Иры. И эти руки ее убили.

— Любимый, давай все-таки посетим Италию, а не Британию? — игриво промурчала Катерина. — Ты пробовал оссобуко по-милански? А сицилийские аранчини? Умоляю, милый, будь котеночком!

От приторного голоса охотницы Матвею захотелось блевануть. Он с презрением фыркнул. И не почувствовал, как в руку вцепилась игла.

— Нет, милая. Я не люблю еду.

— А меня? — Катерина сделала обиженное лицо, заполняя пробирку кровью Хмылки. — Меня-то любишь?

— Милая, котолый день повтоляю: я люблю только тебя. Но хочу посмотреть экспозиции знаменитых магов и магоболцев в лондонском музее!

— Ну и фу!

Неожиданно для всех вскрикнул Марк, и пистолеты стражей нацелились ему в голову.

— Я не понял, ты впервые иглу держишь, что ли?! — Марк ударил Сериалова по руке и сам себе ввел иглу.

Катерина расхохоталась, потеряв при этом всю раздражающую Матвея притворно-сладкую влюбленность. Алексей лишь сморщил нос и сказал:

— Малк, лекомендую тебе быть вежливее с нами, а лучше — уважай нас. Ты посмотри, какой Дима бледный. Он клови боится. А чего боишься ты, Малк?

Марк снял пробирку с иглы, вставил другую и прорычал:

— Боюсь, что вместо меня тебя убьет кто-то другой.

Он разругался матом. В свое время Хмылка научила его очень многим грязным словам. А вот сама она молчала, покорно разрешая Катерине забирать четвертую пробирку. Катерина резко выдернула иглу и обратилась к мужу:

— Любимый, может, убьем его?

— Милая, ну не слазу же.

— Грушу?

— Да. Слышал, Дима? Веди Малка к глуше!

Что за груша — Матвей не знал. Побледневшее лицо друга говорило: что-то очень нехорошее. Дима поднял Вишневого.

— Оральную или анальную? — спросил он.

— Леши сам, — бросил Алексей, прицепив к месту укола пластырь. — Вставай.

Стул упал, когда Матвей поднимался. Сердце, только что бившееся ровно, заколотилось быстрее. Он не боялся пыток, даже больше: ничего не боялся, кроме потери семьи. Но сейчас организм выдавал страх. Боковым зрением он заметил, как Марк с Дмитрием скрылись в одной из кабинок.

— Вставай, мерзкая тварь, — прошипела Катерина, — пойдешь на «колыбель».

И снова слово с незнакомым значением. Матвей метнулся к Хмылке и успел ее обнять,

прежде чем Алексей, несмотря на его худобу, сумел с легкостью оттащить.

— Да отцепись! — прошипел Матвей, чувствуя боль в зажатом плече.

Алексей развернул его и направил к крайней кабинке. Внутри стоял железный шкаф в форме матрешки. Охотник достал из кармана черную коробочку, оказавшуюся пультом. Как только по команде шкаф открылся, Лисицын впихнул Матвея внутрь.

— Познакомься с «железной девой».

Шкаф закрылся. Чувствуя нарастающую панику, Матвей стал биться о дверь шкафа и кричать:

— Скажи, зачем все это? Зачем? Чего вы добьетесь бесполезными пытками?!

Но Алексей, кажется, не обратил внимания на вопросы и вышел из кабинки. Матвей нащупал заднюю стену, а в ней что-то острое. Гвозди? Иглы. Очень тонкие и длинные. Он ударил дверь кулаком и тут же вскрикнул: из двери полезли те же иглы. Под ногами завибрировал пол. Матвей затаил дыхание в ожидании острых шуток в полу. Но они не появились. Вместо этого стены «железной девы» стали сужаться, лениво приближаясь к телу.

«Меня захотели в решето превратить?» — мысль, что через несколько минут он умрет, пугала меньше, чем мысль о том, что ждет Хмылку и Олеся.

Взгляд вверх. В самом верху было крошечное отверстие, через которое пробивался жалкий кусочек света. Одна хорошая новость: от нехватки воздуха он точно не умрет.

Матвей решил: чтобы не запачкать, футболку и брюки надо снять. Он стянул футболку и закинул на плечо. Брюки снять не успел: стены оказались настолько близко, что уже нельзя двинуться с места. Во рту пересохло. Ладонями Матвей схватился за иглы, пытаясь отталкивать стены. Безрезультатно. Он попытался сломать их. Не получилось. Ужас окончательно сковал его.

Первые иглы вонзились в бока. Боль была не такой сильной, какой ее ожидал Матвей. Словно разом укусили тысячи пауков, а укус их как начался, так и не останавливался. Затем иглы вошли в живот, грудь и ноги. Еще позже — в спину. К лицу иглы приблизились в последнюю очередь. И только когда они ткнулись в щеки, Матвей завопил. Завопил одновременно с Хмылкой и Марком.

Глава 7. Мертвые звезды

Дыхание Олеса сбилось. По лицу растекалась теплая вода. Минут пять назад его провели в кабинку под тридцать шестым номером сто второй комнаты. Уложили на операционный стол, связали конечности, чтобы не дергался, и голову. В рот вставили железную воронку. Из других кабинок доносились стоны и вопли: чьи именно — разобрать он не мог. Лица тощего и рыжеволосой размывались — в глаза попали капли. Катерина провела пальцем по краям его глаз и обратилась к Алексею:

— Любимый, правда Азаров похож на ребенка? Такой славный, такой хороший. И лицо доброе.

— Милая, мы не можем себе позволить завести детей. За ними нужен уход.

Над глазами мелькнула пятилитровая бутыль. Алексей осторожно пристроил ее к воронке, и вода потекла Олесю в рот.

— Я не про это, дорогой. Оставим уж его-то? Скажем, что он сам захотел стать охотником?

Поняв, что его хотят оставить в живых, сделав магом-охотником, Олесь попытался что-то сказать, но вышло бульканье. Когда Лисицын отложил бутыль и воронку, он отдышался и заявил:

— Мне жаль вас.

— Это еще почему? — удивился Алексей.

— Вы хотите любить. Вы мечтаете! Но не можете. Симулянты! Любовь? Не ваш удел! А я? Я люблю!

Разочарованно вздохнув, Алексей вернул воронку на место и стал заливать воду. Олесь разобрал смех. Не в его силах умереть, даже если выпить сто литров. Или если жидкость попадет в легкие. Он начал захлебываться, но продолжал смеяться, выплескивая воду из рта.

— Олесик, мы не звери какие, — словно с ребенком, заговорила Катерина. — В тюрьмах ничего страшного не случается. Мы пытаем магов, чтобы оценить их возможности. До смерти доходит крайне редко. Соглашайся, условия работы очень хорошие.

Бутыль опустела. Ладонь Лисицыной убрала воронку.

— Ну, что?

Олесь дал себе секунду для восстановления.

— Пытка. Этим словом сказано все!

Катерина задрала голову и захохотала, чем перекрыла стоны и визг пленников.

— Ты историю-то читал? В большинстве стран решение о пытках принимал народ. Люди решили: вас надо пытать. Министерство за это не несет вины. Жалуешься? Пожалуйста, но не нам, а людям.

Теплая рука коснулась живот Олеса. Ощупывая живот, охотник заметил:

— Не белет его вода, милая. Пишем, что маг устойчив? Или еще попытаем?

— Чего жалеешь-то? Литров двадцать — минимум. Еще и соли добавить можно.

Жидкость вновь полилась в горло. Олесь захлебывался, ему казалось, что он тонет. Тонет обессиленным, беспомощным и бесполезным. Вместе с водой в него вливалось сомнение. Правду ли сказала Катерина? Неужели люди настолько жестоки?

— Олесюшка, пытаем тебя не мы, а народ, — звенел в ушах хохот Катерины.

Жалость к людям бесследно исчезла. Ненависть накрыла волной. Несколько кабинками дальше раздался страшный крик Матвея. И в душе Олесь что-то оборвалось.

Олесь поправил мокрую футболку и остановился, не веря, что пытка кончилась.

— Шевелись! — Катерина завела ему руки за спину и вывела из кабинки.

Из другой кабинки, медленно ступая, появился едва живой парень, с головы до ног залитый кровью. Слепо он направился к столу, за которым сидел и заполнял бумаги Сериалов. Олесь не сразу распознал, что обезображенный парень — Матвей. Ноги Матвея неуверенно подкосились, и он упал.

— Нет! — Олесь вырвался из рук Лисицыной и метнулся к нему. Синхронно охранники взяли под прицел обоих.

Олесь боялся дотронуться до близкого человека. Кровь сочилась из каждого проколотого места. Проколов было меньше всего на лице и руках, но и те казались изуродованными до неузнаваемости.

— Матвей, я здесь! Матвей! — Олесь робко прикоснулся пальцами к его щеке.

Парень лежал неподвижно и открывать глаза не собирался. Олесь прислонился ухом к губам и прислушался. Затем резко вскочил. Один нервный охранник выстрелил, но промахнулся всего на сантиметр от лба.

— Он не дышит! Слышите?! — закричал Олесь, переходя с крика на рыдание.

— Да всего лишь цалапина, — из кабинки появился Алексей.

Олесь упал рядом с возлюбленным и забился кулаками о пол. Полетели брызги крови. Пахло: то ли кровью, то ли смертью. Рядом села на корточки Катерина.

— Жутковато изуродовали люди твоего паренька, не правда ли?

Вцепиться охотнице в горло и задушить, разбить ей голову, утопить в соленой воде, выжечь глаза, сварить в кипятке — лишь самая малая часть того, что Олесю захотелось сделать с ней. Он обернулся.

— Убей меня! Убей!

— О, нет, миленький, — с лаской в голосе сказала она, — есть идейка выгодней...

Алексей велел двум охранникам взять тело Матвея. Катерина придвинулась ближе и прошептала Олесю:

— У нас в тюрьме есть маг, умеющий исцелять других. Если твой паренек еще жив, он его подлечит. Но услуга за услугу: нам нужны маги-охотники. Что скажешь?

Он вцепился ей в плечи и поблекшими зелеными глазами сказал: да.

Тишина посетила сто шестнадцатую камеру. Как объяснила Лейсана, в зданиях подобного типа комнаты нумеруются так: первая цифра означает этаж, а другие две — порядковый номер. Для Стасика это стало хорошей новостью. С первого этажа легче сбежать.

Стасик, как и все, сидел молча, прислонившись к стене. На его левой руке, где должен был быть мизинец, свисал грязный красно-черный бинт. Ему отрезали палец за непослушание. Во время пытки на электрическом стуле он схватился за охотника и убил его током.

Прижавшись к парню, полулежала Акси́нья и мечтательно улыбалась, уперев взгляд куда-то вверх. Ее платье успело запачкаться и порваться в нескольких местах. Она считала,

что им повезло, ведь после пыток все живы. Олесь не понимал: как можно чувствовать себя хорошо, когда друзья изнывают от боли? Аксиные и пытки были нипочем. Ее истязали магией, но что и как это — она не объяснила.

Матвей вернулся в камеру неизменно хмурый. Зато живым и без намеков на раны, что не могло не радовать. Матвей одобрил сделку между Олесем и охотниками и сказал, что нужно договориться и друзьям: лучше быть хищником, чем жертвой. Никто от идеи в восторге не был. Но в шкуре министерской пешки сбежать проще.

Марк обдумывал новость. Он сомневался. Полагал, Лисицыны откажут им в просьбе пойти вслед за Олесем. Лидер внимательно изучал лицо каждого, кто находился в камере. Не хватало Лейсаны и Хмылки. Лейсану все еще пытали музыкой. Варвара сказала, для новичков такая пытка длится сутки. Хмылка скрылась в туалете сразу как вернулась из сто второй комнаты. Следы ее крови все еще влажно блестели на полу.

— Решено. Будем проситься, — прогнал тишину Марк.

Варвара прыснула со смеху.

— Вы серьезно считаете, что станете охотниками и сбежите? Умоляю. Нет шансов. Я точно знаю. Сериалова помните? Он влюблен в меня. До вас я больше года находилась здесь в одиночестве, и Дима часто приходил, общался со мной. Он-то и рассказал, через что прошел. Жаждете переметнуться? Вперед! Но учтите. Сначала один месяц вас тренируют, еще два после — с глаз не спускают. Первые три с половиной года живете под «охотничьим арестом», то есть привязаны к кураторам. Только на четвертом году заметите: вам доверяют. Из тюрьмы сбежать шансов больше. И это при том, что выбраться отсюда не-во-зможно.

— Если Сериалов влюблен в тебя, почему ты еще здесь? — подняла голову Аксиная.

— Потому что он — трус и слабак. И я лучше сгнию в камере, чем стану одной из этих.

Через три дня придет приказ о назначении Олесья Азарова магом-охотником. Катерина сказала, из-за торжествующего в стране бюрократизма многие дела затягиваются на недели, и по современным меркам семьдесят два часа ожидания — очень даже быстро. Она пообещала, что его больше не тронут. На просьбу не трогать сокамерников она только рассмеялась.

— Как думаете, правда, что люди хотят нашей смерти? — едва слышно спросил Олесь.

Варвара указала на него пальцем и со скепсисом взглянула на Матвея.

— И он — твой парень? Небо и земля.

— А что такого? — недоумевал Олесь.

— Ты случаем не из параллельного мира? — Олесь теперь заметил, что голос у Варвары грубый. — Три часа назад тебя пытала Катерина — самка из отряда приматов. И еще пять или шесть миллиардов приматов хотят сделать с тобой то же самое. В каком месте ты увидел у них желание тебе помочь?

Проскользнувшая между ног Сатана привела Олесья к мысли: быть человеком разумным само по себе уже наказание. В нем зарождалось странное и прежде незнакомое чувство. Неприятное, противное и пугающее. Кажется, он ошибался в людях.

Потрепав хаски, Олесь поднялся и направился в туалет. Матвей встал, чтобы последовать за ним, но жестом ладони Олесь попросил остаться. Он перешагнул пятна крови и оказался по другую сторону двери. Когда-то белые, но теперь кровавые кроссовки вновь наступили на страшную, пахнущую железом, жидкость.

Под раковиной, скорчившись, лежала Хмылка. Светлые волосы девушки слиплись и окрасились от крови. Открытые глаза неподвижно смотрели на стену. Изредка они

закрывались. Олесь не мог угадать: отчужденное поведение подруги связано с мощной вспышкой гнева в лесу или с попаданием в тюрьму?

Отбросив мысли, Олесь прилег рядом, уткнулся в теплый живот подруги и разрыдался.

— Зачем? Почему они так жестоки?

Вопросы ответов не требовали. Во всяком случае, так посчитала Хмылка. Ее взгляд сдвинулся с мертвой точки и уперся в Олесь. Ладонь девушки коснулась его спины. Он услышал всхлип. Слишком много слез стекало с щек и смешивалось с кровью. Слишком много боли в них скопилось. Они прижались друг к другу и временно покинули страшную реальность.

Ему снились звезды. Мертвые звезды. Такие родные, но одновременно далекие холодные синие глаза Матвея. Олесь растворялся в космосе и наблюдал за смертью множества точек. В пределах миллионов световых лет он был одинок. Космос сжимал его и выталкивал из себя. Скопление звезд отдалялось, пока Олесь не оказался вытолкнут в сто вторую комнату. Перед ним в болоте крови лежал Матвей, широко раскрыв глаза. Зрачки его вытянулись, как у кошки, и молодые синие звезды, которые должны быть горячими, погасли, покрывшись коркой льда.

— Завтрак! — громкий голос раздатчицы разбудил Олесь.

Стуча половником по кастрюле и тарелкам, женщина раздавала кашу «дружбу» подходившим заключенным. Олесь взял тарелку, а из ведра на нижней полке достал два кусочка ржаного хлеба. Во вторую руку ему всунули сладко пахнущий кофейный напиток в железной кружке. Раздатчица вывезла грохочущий стол и закрыла за собой дверь.

Он сел обратно на матрац и откусил кусок хлеба. Еду в тюрьме давали не очень вкусную, но и не слишком уж отвратительную.

Олесь наблюдал за друзьями. Аксиныя понесла тарелку и кружку в туалет — Хмылка снова не появилась на раздаче. Марк медленно жевал кашу. Вернувшаяся часом ранее с пытки Лейсана продолжила медитировать. На вопрос Марка «как ты?», она ответила, что все нормально, что пытка музыкой не возымела эффекта, но слегка разрушила ее гармонию. Матвей и Стасик так же с завтраком решили повременить: они, отпихнув матрацы в углы, отжимались на полу.

На Матвея Олесь старался не смотреть. Он боялся увидеть в его глазах приходящую смерть. Боялся, что эти глаза видит в последний раз.

— Лейсана, — Олесь позвал подругу, но она вышла из медитации только когда почувствовала его ладонь.

— Ау?

— Какие звезды самые холодные? Синие?

— Дурашка, самые холодные — красные. Голубые — горячее всех. Зачем спросил? — На лице Лейсаны появилась согревающая улыбка, и Олесь почувствовал облегчение. Она умела успокаивать просто своим присутствием.

Стасик и Матвей поднялись с пола и начали зарядку. Лейсана поймала взгляд Олесь. Еще шире улыбнувшись, она села рядом и обняла друга.

— Вселенная огромна, если не бесконечна. Кому-то «повезло» родиться здесь, на Земле. Причем, не в самую лучшую эпоху. В прошлой жизни я родилась на другой планете, Норадвсептицхум называется.

Олесь с интересом и удивлением посмотрел в зеленые глаза подруги. Они были

искренними.

— Норадвсептицхум?

— Да. И на ней жили и живут только эльфы, я тоже была эльфом. Если сравнить жизнь там и здесь, это рай и ад. Главное, чем нравится та планета: абсолютное равноправие в любви, никто никого не притесняет. Так здорово... вот бы снова туда! Олесь, когда-нибудь ты, я, Матвей — умрем. В каком-то смысле, смерть тем и хороша, что ты можешь начать новую игру. Кто знает, вдруг тебе и Матвею повезет, и вы окажетесь на Норадвсептицхуме?

Немного подумав, Олесь сказал:

— Мне нравится на Земле. Я хочу быть человеком, а не каким-то рептилоидом.

— Между прочим, я недавно научилась входить в астрал. И там познакомилась с одним рептилоидом. Он удивительный и жутко умный!

Олесь не поверил и решил, что подруга смеется над его наивностью. Что нет никаких эльфов, счастливой жизни на других планетах и уж тем более рептилоидов.

— Правда! — Лейсана заметила его недоверие. — Поверь моему опыту. Я превосходный маг, в отличие от тебя, и разбираюсь в том, о чем говорю. И потом, существуют различные плоскости. В одной — живем мы, а в другой — домовые, лешие, мавки и прочие сущности. Мы знаем об их существовании, потому что иногда плоскости пересекаются. Рептилоиды не выдумка!

— Ты лучше скажи, Лейсана, — вторгся в разговор Марк, — почему мы в аду? Неужели в прошлых жизнях мы нагрешили?

— Грехов не существует, Марк. И ада, по сути, тоже нет. Мы сами его создаем. У человека есть потребность в препятствиях. Без них он жить не может. Но в нашу эпоху, когда люди лишились любви, препятствий больше. Магам остается всеми силами преодолевать трудности.

Вспотевший Стасик повернулся к Лейсане.

— Преодолевать трудности, говоришь? Тогда давай устроим побег! Сегодня же!

Тон друга вызвал у всех возмущение: он был серьезным.

— Как ты себе представляешь побег, когда в одном коридоре шестьдесят охранников?! — если можно тихо прокричать, то Марк так и сделал.

— Так же, как грезишь ты, что тебя возьмут в охотники! — возмущенно ответил Стасик.

— Не сравнивай ужа и кобру. В попытке попроситься в ряды работников Министерства магии риска нет, а за попытку удрать награда — смерть.

— Умереть лучше сейчас, чем сотни пыток спустя! — в сердцах крикнул Стасик и скрылся в туалете.

— Добром это не кончится, — вздохнул Марк.

Каждый был с ним согласен. Кроме, пожалуй, Варвары, с интересом наблюдавшей за сценой. Она не знала Станислава Солнечного так, как знали другие: коль Стасику взбрела шальная идея, то он ее обязательно попытается осуществить. Проверено временем.

Олесь обеспокоился, как бы Акси́нья, вечно следовавшая за возлюбленным, не согласилась на побег, если Стасик все-таки решится.

Варвара буквально вылизала тарелку и рыгнула. Олесь за два дня успел понять, что девушка эта не из женственных и даже не романтик. Она — грубая реалистка-одиночка с манией подозрительности. Запасы ее скептицизма даже больше, чем у Матвея.

— Вы знаете, что такое маска позора? — спросила она. — Это когда тебе на голову надевают железяку с металлическим кляпом, который разрывает язык и губы, если ты

пытаешься заговорить. Пошевелить челюстью — и то опасно. Меня пару раз в неделю этим и пытаются. Так, для острастки. Я к чему веду... Не говорите вздор, молчите — целее будете. Если вздумаете бежать, предупредите, чтобы я успела спрятаться в сортире. Мне ваши фантазии поперек горла.

Спрятаться Варвара не успела. Все произошло слишком быстро. Когда раздатчица привезла ужин, Стасик и Аксинья бросились на нее и повалили на пол. Стас сжимал горло, а Аксинья закрывала ей рот. Чего этим хотели добиться друзья, Олесь не понимал. Никто не понимал. Но каждый знал: это тот случай, после которого жизнь некоторых из них резко изменится. И не в лучшую сторону.

— Вот же камикадзе! — Варвара бросилась спасать женщину.

Друзья в стороне не остались. Даже Хмылка, наконец вышедшая из туалета, кинулась оттаскивать Аксинью. Может, все обошлось бы, но Стасик оттолкнул Олесь, и Олесь упал на раздаточный стол. Грохот падающего стола, ведер с кашей, супом и компотом напугал всех. Через секунду в них уже целились охотники в фиолетовой и белой форме.

— Не двигаться! Руки за голову!

Стволы пистолетов-пулеметов смотрели в грудь каждого, даже в грудь Сатаны. Варвара, держа руки за головой, наигранно весело, но с напряжением сказала:

— Так, я не при делах! Эти левые маги совсем сдурели! Я пыталась защитить несчастную жен...

— Молчать! — один из охотников дал выстрелы, целясь возле ног Варвары.

Женщина продолжала лежать. Олесь посчитал, что она мертва. Его пробрало отвращение к Стасику.

«Знакомы три года, казалось, знаю его как самого себя, а он вот что... Убийца», — подумал Олесь.

Пальцы на ногах Олесь намокли — пролитый горячий суп сделал кроссовки не жизнеспособными. Олесь вздрогнул, увидев Алексея Лисицына, вошедшего в камеру.

— Что стляслось? — главохотник выглядел грозным даже когда не выговаривал звук «р».

— Побег, господин Лисицын, — рывкнули охотники.

Лисицын обжег взглядом всех, кроме Варвары и Олесь. Какое-то время он молчал, вызывая сильнейшее напряжение у пленников, потом спросил:

— Ну, кто инициатор?

Олесь невольно взглянул на Стасика. Друг приоткрыл рот, глаза его расширились, а смуглая кожа будто потянулась назад.

— Я — инициатор, — Марк выступил вперед и чуть не получил пулю. — Я — лидер, я подговорил двух ребят на побег. И винить надо меня.

— Допустим, так. Но повелить в глупость лидела? — В глазах Алексея зажегся зловещий огонек. — Ты хлабл. И ты пойдешь на пилу пелвым.

Он щелкнул пальцами, веля двум мужчинам увести Марка.

— Стойте! — Лейсана всхлипнула. — Не надо.

Больше она ничего сказать не могла. Марка увели. Еще двое мужчин в форме подняли труп раздатчицы и вынесли.

— Я лично убью Малка Вишневого, — пообещал Алексей, собираясь уходить.

Он уже взялся за дверь, когда Матвей выпалил:

— Господин Лисицын! Мы хотим стать охотниками.

Черные глаза Лисицына долгое время изучали лица пленных. Уголки губ скривились в ухмылке.

— Вы все, исключая Олеся, будете казнены.

Без лишних слов охотник запер железную дверь и направился по делам.

Глава 8. Реквием обреченных

Пощечина раз. Пощечина два. Быстрые удары кулаками в грудь. Лейсана избивала Стаса. Он покорно не сопротивлялся.

— Они убьют Марка! — кричала на него Лейсана. — Ты тупой, и даже не пытаешься себя сдерживать! Убийца!

— Алексей всех нас убьет, — прошептала Акси́нья. — Аура у него плохая. Злой он уж слишком. Но вдруг повезет? Если молиться...

— Прикрой клюв, дура несчастная, — рывкнула на нее Варвара. Она ходила от стены к стене. — Из-за вас меня порешат! Успешно сбежали? Неудачники!

Лейсана не понимала, как они могли так поступить. Неужели Акси́нья была настолько уверена в своих силах, что согласилась на предложение Стаса? Из-за нелепости всех настиг смертный приговор.

— Я не позволю им нас убить, — Хмылка глубоко вздохнула, набираясь сил, чтобы говорить. После пытки «колыбелью» она оставалась слабой, истощенной. Только ближе к обеду Хмылка вышла из туалета и стала приходить в себя.

— Извини, конечно, — Матвей приобнял ее за плечо, — но пули ты остановить не сможешь. Не убьют пилой, убьют так.

— Будьте оптимистичны! — вскрикнула Акси́нья. — Я вижу ваши ауры, и на них нет оттенка близкой смерти! Мы выкарабкаемся!

— Не обманывай себя и прими судьбу достойно, — сказал Олесь. — И, быть может, в следующей жизни мы еще встретимся. Ведь это всего лишь смерть. Правда, Лейсана?

Олесь смог заставить Лейсану улыбнуться. Совсем недавно она объясняла ему простую истину: все смертны, но смерть — не конец, а всего-то возможность начать новую игру. Лейсана всегда относилась к смерти благосклонно, без трагизма. Но когда эмоции вырываются ливнем, разве можно помнить о том, как и к чему относишься?

— Надо срываться отсюда, — выпалила Варвара и пару раз ударила дверь ногой.

— Срываться? — не поняла Лейсана. — Ты же говорила, что сбежать невозможно!

— Забудь, что я сказала, — Варвара забила ногами еще сильнее.

Дверь открыл охраняющий коридор.

— Дима занят, придет чуть попозже, — проворчал он, и дверь снова оказалась запертой.

Варвара развернулась лицом к группе. Вздохнула.

— Я ведь говорила, что Дима Сериалов в меня влюблен? Так вот к этому жирному куску дерьма я втерлась в доверие, и иногда ради меня он нарушает некоторые правила. Карты игральные принесет, блокнот с ручкой, хавчик нормальный. И Дима часто клялся в любви, предлагал попроситься в охотники, как он сделал. Я против своих убеждений и принципов пойти не могла. Никогда. И полюбить слабовольного, глупого, как бегемот, трусливого, как олень, недоделанного мага-охотника, пытавшего меня... — Варвара почувствовала, что ее занесло. — В общем, его я презирала и презираю. Но использую. Я готова отступить от принципов и ради свободы отдаться Диме. Стать возлюбленной, выполнять все, что захочет. Надо только убедить Сериалова, что, раз нас теперь в камере больше, значит, мы сильнее и сможем сбежать. Он поможет, если я ему небезразлична.

— Мечтай, — усмехнулся Матвей и с безнадежностью упал на матрац.

— Это наш единственный шанс выйти отсюда, — болотные глаза Варвары выдавали одержимость идеей. — Меня ждет гибель. И без боя я все равно не уйду.

Девушка достала из кармана джинсов нож.

— Убью глупцов, решивших зайти к нам в гости в одиночку. А если подсобите, если удача и в правду существует, сможем очистить коридор. Люди — они пугливые, ничему не обученные. Мы привыкли выживать и сражаться, они — нет. Некоторые из рядовых охотников на страже — маги. Они сами хотят сбежать.

Матвей горько рассмеялся.

— Я считал тебя реалисткой.

Варвара вспорола свой матрац и достала из него три ножа с удобной черной рукоятью. Лейсана в ее действиях и речи распознала сильное стремление к выживанию.

— В тюрьме десять камер, полсотни магов и сотня охотников. Два этажа. Снаружи — шестеро охотников, четверо из них на вышке. Несколько машин. Ограда, которую легко сломать, тупо врезавшись в нее. Вот и вся база. Самое страшное — коридор. Остальное — пустяки.

Обессиленно рухнув на матрац, Лейсана взвыла. Сатана повторила за ней и улеглась рядом. Лейсана надеялась, что дар понимать животных вернется, но надежда, словно потухающая свечка, угасала с каждой секундой. Раньше, еще в школе для магов, она слышала, как одна ведьма, Ксения Синбаева, потеряла один-единственный чанк. Всегда ли слухи — преувеличение и вымысел? Лейсана не поверила, что кто-то мог потерять способность, а стоило. Стоило отыскать Ксению и узнать правду, как обычно она и поступала. Собирая различные материалы для книги, Лейсана упустила ее из-за собственной самоуверенности.

Быстро перебегая от одного к другому, Варвара раздала по ножу Матвею, Стасу и Лейсане. У последней она спросила:

— Марк знает, что ты в него влюблена?

Удивительные возгласы позволили понять девушке с восточными корнями, что об этом не то что Марк — никто не знал.

— Seriously? — она приподняла веки и прошлась взглядом по группе. — Но ведь Лейсана, будто ночесветка, сияет при Марке!

С каким существом ее сравнили, Лейсана не ведала. Но была уверена: Марк достоин любви. Его решение взять чужую вину на себя убеждало в этом.

Дмитрий Сериалов принес ужин, когда Сатана во всю вылизывала пол и поедала кусочки вареной картошки. Варвара уложила в минуту, вводя мага-охотника в планы. Она дала ему выбор: или он помогает, или теряет ее, ведь побег все равно произойдет. В первом случае Дима может сбежать вместе со всеми, и тогда Варвара его полюбит, в чем она поклялась. В случае втором ее смерть будет камнем на его душе.

Варвара уверенно сжала ладони толстяка, показывая, что готова на все ради помощи.

— Боже упаси, Варварочка, может, я смогу уговорить Лисицыных оставить вас в покое? — Сериалов вспотел, не на шутку перепугавшись за любимую.

— Не вижу смысла, Дима. Когда нас собираются порешить?

Толстяк почесал нос, уронил взгляд. На пухлых щеках, в морщинах лба и уголках губ проявилось напряжение.

— Марка казнят завтра вечером. Вас, точно не помню, вроде бы послезавтра. Алексей хотел по одному в день. И не пилой. Ваши органы подписали ученым в лабораторию. Так, наверное, внутривенно.

Лейсана схватила рукав мага-охотника и зашептала:

— Спаси Марка, пожалуйста, спаси! Спаси, спаси Марка!

Варвара закатила глаза, словно слышала глупость, но все же поддержала сокамерницу.

— Если сможешь. Завтра утром мы сбегает. Ты с нами?

Губы Сериалова быстро задвигались, Лейсана догадалась, что он так молится богу. Когда молитва кончилась, на лице его проявилось выражение, которое Лейсана определила как укор происходящему. Дима снял очки и протер их платочком.

— Куда мне деться? Помогу, наверное. И, прости господи, сбегу с вами.

Стоявший позади всех Матвей хмыкнул. Дима с обидой покосился на него.

— Хочешь показать, что я настолько жирный, что и сбежать не смогу?

— Нет. Не верю, что один маг легко справится с трудновыполнимой задачей: устроит побег. Или в вашем Министерстве не предусмотрели подобные случаи?

— С божьей помощью! — ответил Дима и посеменил к двери. — Ну, задерживаться мне нельзя. Я обязательно что-нибудь придумаю и вытащу Марка, только ничего до завтра не предпринимайте! Во время завтрака все устроим.

Сон не наступал, даже когда Хмылка взорвала лампы, на кого-то разозлившись. Приходилось сидеть во тьме и ждать. Но ждать чего? Лейсана предчувствовала приятные события, поэтому смогла расслабиться в позе лотоса. Она поверила подруге, сказавшей после ухода Сериалова, что аура у Димы добрая, честная, пусть и в некоторых местах черная. Черный, говорила Аксинья, цвет не злости, а болезни тела. Маг-охотник в самом деле вызывал доверие. От него шло тепло. Аксинья говорила, так он источает любовью.

Глубокий вдох. Лейсана задержала дыхание и медленно выдохнула. Разные мысли вертелись в ее голове. Она заметила, что в камере нет батарей. Холодно ли здесь зимой? Лейсана захотела спросить у Варвары, но прислушалась: там о чем-то шепталась с Матвеем. Матвей и, как ни странно, сама Варвара отнеслись к словам Сериалова с подозрением.

За все то время, что они находились здесь, новая знакомая ни разу не упомянула ни о своих способностях, ни о жизни вне тюремных стен. Но Лейсана посчитала, что Варвара не могла забрать ее умение понимать животных. Такое действие было бы не единичным, следовательно, злые намерения ей скрыть бы не удалось.

Зато от Варвары стало известно, что Дима действительно владеет атмокинезом — тем самым чанком, который управляет погодой. Значит, он преследовал их и заставил спрятаться в подвале Марка. Лейсану интересовала верность магов-охотников Министерству борьбы с магами, в частности отделу охоты. Неужели никто из них ни разу не пытался скрыться, поднять бунт? В коридоре шестьдесят человек, шестнадцать из них — со сверхъестественными способностями. Могут ли они сговориться и устроить борьбу? Шестнадцать против сорока четырех. Каковы шансы! Наверное, на первом году службы они прошли через ад психологического давления, их заставили изменить свои ценности и убеждения. Их сделали рабами. Самая главная ценность — верность Министерству. Аксиома — колдуны и ведьмы являются врагами для всех государств. Получается, Дмитрий Сериалов — волк в овчарне? Лейсана решила: если им повезет выбраться отсюда с Сериаловым, она заставит его отделиться от группы и идти своим путем. Иначе всех снова схватят, потому что

бывший маг-охотник, почувствовав стыд за предательство, позвонил куда надо.

Хаски стала носиться по камере. Скуля и завывая, собака пыталась позвать кого-нибудь на игру с ней. Она любила догонялки. Любила природу. И ее, ни в чем не виновную, посадили в комнату, из которой запретили выходить. Единственный плюс для хаски здесь заключался в температуре: под люминесцентными лампами, пусть уже и разбитыми, не так жарко, как под солнцем.

— Лейсана, ну прости нас, — Акси́нья коснулась ее плеч, но та отодвинулась.

Она не желала общаться с Акси́ньей и Стасом. Никто не хотел, даже Олесь. Больше того — Олесь предпочел теперь находиться рядом с Матвеем и Варварой. Пока Хмылка не взорвала лампы, Лейсана видела, как парень жадно слушал разговоры двух реалистов.

— Олесь. Олесь, — Стас пополз через матрасы и уткнулся в ноги Лейсаны. — Я Олесь ищу, прости.

Азаров не отвечал Солнечному. Солнечный прополз немного дальше и, судя по радостному возгласу, нашел-таки друга.

— Олеська, а помнишь, как мы раньше оттягивались? Веселились вместе, во всяко-разно попадали? А? Как спорили, что вкуснее: яблоки или груши? А однажды нас Ксенька заперла в комнате какого-то отеля, и мы двадцать часов там проторчали. Мы еще тогда через окно ссали. Помнишь? Пьянки наши с Ксенькой и Хмылкой помнишь? Только ты не пил никогда. Молоко в рот — и вперед.

Стас рассмеялся. Искренне, тепло. Лейсана, не помнившая ничего из упомянутого, прочувствовала к нему симпатией и готова была простить спонтанную выходку. Олесь продолжал сердито сопеть, но уже скорее показушно.

— Помнишь, как однажды ты вытащил из ролла с утром сыр, и вместо сыра просунул расплавленный шоколад? — продолжал Стас. — Потом еще просроченным йогуртом запил. Ты же на следующий день на работу не пошел, и Марк тебя отчитывал. Помнишь? Я ведь защищал тебя, говорил, что болеешь.

— Ой, не гони. Ты сам тогда проспал работу и отговаривался бутылками просроченного йогурта! — выпалил Олесь, затем рассмеялся.

Напряжение между ними спало. Лейсана с облегчением вздохнула и приобняла Акси́нью. Легкая мысль улеглась в голове: все будет прекрасно. Не сейчас. Может, не скоро. Но будет.

— Завтра все изменится, — прошептала Акси́нья, — вот увидишь.

Глава 9. Максимальное действие

Смерть приближается. Голова Хмылки скатилась на холодный плиточный пол туалета. Смерть достаточно близко. Вытянутая правая рука онемела. Едва различимый шепот: «ты слышишь, как она плачет?». Хмылка, до того дремавшая, резко присела. Ей стали слышны чьи-то всхлипы.

— Кто здесь?

В темноте кто-то завозился.

— Я, — ответил напротив Хмылки дрожащий голос Стасика. — У меня плеер сломался. Музыку не играет. Даже не включается. Как такое могло произойти? Моя способность воздействовать на приборы расстроилась?

— Ты спутал меня с Лейсаной, — вздохнула Хмылка и, опираясь на стену, поднялась.

После мучительной пытки «колыбелью» она долгое время восстанавливала силы на полу туалета, зажимая раны бумагой. Когда раны перестали ее беспокоить, сила гнева вернулась. Гнев нарастал скачками и контролю не поддавался. В пору было обратиться за советом к Медведевой, но Манчкина — не из тех, кто показывает свою беспомощность.

Она осторожно открыла дверь и, наплевав на осколки ламп, зашагала к наверняка еще спавшим Матвею и Олесю. Ориентировочно Хмылка знала, где эти двое приютились. Сзади зашаркал Стасик, хлюпая носом.

Дойти до друзей Хмылка не успела. Открылась железная дверь, впуская в камеру коридорный свет. На пороге стояла Лисицына. Явно не в духе.

— Что у вас с лампами?.. Манчкина Катя, за мной! — велела она.

Хмылка с презрением взглянула на главохотницу и покрыла ее матом. Никакого похода в планы не входило. Проснувшиеся ребята глазели на рыжую бестию с тем же презрением. Знание о том, что сегодня каждый из пленников встретится со свободой или смертью, прибавляло храбрости смотреть врагу в глаза.

— Не на пытки, — чуть мягче добавила Лисицына. — На допрос.

Смех Хмылки прошелся по камере и выглянул в коридор. Разве допрос не включает пытки?

— До завтрака всего полчаса. Если хочешь успеть на раздачу, то поторопись! — охотница начинала откровенно злиться.

Пришлось подчиниться. Выходя из камеры, Хмылка услышала удивленный возглас друга.

— О, — Стасик разглядывал плеер в руках, — я, оказывается, его уронил — он и сломался.

Светлый кабинет Лисицыных и Сериалова пахнул лавандой. От Лейсаны Хмылка знала что лавандовое масло помогает успокоиться, очиститься и снять стресс. Катерина открыла окно, и теплый воздух проник в помещение. Хмылка почувствовала, как вместе с ветром в нее проникают жизненные силы. Давно она не испытывала душевный подъем.

— Нравится? — Катерина, сев на подоконнике, достала сигарету и зажигалку. Закурила.

— Почему в этой дыре нет компьютеров? — поинтересовалась Хмылка, заметив отсутствие как компьютеров, так и камер видеонаблюдения по всей тюрьме.

— Как тебе удалось убить целый отряд охотников? — с сигаретой в зубах Катерина спрыгнула с подоконника и села за рабочий стол.

— Может, ответишь на мой вопрос?

— Вопросы задаю я. Отвечай.

— Угостишь сигаретой, отвечу. Почему существует Министерство?

Лисицына слегка приподняла брови. Дав сигарету, она ответила:

— Потому что все маги — преступники, они должны сидеть в тюрьме. Чего непонятного? Расскажи, как и когда ты познакомилась с Олесем Азаровым?

Едкий дым пробрался внутрь. Выпустив клубок, Хмылка задумалась. Матвей учил ее и Олеся ставить любого собеседника на место, используя логику. Задавая вопросы. Усмехнувшись, она откинулась на спинку кресла.

— Маги — преступники. Все ли? По твоей логике, преступники — Сериалов и прочие лижущие зад Министерству. И с каких пор маги чем-то обязаны?

— С шестидесятых годов прошлого века. В то время все закрепилось на законодательном уровне. Ты собираешься отвечать на заданный вопрос?

— Оно само закрепилось или кто-то определенный закрепил? И что будет, если отменить закон о преследовании? Возникнет хаос? Ведьмы волшебством начнут терроризировать мирных граждан?

— Не важно, кто подписал закон. Повторяю: как и когда ты познакомилась с Олесем Азаровым?

— Кто сказал, что это не важно?

— Из-за вас люди не чувствуют себя в безопасности. Я уверена, они желают вам сидеть в тюрьме. Хорошо, перейдем к следующему вопросу: как и когда ты познакомилась с Матвеем Дарковым?

— Прости, ты умеешь читать чужие мысли? Иначе откуда тебе знать, чего хотят граждане? И как ты связала понятие опасности с нами? Напомни мне хоть один случай, когда маг со злым умыслом нанес вред немагу.

— Вчера утром вы убили невинную женщину.

Хмылка почувствовала подступающую тошноту. Возможно, та женщина была доброй по отношению к ним и не заслуживала смерти жестоким образом. Но она наверняка осознавала, что работа в тюрьме сопряжена с риском. Всего лишь случайная жертва обстоятельств.

— На каком основании ты оценила ее как невинную? — севшим голосом спросила Хмылка.

— Почему ты не считаешь себя и своих друзей зверьми?

— У меня нет причин считать нас таковыми. Способные любить по своей воле зла не сеют.

— Хочешь сказать, маги не используют чанки против мира, потому что любят?

Потушив сигарету о белую поверхность стола, Хмылка кивнула.

— Ты не понимаешь нашу природу. Природу любви. Но кто-то выше, там, на троне Министерства, понимает. Министры всех стран — они знают, как можно использовать чанки в пользу государства. Вот поэтому я здесь. Как считаешь, почему здесь ты? Захотела стать охотницей?

— Охотой я доказываю свою верность родине.

— Зачем ты доказываешь верность?

- Чтобы иметь уважение.
- Что дает тебе уважение?
- Блага.
- Какие?
- Материальные.
- Для чего они тебе?

Катерина не ответила. Ее пальцы нервно плясали по столу, взгляд глаз сверлил Хмылку.

— Отвечай. Иначе я разозлюсь. Ты ведь не глупая, и знаешь, как я разнесла отряд охотников.

Катерина молчала.

— Ты здесь, потому что тебя использовали, — Хмылка тихо посмеялась. — В лабораториях с мышами и не такое делают.

— Ну и ладно, — Лисицына легкомысленно повела плечами. — Я мышь. Зато живая. И ты можешь остаться в живых, если согласишься работать на нас. Чанки психокинеза очень полезны в поимке преступников. Все, что тебе нужно — ответить на ряд вопросов.

Окно захлопнулось, когда Хмылка вскочила с места. Она скрестила руки и усмехнулась, давая понять, что не согласится. Лисицына медленно отодвинула кресло, встала, чтобы проводить ее в камеру.

— Ты обязательно рассчитаешься за мой отряд, — прошипела охотница и подтолкнула к выходу.

Возвращаясь по коридору, Хмылка старалась не показывать страх. Но взглядами охранники говорили, что видят ее насквозь. Она боялась потерь. Тех потерь, которые произойдут совсем скоро. Неизвестно, что задумал Сериалов, как он поможет им сбежать, но наверняка путь к свободе станет нелегким. Кому-то удастся. Кого-то ждет смерть. Как пережить случившееся, если повезет сбежать, а Матвей и Олесь погибнут?

Катерина довела пленницу до камеры и открыла дверь. Собрав всю храбрость в кулак, Хмылка вцепилась в запястье охотницы и прошептала:

— За необдуманные поступки приходится платить. Может, меня и ждет гибель, но и ты, Катерина, от расплаты не уйдешь.

Дверь за ней хлопнула, в замке несколько раз повернулся ключ. В темноте Сатана лизнула ногу. Отогнав собаку, Хмылка медленно продвинулась вперед. Она старалась не споткнуться о кого-нибудь. Ее руки прощупали воздух и добрались до стены.

В плечо стукнулся Олесь.

— Ой, прости. Это ты?

Хмылка прижала друга к себе и потребовала:

— Обещай: если я умру и Матвей умрет, ты будешь жить дальше несмотря ни на что?

— Я стану ученым и найду эликсир любви, чтобы спасти мир, — сквозь темноту Хмылка почувствовала, как он улыбнулся.

Где-то справа в двух метрах разразился ворчанием Матвей:

— Мир не спасти! Люди — всего лишь ходячие трупы на мертвой земле! Надо спасти себя — вот здравая цель, уяснил?

— Нет, — возразил Олесь.

— Упертый баран! Они казнили тысячи невинных, и ты их продолжаешь любить?

— Я людей ненавижу... Но их нельзя винить в злости.

— Олесь прав, — встряла в разговор Лейсана, ее голос был поблизости снизу, вероятно,

она сидела или лежала. — Человек стремится к максимальному действию. У мага полно эмоций и чувств, но больше всего энергии уходит на то, чтобы любить, поэтому он беззлобен. Энергия обычного смертного, которая должна уходить на любовь, распыляется в другом, например — злости. Люди не виноваты, что не могут направить ее куда-то еще.

— Вот и маги не должны винить себя, убивая людей, чтобы захватить власть, — огрызнулся Матвей и замолк.

Во время завтрака ничего не произошло. Дверь не открыли, раздатчица не завезла стол, мрак не рассеялся. Сериалов не пришел. Варвара поклялась, что ее биологические часы точны, и время завтрака прошло полчаса назад. Никто и не спорил: было слышно, как снаружи проехал раздаточный стол к другим камерам.

На обед так же никто не явился. Ни смерть, ни свобода не ворвались к ним. Решив, что они обречены на муки, Варвара около часа билась в дверь, но без толку. Ее отчаяние было заразным. Злобные микробы безнадежности расплодились по всей камере, включая туалет.

Ужин не привезли. Тем временем в животах поселился голод. Все сгруппировались у входа, готовые напасть на первого вошедшего. Долгое молчание прервалось высказыванием Хмылки:

— Никому нельзя доверять. Даже магу.

Банально, но так. Хмылка помнила рассказ Олеся о том, как однажды он и его лучший друг Тимур ночью ушли на «вылазку» — грабить магазин (тогда им приходилось выживать только так). Место грабежа выбрали неудачное. На склад, помимо них, залезли еще трое незнакомых магов. Незнакомцы попросили уйти, чтобы не делить добытое. Друзья отказались уходить, решив, что запасов хватит на всех. Они с трудом склонили воров к сотрудничеству. Но после того как магазин был опустошен, незнакомцы стали требовать себе добытое парнями. В ссоре один из них убил Тимура выстрелом в спину. Олесь успел скрыться, оставив награбленное злодеям.

Стас вскрикнул.

— Катя, умерь свой психокинез, иначе мою башку разнесешь!

— Не «катькай»! — рывкнула Хмылка и с усилием расслабилась. Из-за ее случайной гневной эмоции у Стаса заболела голова.

— Я переживаю за Марка, — задрожал голос Лейсаны.

Она могла и не говорить. Все это знали и все волновались за лидера. Возможно, Лейсана переживала за него чуть больше, чем за свою жизнь.

В коридоре по полу раздались шаги. Затряслась дверь. Три громких стука в нее снаружи — и все. Никто не открыл. Какое-то время заключенные прислушивались к тому, что происходит за дверью. За ней стоял Сериалов, он и заговорил:

— Заключенные камеры номер сто шестнадцать! Сообщаю, что совершить побег, подговорив сотрудника Министерства борьбы с магами, не удастся. Я, Сериалов Дмитрий Александрович, старший охотник, завтра в пять утра отвезу вас в казанскую лабораторию Булгакова, где ваши органы пойдут на опыты.

Сериалов замолчал. Лейсана забилась в дверь.

— Скажи, где Марк? Что с ним? Что?!

— Вишневого Марка казнили сегодня утром.

Главный маг-охотник стал отдаляться.

По телу Хмылки прошла дрожь. К ней прикоснулись теплая грудь и мокрые щеки

Лейсаны. Отчаяние холодом пробралось в легкие и там превратилось в лед. Боль подруги, пусть и не близкой, передалась Хмылке, и Хмылка зарыдала вместе с ней. Гнев охватил ее, лед в груди задрожал и, когда она подняла голову кверху в крике, взорвался на палящие капли огня.

Загрохотало. Потолок, стены — чувствовалось, что они трясутся, как и дверь. В коридоре затопали охотники. Взвыла сирена. Ее перебивал крик Хмылки, больше похожий на стоны банши.

Когда дверь отлетела, пропустив в камеру мерцание коридорных ламп, сверху послышался страшный грохот. В висках застучало. Хмылка, как и остальные, отпрянула от входа. Возникшие темные пятна в глазах и звон в ушах сообщали, что она потеряла над чанком контроль.

Хмылка отпустила Лейсану и, падая на пол, увидела, как по стенам и потолку расползаются трещины. Затылок ее ударился о пол. Все взорвалось и превратилось в белый свет. Звуки исчезли вслед за картинкой. Наступила темная тишина.

Глава 10. Страх, боль и слезы

Хмылка видела себя лежащую со стороны. Она видела, как Матвей схватил ее тело на руки. Слышала возглас Варвары: «Бежим!». Чувствовала вечернюю прохладу, проскальзывающую сквозь развалины. Все ей казалось нереальным: и то, что второй этаж и стены обрушились так, что не задела их, и то, что под завалами кричали еще живые люди и маги.

Став незримой энергией, она полетела в то, что осталось от коридора. Варвара бесцеремонно располосовала ножом попытавшегося напасть охотника. Вдали раздались выстрелы, и, чтобы разглядеть стреляющего, Хмылка взлетела повыше. Сбоку в нее ударил свет. По всей вероятности, справа на вышке сидел снайпер. Видеть ее он не мог, поэтому выстрелил в Аксинью. Хмылка инстинктивно направила незримые ладони в стрелка, и пуля вернулась ему, пробив голову.

Взгляд ее зацепился за то, что находилось ниже вышки. Под заходящим солнцем стоял автодом. Их автодом!

Хмылка попыталась позвать друзей, уже всю лазавших по завалам и дравшихся с охотниками, но не издала и звука. А ведь стоило перелезть через вот эту грудку железа, бетона и непонятных сломанных приборов — и они оказались бы на свободе!

Завидев еще одного охотника, в прицеле выискивавшего магов, Хмылка устремилась к нему и атаковала волной обжигающей энергии. Пистолет-пулемет скривился под потоком и сделался негодным.

Бестелесную Хмылку затрясло — это упал Матвей. Его бил толстяк Сериалов. Хмылке силой взгляда метнула в него нож, валявшийся у ног друга. В ее душе в этот момент жило только одно чувство — ненависть. Нож до конца вошел в горло. Толстяк упал на Матвея с Хмылкой, заливая их кровью. Ненависть разрослась еще сильнее, нож в шее ей показался слишком маленькой мстостью за предательство. И, с беззвучным криком, она подлетела к Сериалову. Его тело разорвало в ошметки.

— Красный код. Требую наряд в изолятор под номером двести два. Повторяю: красный код, — объявившаяся Лисицына бросила рацию в карман белого халата и достала пистолет.

Выстрелы. Первый, второй, третий. Четвертая пуля попала Аксинье в ногу, и она упала. Стас помог ей подняться, но тут его схватил Лисицын, выбравшийся из-под завалов.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Куда, мышата, намылились? — Алексей свирепо раздул ноздри.

Хмылка собиралась разорвать на куски одного из Лисицыных, но ее вновь затрясло, а через несколько секунд она очнулась в теле. Матвей сцепился с двумя охотниками, а перед ее лицом нависла Катерина.

— Вот и твоя расплата, мерзкая сучка, — пистолет в руке Катерины нацелился ей в лоб.

Хмылка сделала то, за что и была так прозвана, — ухмыльнулась. Стоявшая за плечом Варвара ударила Лисицыну куском бетона. Охотница грохнулась рядом. Вставая с раскрошившейся плиты, бывшей когда-то полом, Хмылка проследила взглядом за друзьями и заметила, что нет Сатаны. Но мысли о собаке испарились, как только она вспомнила о доме на колесах.

— Все за мной! За этими завалами стоит наш автодом!

Хмылка переступила через Сериалова и поспешила вскарабкаться на покосившуюся стену.

— Осторожно, здесь провода. Током не ударьтесь, — пыхтя от усердия, предупредила она.

Стена опасно накренилась, готовая упасть и раздавить Аксиныю, зажимавшую пальцами рану в ноге. Не понимая, почему друзья медлят, Хмылка еще раз пробежалась взглядом. Взгляд приковал Алексей, прижавший к себе Стаса. Он обхватил его за шею и держал нож в готовой позиции, чтобы перерезать горло. Никто не смел приблизиться к главохотнику.

— Отпусти парня, и я оставлю тебя в живых, — прохрипел Матвей.

Лейсана, решив, что психопат все равно убьет Стаса, занялась переправкой Аксины через обломки. Аксиныя упиралась и не желала уходить. Кутилова тихо всхлипывала, осознавая безнадежность: глаза Алексея горели одержимым огнем.

Печальные карие глаза Стаса уткнулись в Олесья. В них читалась просьба: хватай Ксению и беги. Хватай. И беги.

Легкое, но быстрое движение рукой. Истошный вопль Аксины. Яркая темно-алая кровь залила красную клетчатую рубашку Стаса, быстро добираясь до рваных джинсов. С той же мольбой в глазах лишенное жизни тело упало у ног Алексея.

— Ну, кто следующий? — оскалился Алексей.

Матвей и Хмылка действовали как одно целое. Они потащили Олесью, Лейсану и Аксиныю за стену на рухнувший потолок. Аксиныя упала, расцарапала ноги и прокричала:

— Я останусь! Уходите!

— Не время артачиться. Встала — и пошла! — заорала Хмылка. Краем глаза она следила за Лисицыным, спокойно наблюдавшим за ними.

Варвара успела перебраться и уже бежала к автодому. Хмылка посчитала, что Варвара может уехать без них, и поторопила друзей.

— От смерти не уйти! — вслед за словами поднявшейся Лисицыной раздались выстрелы.

Матвей, Олесь и Лейсана перелезли к Хмылке, и плиты начали рушиться. Опасаясь напороться на оголенные провода или быть заваленными, вчетвером они добежали до автодома. Варвара открыла им дверь.

Дружественно махая хвостом Сатана завертелась у ног. Хмылка почувствовала облегчение.

Глава 11. Завтра будет как вчера

«Все хорошо будет, я думаю». Матвей не мог выбросить из головы излюбленную Аксиньей фразу. «На наших аурах нет оттенка близкой смерти». «Мы справимся». Ее слова.

Пока Варвара вела автомобилем, Лейсана сидела рядом с ней, а остальные расположились по разным уголкам «комнаты» — Хмылка и Матвей на боковом диванчике, Олесь прятался от реальности уткнувшись в подушку на кровати. Сколько времени прошло с момента их побега — сложно было определить. Может, час. Может — больше. Они блуждали по улицам Казани. То, что они в столице Татарстана, самой терпимой к магам республике, Варвара догадалась, узнав Пороховое кладбище рядом с Московским районом. На этом кладбище ей часто доводилось ночевать.

Совсем скоро Варвара заглушит двигатель, и всем останется только взять вещи и уйти.

«Были бы вещи», — Матвей горько усмехнулся. — «Странно, что охотники не слили топливо из бака. Не предусмотрительные».

Матвей поднялся, чтобы найти одежду. Он и Хмылка были пропитаны кровью и чем-то еще. Пахло жутко. Но шкафчики пустовали.

— Нужна одежда. Придется искать, — сказал он.

Подруга смотрела на спину Лейсаны и, кажется, не слышала Матвея. Видя Хмылку грязной, испачканной кровью и обессиленной, Матвей решил, что сам выглядит не лучше, потому в зеркало смотреться не стал. Он сел рядом и шепотом спросил:

— Ты в порядке?

— Как, по-твоему, можно быть в порядке? — Хмылка зло посмотрела на него и вновь устала на Лейсану.

О чем думала Хмылка, Матвей понять не мог. Она не из тех, кто может быть раздавлен смертью друга, но выглядела достаточно жалко даже для него. Лейсана же слишком эмоциональна, но пережить потерю близкой подруги ей удастся быстро. А вот Олесь — он подавленный, сломленный, задушенный потерей Аксиньи и Стаса. И если Лейсане отпустить прошлое легко, то Олесю это никогда не удастся. Прошлое внутри него, и оно не желает уходить, растворяться в песке дней.

Станислав Солнечный — теперь прошлое. Матвей это признал. Но что с Аксиньей? Жива ли? Если ее пощадили, есть ли смысл возвращаться за ней?

— Эй, вы! — Варвара заглушила двигатель возле серого жилого дома. — Хватит ныть, вы не побитые собаки, вы на свободе! Радоваться должны. По идее, смерть всех ждала, а забрала только двоих. Ну или троих. Оставляем эту рухлядь здесь и уходим. В нескольких кварталах отсюда есть одно место...

Матвей убедился, что Олесь поднялся с кровати, затем выскочил в ночь. Проворчал желудок: о еде пришлось забыть больше чем на сутки.

Подвал Матвей узнал сразу. Он, как и Варвара, тоже здесь когда-то прятался в прошлом. С Ирой и Стасом. Длинный просторный кирпичный коридор с десятками дверей. На одной из них — табличка «33». Эта дверь всегда была открытой и приглашала всех магов переждать охоту в уютной темноте или под желтым светом одинокой лампы накаливания. Заботливые путники оставляли следующим беженцам, друзьям по неволе, самое

необходимое: воду в бутылках, консервы, спички, бумажные полотенца, ножи. Иногда здесь оставляли одежду.

— Не повезло, — констатировал Матвей, осмотрев запасы. Не нашлось даже футболки.

Преступники-маги часто делали схроны, убежища для союзников. Но их нередко находили охотники, и жить в таких местах постоянно не имело смысла. Матвей осмотрел комнатку и убедился, что никаких следящих приборов, датчиков приближения и тепловизоров здесь нет. Можно со спокойной душой отдыхать.

Но увы: душа была беспокойна.

Скучать по Аксинье Матвей не станет, Стаса он тоже успел отпустить. Но Олесь — его парень. И может не простить ему хладнокровной фразы «надо идти дальше». Вернуться за Аксиньей? Внутри себя Матвей расхохотался. Да, шутка хорошая. Ни один дурак не захочет вернуться в тюрьму. Даже полуразрушенную.

— Вы не находите странным, что другие маги как-то бездействовали? Будто их и не было вовсе, — заметила Лейсана, доставая из мешка консервы.

За последние два часа, то есть за все время, что они прожили после побега, Лейсана заговорила впервые. Матвей сделал заметку: это хорошо, заговорила — значит не свихнулась. Знаниям нельзя пропадать, уж чего-чего, а их у Лейсаны больше, чем у всех вместе взятых.

Чувствуя усталость во всем теле, Матвей осел на пол. Хотя пола, как такового, и не было: земля, смешанная с песком, вдобавок где-то глубже находились деревянные доски. Он снял к чертям липкую футболку и бросил в стену. Кожа начала мерзнуть: как и в любом подвале, здесь стоял холод.

— Почти всех убило, в том числе и офицеров, — безжизненно отозвалась Хмылка. Она пригубила найденную бутылку с водой. — Нас не задело, потому что моя сила защитила.

— Жаль, твоя сила Лисицыных сразу не убила, — с мрачным лицом Олесь подал Хмылке вскрытую консервную банку.

Тушенку принял и Матвей. Ложки не нашлось, и он решил выуживать еду пальцами.

Удача, о которой постоянно твердила Аксинья, отвернулась. И уже довольно давно. Не только от Стаса и Аксиньи, но и от остальных. Свобода, которую они сегодня обрели, иллюзорна. Ее нет. Все «преступники» по-прежнему заперты. Просто некоторые этого не понимают или не хотят понимать. И каждый день похож на предыдущий. Можно поменять место и условия проживания, но одно остается неизменным: каждый маг, где бы он ни был, — пленный. А посему завтра будет как вчера.

— Что делать? Вернемся за Аксиньей? — спросил Матвей.

— В камикадзе записался, лемминг несчастный?! — Варвара зашипела и пнула его. — Спасать мертвячку вздумал? Я обратно ни ногой!

— Думаю, надо ехать в Челябинск, — сказала Лейсана.

— Лучше идти, — добавил Олесь.

— Да. Марк не глуп, знал, где шансов на жизнь больше, — подтвердила Хмылка.

Матвей сидел с вытаращенными глазами. Он ожидал, что Лейсана и Олесь будут умолять вернуться за Аксиньей. Прогодал. Приятно прогадал.

Глава 12. После дождя

Чтобы слиться с толпой, нужна чистая одежда. Чтобы как-то дожить до следующего дня, нужна еда. Чтобы здоровью ничего не угрожало, нужны лекарства и гигиенические средства, электрошокеры или ножи. Чтобы в чем-то такое добро нести, нужны рюкзаки и сумки. А чтобы достать все это — нужны деньги.

Олесь посторонился, пропуская вперед Хмылку и Матвея, после захлопнул дверь в подвал. Втроем они собрались на дело. Очередное для Олесья дело. На грабеж.

Выйдя во двор, Олесь оцепенел. Уже рассвело, и словно кто-то только что протер спиртом дома, дороги, качели, горки, карусели, песочницы. Влага поблескивала на листьях берез рядом с подъездом. Быстрая птица, взлетев с ветки, обрушила прохладные капли прошедшего дождя. За спиной, позади дома поднялось солнце. И впереди, напротив далекой пятиэтажки, во дворе начиналась дуга, сверкающая всем спектром цветов.

Радуга. То, о чем мечтал Стасик, смеялось цветными каплями. Олесь почувствовал, что сейчас расплачется, и закрыл глаза. Открыл. Слез нет. Кажется, плакать он разучился. Все слезы, вместе с силами, выжаты зверьми — охотниками.

Внутри Олесь образовалась пустота. Черная дыра. Из-за нее хотелось закричать, забиться в истерику о стену, подъездную дверь, дерево, обо что угодно. Он чувствовал себя голым. Словно с него содрали кожу. А вместе с кожей в контейнер для мусора выкинули и душу. Мертвую душу. И сделали это люди. Существа без любви и сострадания. Твари, возжелавшие смерти не таких, как они.

— Ну, мы идем или нет? Чего встал? — позвала его Хмылка. Она укуталась в кардиган Лейсаны, чтобы спрятать от прохожих окровавленный топ.

Все, что у него осталось, — семья. Никого, кроме Хмылки и Матвея. Всех, кто был с ним раньше, забрала смерть и даже не занесла в историю. На месте мрачного, исхудавшего в последние дни, черноволосого Матвея и слегка высокомерной, быстрой, но с плохой координацией, светловолосой Хмылки у Олесья был шустрый темноволосый Тимур и медленный, вечно с какими-то болячками светловолосый Влад. Его прошлая семья.

— Я просто засмотрелся на радугу, — буркнул Олесь и поспешил за семьей.

Хмылка повертела головой. Не сразу, но радугу она заметила. После чего без интереса отвернулась.

Первую жертву они нашли без труда. Достаточно было увидеть ярко наряженную даму с побрякушками на шее и запястьях и с кожаной сумкой на плече. Дама заскочила в подъезд, и Олесь метнулся к ней. Матвей первым оказался внутри и пробежал наверх, дабы не допустить, чтобы кто-то помешал Олесью грабить. Хмылка осталась снаружи с той же целью, что и Матвей.

— Пойдите! — Олесь схватил женщину за плечо, и она шарахнулась в сторону.

— Уф, напугал! — выдохнула она. Только появившийся страх на ее лице сменился спокойствием. — Чего хотел? Сигарет?

Ее руки потянулись к сумке. Олесь достал из заднего кармана джинсов нож и легонько с неуверенностью прижал его к животу женщины.

— Нет. Это ограбление. Давайте деньги. И карту. И код. Все, что у вас есть! — Олесь

старался выглядеть суровым, но, видимо, получалось у него плохо. — Я кому говорю! Живо!

Женщина стала рыться внутри сумки.

— Зачем тебе деньги? Спустишь на наркотики? — с надрывом спросила она. — Может, разойдемся с миром?

Голова Олеся закружилась. То ли она его оттолкнула, то ли он сам отстранился. Яркими красками пронеслась последняя вылазка с Тимуром. Тогда им пришлось грабить магазин с незнакомыми магами, потом делить награбленное. Когда незнакомцы проявили жадность, Тимур сказал: «Мы с вами в одной лодке. Ступайте с миром». После он повернулся, чтобы поднять мешок с продуктами, но не успел — выстрел в спину его убил.

— Пожалуйста. Мне и моей семье нужны деньги. Вы не понимаете, — Олесь не узнал свой голос. Умоляющий, заискивающий.

Олеся тошнило от того, что он делал. Ему мерещилось, что грабит себя, а не человека, которого не знает. У женщины, может быть, дети, больные мать и сестра, а муж умер. Но он ее грабит. Ставит свои интересы выше интересов голодных детей.

Страх, снова мелькнувший в глазах женщины, исчез.

— Ты из какого района? Дать тебе мой рабочий номер? Я из социальной защиты. Постараемся решить твои проблемы.

— Нет. Просто... Дайте сколько не жалко. Пожалуйста. Ну хоть что-нибудь!

Олесь, как тот ублюдок-маг, убивший Тимура, угрожал женщине смертью. Ненависть к себе отзывалась внутри извержением вулкана. Олесь был готов все бросить и отпустить жертву, когда она достала пачку денег и вложила в трясущиеся ладони.

— Спасибо, — выпалил он. — Это в долг... Я обязательно верну!

Олесь почувствовал, как залился краской. Дама поспешила наверх, а он, прислонившись к холодной стене из бетона, четырежды отругал себя. Мало того, что растерялся и нес чушь, но еще и пообещал вернуть деньги! Олесь ненавидел давать обещания. С тех пор как Влад слег с гриппом, а Олесь сказал ему, что он найдет лекарства, поможет выздороветь. Не сдержал слово. Уже ненужные таблетки и микстуры легли рядом с Владом слишком поздно.

— Давай, на стреме буду я, а не ты, — сказал Олесь подошедшему Матвею.

Матвей кивнул, забрав деньги. Сосчитал: всего пять тысяч «российских» — хватит только на еду. День обещал быть тяжелым.

Глава 13. Скитания душ

Налобные фонари разрисовывали светом тьму леса. Двигаться приходилось быстро. Лейсана сверилась с обретенными ручными часами: из Казани они выбрались час назад. До Челябинска напрямую семьсот километров, можно было бы добраться за десять дней, если двигаться с перерывом лишь на сон и обед. Река Кама, которую следует перейти, заставляет многих путников перебираться через Набережные Челны. На контрольном пункте все маги сталкиваются с проблемой: их могут узнать и арестовать. Чтобы такого не случилось, Лейсана, Матвей и Варвара решили обходить крупные города и перебираться через реку неподалеку от Нефтекамска. Обход прибавляет еще два дня дополнительно тем же темпом.

Экран часов уведомлял, что сегодня десятое августа. Лето подходило к концу. Практика блужданий по лесам, полям, деревням давно убедила Лейсану в том, что все походы затягиваются: то путников охотники настигнут, то они в лесу потеряются, то заболеют и где-нибудь в деревне передохнут. Нужно спешить, чтобы к осени быть на месте. Мало добраться, в Челябинске надо еще и найти пристанище, освоиться, привыкнуть.

Лейсана старалась не думать о том, как целой семьей они будут жить в одном из самых криминальных городов России.

Холод пробирался под кардиган и морозил кожу. Стоило достать теплый свитер из рюкзака, но Лейсана настолько устала, что даже поднять руки не было сил. Она плелась, немного отставая от парней и Варвары. Рядом шагала Хмылка, изредка пугаясь шорохов.

В темноте Лейсане мерещилось лицо Стаса. Прежде чем Алексей схватил его, Стас переглянулся с Лейсаной и, возможно, понял, что она винила его в смерти Марка. Из-за той глупой выходки психопат прикончил лидера, все время заботившегося о группе. Улыбка и веселые глаза друга стыдили ее. Стас умер, считая, что она наполнена к нему ненавистью.

— Помоги мне, — Хмылка коснулась плеча, и Лейсана вздрогнула.

С чем помочь — ясно было без слов. Лейсана ждала этого момента много месяцев.

— Я помогу, но знай: не у тебя одной проблемы со способностями, — она шептала, боясь, что остальные услышат. — Я научилась читать чувства и здоровье животных. Но вдвоем мы пройдем наши препятствия. Как — пока не знаю.

После вести о гибели Марка общение между ними стало теснее. Лейсана часто недолюбливала Хмылку за ее привычку делать из муравья птеродактиля, то есть драматизировать. И за едкий юмор, местами пошлый. Еще за неосторожность в поступках. Лейсана многое в ней не любила. И та об этом знала, но все же подавила в себе гордость и обратилась за помощью.

Около полудня двенадцатого августа в лесах Тюлячинского района, где комаров было несколько больше, чем в полях, группа магов неожиданно набрела на кем-то брошенную избу. Хмылка уселась на ступеньку у двери и проголосила: «Все! Больше ни шагу до завтрашнего дня!». Конечно, каждый понимал, что находиться вблизи к людским постройкам опасно, ведь вернувшийся хозяин может привести с собой охотников, но решение отдохнуть до завтра было принято единогласно.

Внутри избы Лейсана почувствовала прохладу. В лесу кроны не спасали от солнца; деревья росли далеко друг от друга настолько, что и танк спокойно проехал бы между ними.

Нерешительно прохаживаясь по скрипучему полу в кроссовках, Лейсана применяла апперцепцию: старый шкаф со сломанными и пустыми полками, стол с занавеской вместо скатерти, железная кровать с пружинами, книга под ней — все принадлежало старику. Информация книги выдавала, что старик последний раз коснулся ее, будучи очень больным, стало быть — уже скончался.

— О, здесь чашки есть! — раздался за стенкой, где была кухня, голос Олеса. — Только на них паутина.

— Об лопаты не споткнись, — предупредил Матвей, но поздно: его слова заглушили грохот и «ойканье» бесконечно неуклюжего Олеса.

Лейсана присела на кровать. Ноги ее ныли от боли. Второй день пути ясно дал понять, что они не были готовы к большим нагрузкам. Но разве есть другой выход, кроме как идти? «Безвыходных положений не бывает» — вспомнила Лейсана слова Аксины и легла. Через минуту ее одолел сон.

Ночное царство спало вместе со всеми. Одна Лейсана бодрствовала, привалившись к перилам трехступенчатой лестницы, — дежурила. Под холодным синим небом без света фонарей видны были очертания деревьев и только. Мрачная тишина угнетала ее и, похоже, Сатану, дремавшую на земле по левую ногу.

Тревожило Лейсану смутное предчувствие беды. И Сатана странно дергалась, порой поскуливая. Сердце сжималось от ее вида: Лейсана и забыла, что собаки тоже могут тосковать по людям. По ушедшим и умершим. По таким как Марк.

Лейсана ощущала присутствие Марка. Он был рядом, с ней. Он умер, но их не оставил. Его неслышимый шепот успокаивал: они не виноваты. Никто Аксины не бросил, просто так получилось. Если бы Лейсана и Олесь тащили ее к автодому, Лисицыны успели бы с ними разделаться.

Рядом бесшумно села Варвара. Ее длинные волосы растеклись по ступенькам.

— Не спится? — поинтересовалась Лейсана.

— Я не умею... Спать и видеть сны. Всегда бодрствую. Закрываю глаза — но сквозь веки вижу все, что происходит. Таков мой чанк.

— Получается, я зря на дежурстве? — Лейсана выдавила из себя улыбку.

— На твоём месте я не доверяла бы новой знакомой, пусть и доброй, как дельфин.

— Мы о тебе ничего не знаем. Расскажешь?

Девушка шмыгнула носом и, позади уперев руки на пол, всмотрелась в звезды.

— Что во мне интересного? Я — всего лишь странствующая душа.

— Ты кого-нибудь любила?

Варвара немного помолчала, наслаждаясь тишиной. Лейсана решила, что она отказывается отвечать, но услышала:

— Был один. Яковом звали. Семидесятилетний маг, заменил мне отца. Учил драться, палку в руках держать так, чтобы в окружении врагов контролировать каждого. Яков убедил меня, что люди — не монстры. Встретить человека страдающего — не редкость, как ты думаешь. Иногда немаги привязываются друг к другу. Хотя истинной дружбы, как и любви, у них не водится, поэтому мир в постоянной войне. Ты знала, что многие из них пытаются обучиться любви? Они думают, это ремесло какое-то. Всем сердцем пытаются, но не выходит. Знать бы почему... Яков убедил в чистоте людской души, да я разубедилась.

Сатана вскинула голову, отвела уши и гавкнула. Вскочив на лапы, собака затыкала

громче.

«Эх, если бы я знала, что Сатана говорит!», — взволновалась Лейсана.

Варвара резво метнулась в избу, а через несколько секунд возвратилась с палкой, которую она таскала в качестве оружия.

— Здесь кто-то есть, — поведала она.

Но Лейсана и сама догадалась: неподалеку за деревьями кто-то скрывался. Интуиция подсказывала: поблизости недруг.

На крыльцо вышли Хмылка и Матвей. Парень кинул налобный фонарь Варваре, напялил такой же на себя.

— Не вижу смысла делать вид, что нас нет, — решила Варвара, намекая на грозно гавкающую хаски, включила фонарик и побежала в сторону непрошеного гостя. Вслед с руганью бросилась Хмылка; скрипя зубами Матвей потянулся за ней.

Громкий выстрел прозвенел в ушах Лейсаны. Сатана взвизгнула и запала на бок.

— Давно хотела пристрелить эту шавку! — знакомый голос разнесся по лесу.

И пока Хмылка, Матвей и Варвара бежали на голос, Лейсана склонилась над собакой. Морда была обезображена, пуля, видимо, попала в глаз. Рыжая сучка Катерина Лисицына снова рассмеялась, но уже где-то далеко. Так далеко, что смех ее заставил задуматься: не почудилось ли?

Глава 14. Тем, кто не умеет любить

Черный костюм и рыжие волосы Лисицыной дразнили Хмылку. В игре «догони и убей» охотница побеждала. Благодаря ботинкам она легко перемещалась по лесу. Не то что Хмылка: шишки, камни, ветки, трава — все вцеплялось в голые ступни. Катерина уже не смеялась, а бежала на яркий свет со всей серьезностью.

Хмылке хотелось повалить на землю и бить по лицу эту безмозглую тварь до потери сознания. Матвей, бежавший сзади, окликал ее, пытался остановить. Но разве можно остановить того, кто дышит гневом?

Кто знает, кого еще привело к избе помимо Лисицыной? Может, их ждут пара десятков охотников, и Лисицына ведет их в паутину? Слишком много вопросов. Не хватало еще забивать голову тем, как рыжая бестия нашла их. Или тем, почему она одна. Одна ли?

Катерина скрылась в свете. Взревел мотор. Приблизившись, Хмылка разглядела синий внедорожник с помятой дверью. Охотница повернула руль и поехала.

Упав на землю, Хмылка попыталась восстановить дыхание. Она выключила фонарик и уперла взгляд в небо в ожидании, когда наступит тьма.

Внедорожник растворился в темноте.

— Вставай, — буркнул оказавшийся рядом Матвей.

Хмылка повернула голову и различила рядом с другом Варвару. Сделала вывод: Варвара похожа на Матвея не только взглядами на жизнь, но и бесшумностью.

Как только Хмылка издала рык, ближайшее дерево затрещало, затем свалилось. Иногда казалось, что гнев превращает ее в зверя.

Лучи солнца оживляли мертвое утро, шелестел лиственный лес, переговаривались на ветках птицы, в траве то и дело кто-то проползал.

Лопат было две. Копать могилу вызвались Хмылка и Матвей.

Хмылка держала лопату и вглядывалась в метровую яму. В ней лежало существо, несколькими часами ранее бегавшее вокруг избы и горланившее собачью песню.

Люди совершают страшные поступки не только из ненависти. Как легко по глупости пристрелить твякающую шавку!

Собрав лопатой землю, она стала посыпать Сатану. Матвей повторил за ней. Варвара, Олесь, Лейсана наблюдали, пытались понять, что хочет донести до них сыпавшаяся земля.

Хмылка стиснула зубы. Она была готова разрыдаться. С нее сползали мысли и перебирались на лопату, а с лопаты в землю. Мысли эти добивали ее, помогали возненавидеть мир еще сильнее. Стала проглядывать связь между отсутствием любви и глупостью.

Утерев уголок левого глаза, Хмылка продолжила закапывать труп.

Эта горсть земли за тех, кто пал жертвой людской глупости.

Эта горсть земли за тех, кто верил до конца: человечество можно спасти.

Эта горсть тем, кто не знает ничего, кроме ненависти.

И горсть тем, кто не умеет любить.

За поступки приходится отвечать. Хмылка сжала до боли черенок лопаты.

— Клянусь: я найду ее и убью. Теперь месть — мой смысл жизни.

Последняя горсть земли легла на могилу. С неба заморосило.

— Переждем. Потом в путь, — сказал Матвей.

Неожиданно для всех Варвара шикнула.

— Слышите?

В первые секунды напряженного вслушивания было невозможно что-либо различить. Только затем где-то раздался гул, еще позже — вдалеке среди деревьев появилось несколько машин.

— Дурной мы лес выбрали, раз здесь так свободно машины ездят, — Матвей подтолкнул Олеся к избе.

Внутри забежать друзья не успели. За спиной громкий женский голос велел:

— Стойте, не шевелитесь! Мы не принесем вам вреда!

Голос был незнакомым. Доверия он не внушал. Матвей остановился, расслабился и повернулся лицом за спину Хмылки. Вероятно, он смирился с тем, что изба — не убежище, спасти не может. Хмылка обернулась и увидела внедорожник серого цвета и из него вышедшую молодую женщину в белых брюках и строгом черном пиджаке. Ростом она удалась, а короткие черные волосы, пусть и с покрашенными в белый кончиками, делали ее еще больше похожей на мужчину.

Подъехали еще четыре таких же машины. Захлопали дверцы. Наружу вылезли вооруженные пистолетами и автоматами люди, как мужчины, так и женщины. Хмылка подметила, что одеты они вразброд.

— Кто вы? — недружелюбно спросила Варвара.

Захрустели ветки: женщина сделала шаг навстречу. Откуда-то сверху вспорхнула ворона и с диким карканьем улетела.

— Мы — «Освободители».

Глава 15. Готовься к лучшему дню

Кто перед ним, девушка или женщина, — Матвей различить не мог. Пока она называла имена своих друзей, с которыми приехала, он изучал ее лицо и одежду. Сделал вывод: скорее всего, девушка. Из-за жизни, полной стресса и различных неприятностей, многие выглядели на несколько лет старше, чем есть, а то и на десяток-другой. Матвей знал шестнадцатилетнюю ведьму, учившуюся с ним в школе, у которой поседели все волосы.

— ... Как только что было сказано, я — маг и вождь «Освободителей». Зовите меня Лилией. Фамилию знать вам не обязательно, но на будущее: Зимина. А вас как звать, леди и джентльмены?

Слишком милым был голос Лилии, и не вязался с внешностью. Ей следовало бы сменить пиджак и брюки на цветастое платье. И ботинки — на туфли.

— Как вы нас нашли? — не заметил ее вопроса Матвей.

— Неподалеку идет зачистка: охотники ищут магов. Говорят, в этих лесах их слишком много в последние недели. Совсем скоро и вас найдут. Хотите жить? Полезайте в тачки, поедem в наш лагерь. Там безопасно.

— Ответ на вопрос я не получил, — упрямылся он.

Лилия открыла задние двери внедорожника и жестом пригласила.

— В машине все расскажу. Времени и правда нет. Но мы вам друзья. Решайте сами, — Лидер «Освободителей» заняла водительское место. — Через три минуты тронемcя.

— В избу, — велел Матвей друзьям.

Первым делом в помещении Варвара схватила свой рюкзак и палку.

— Веришь ей? Что они на нашей стороне? — спросила она Матвея. Мнение остальных ее не интересовало.

— Я похож на наивного? — фыркнул он, вытирая полотенцем испачканные в земле руки. — Но посуды: они вооружены. От таких не уйти.

Лейсана, взяв рюкзак, вышла. Олесь обеспокоился:

— Куда ты?

— Для себя я все давно решила, — ответила синеволосая ведьма, после — исчезла в салоне внедорожника.

— Лагерь «Освободители» — так смешно звучит, — усмехнулась Варвара. — Напоминает место массового самоубийства леммингов. Вам известно такое явление?

— Это миф, — ответил Матвей. Кажется, он впервые воспользовался знаниями, которые получил в школе. — Говорят, лемминги дружно бегут, бросаются в воду и тонут. Вот только они — существа сами по себе, не стайные. Ты слышала о реально существующих лагерях и школах для магов? Лилия может говорить правду.

— Хуже все равно не будет, — прошептала Хмылка.

Семья покинула избу. За ней с неуверенностью ребенка, только начавшего ходить, выглянула Варвара.

Чистое лобовое стекло позволяло наслаждаться сверкающим после небольшого дождя темным асфальтом. Погода была свежей, будто дождь смыл всю грязь мира. Если Матвей поворачивал голову назад, за Лейсаной, Олесем и Хмылкой через заднее окно в поле он

видел длинную радугу. Если смотрел влево или вправо — беззаботные поля.

Двухчасовой путь до Елабуги — небольшого города — не утомил его. Пусть август — не осень, но по-своему восхитителен. Матвею много и не нужно: смотреть на природу и слушать чью-то болтовню. Лилия сказала, что с каждым годом из Елабуги уезжает все больше людей: им не нравится местная экология. Последние подсчеты показывают, что население составляет всего семьдесят тысяч людей, на девять тысяч меньше, чем в прошлом году.

Матвей вздохнул. Он слушал Лилию. Сначала она объясняла суть «Освободителей»: это лагерь из двухсот магов, уникальный тем, что в его стенах по-настоящему безопасно. Безопасность гарантирует договор с Министерством. Взамен лагерники сдают анализы и проходят исследования. Единственное официально безопасное место для преступников с чанками. Рай для каждого. Рай с ограниченным количеством мест: Министерство позволяет содержать не больше четырех сотен жителей.

Миссия «Освободителей» заключается в поиске магов и создании условий жизни без стресса. Стресс, говорят ученые, может влиять на результаты исследований.

Теперь она рассказывала о своей судьбе.

— То есть ты работаешь на Министерство? — изогнул бровь Матвей.

— Не все так просто. Одиннадцать лет назад, тогда мне было пятнадцать, я согласилась на опыты. Никто меня не заставлял. Сама пришла к ученым и сказала: «Я владею чанком невезения. Хочу, чтобы вы его у меня отняли».

— И получилось?

— Представляешь, да! — Лилия в беседе выглядела дружелюбной. Ее тон, мимика и жестикация вместе с речью напоминали старого друга, рассказывающего захватывающую историю. — Дар во мне как-то исчез! И умение любить — тоже... Поэтому я не совсем ведьма... Но, как поет одна эстрадная группа, не виноватая я в том, что случилось.

Спорить Матвей не стал, хотя и посчитал виноватой. Зря она полезла к ученым с просьбами. Лучше уж быть невезучей, чем без любви.

— Прости, но как ученые смогли отнять у тебя дар? — изумилась на заднем сиденье Лейсана.

Лилия рассмеялась, да так тепло, что Матвей невольно, вопреки логике, поежился. Он вспомнил смех Катерины Лисицыной — антоним смеху Лилии.

— Не все же мне докладывать, — улыбнулась Лилия в зеркало. — Удостоверюсь, что вам можно доверять, тогда и поведаю. Могу лишь сказать, что моя добрая воля сыграла на руку.

Лейсана разочарованно застонала и положила голову на плечо Олеся. Лилия шутливо ткнула кулаком в Матвея.

— Давайте, колитесь! Имена ваши знаю, а способности — нет. Откуда вы? Уж не из тюрьмы ли той, что взорвалась на днях?

Стараясь стиснуть хитрую улыбку, Матвей смолчал. Он проникался доверием к едва знакомой девушке, а этого делать никак нельзя. Не так сразу. Но если леди Удача снова с ним? И темный от слез неба асфальт — начало светлой полосы?

Матвей откинул голову. Он решил здравым не доверять «Освободителям», пусть они трижды маги, и всегда быть готовым к самому худшему. Но грудную клетку распирало от глубоко затаенной надежды. Подсознание шептало: «Готовься к лучшему дню».

Глава 16. Через революцию к свободе

Внедорожник повернул на проспекте Нефтяников и въехал во двор между двумя пятиэтажками. Лейсана, побоявшаяся спать в машине и страдавшая от нехватки сна, вылезла наружу с медлительностью морской звезды.

Солнце успело скрыться, и Лейсана озябла. Ее рука дрогнула, упал рюкзак. Пока она поднимала его и зачем-то натягивала на спину, друзья вместе с вождем уже скрылись в подъезде.

«Не подъезд, а холодильник», — подумала Лейсана, когда поднималась по лестнице; сверху звякнули ключи — Лилия открывала дверь.

Навстречу спускался смуглый парень с приковывающей внимание прической афро.

— О, привет, — улыбнулся он. — Ты новенькая? Голодная, наверное? Заходи через часик в пятую квартиру, жена лаймовый пирог испекла! Заодно познакомимся.

Поблагодарив за предложение, Лейсана продолжила кажущийся долгим путь на второй этаж. Она чувствовала, что вокруг нее вертится жизнь, происходят какие-то события, но ей все было безразлично. Хотелось лишь спать.

Найти в себе силы, чтобы пройти в открытую дверь, — нашла, справилась. Но не осталось сил двинуться дальше коридора. Сбросив рюкзак, она присела на мягкий, уютный и теплый ковер.

— В распоряжении «Освободителей» — пять домов, — донесся из зала бодрый голос Лилии. — Мой дом напротив. Первая квартира — и кабинет, и личное пространство. Вторая — лаборатория. Как сдадите там кровь, сразу идите ко мне, я вас зарегистрирую. Вам в распоряжение даю ключи от этой квартиры и от седьмой. Кто где будет жить — разберетесь.

Звякнула связка ключей.

— Мы предпочитаем не разделяться, — сказал Матвей.

О чем дальше говорила Лилия — Лейсана не ведала. С непреодолимым желанием забыться она отдалась сну.

В четвертом часу дня, когда анализы и регистрация закончились, Лейсана с друзьями и Варварой расположилась на ядовито-красном диване кабинета Лилии. Хозяйка сидела напротив в кресле, подавшись телом вперед. Пиджак и брюки уже казались не странными для нее, даже больше — подходящими.

— Поздравляю вас, члены нашей общины, с новой вехой в жизни! — Лилия похлопала ладонями. — Будь у меня шампанское, я угостила бы. Но увы! Выпили другие новички еще на прошлой неделе.

— А какой сегодня день? — задумался Олесь. Смотреть на него, умытого, причесанного и в чистой одежде, было удовольствием.

— Как писали Стругацкие, понедельник начинается в субботу, — подмигнула Лилия. — Прежде чем отпустить вас отдыхать, хочу рассказать об «Освободителях». Лагерь создала я при содействии Министерства четыре года назад с одной целью — хотя бы на какой-то территории сделать наше существование легитимным. Получиться — получилось, да квоту в четыреста магов набрать не могу. К сожалению, «Освободители» в безопасности только на территории Елабуги, и не всегда: в прошлом году трое пострадали от охотников — те

выстрелили, не спросив лагерного билета. Некоторые погибают за границами города, находясь на задании...

Лилия поднялась с кресла и расхаживала по кабинету, высоко подняв голову, отчего делалась высокомерной.

— Как считаете, чем теперь станете заниматься? Отвечу: для каждого найдется работа. Есть один секретик, но только между нами, хорошо? Я почитала о вас в базе данных, и уверена, вы не разболтаете. В Министерстве никому неизвестен истинный путь «Освободителей». Все думают, мы — эдакие хиппи, желающие жить без войны и курить травку. Они ошибаются. Я — за революцию. За то, чтобы захватить власть. У магов — боевые чанки и мозги. У немагов оружие — не больше. Кто сильнее? Настанет час, и мы это узнаем.

— Революция? — удивился Олесь. — Но есть же мирный путь! Достаточно показать людям, что мы — такие же. Надо творить добрые дела, помогать не способным на любовь — делать все, чтобы они увидели. Увидели! Что мы только хорошие, плохих среди нас нет!

Лейсана погладила Олесь по спине, прося успокоиться. Лилия рассмеялась, но смех ее был не милым, а скорее грустным, горьким.

— Они незрячие. Эти люди не то что нас, себя увидеть не в сила. Через захват власти можно добиться мира, свободы и справедливости, других способов нет.

Матвей тяжело вздохнул.

— Олесь наивней ребенка, но я постараюсь его изменить, — сказал он, чем вызвал недоумение у друзей. — Я одобряю жертвы. Если мы со всего мира соберемся вместе, нас будет уже не остановить.

— Рада слышать, Матвей! — Лилия восторженно пожала парню руку. — Я этим и занимаюсь! Отсылаю идейных людей в разные точки мира, заставляю искать магические сообщества, устанавливая с ними связь. Чтобы революционировать, нужно быть на связи. Вот истинная задача — вербовка.

Чтобы перевести разговор с опасной темы, Лейсана, с заметной дрожью в голосе, спросила:

— Если ты сотрудничаешь с Министерством, то знаешь, что произошло в казанской тюрьме? Что стало с заключенными?

— Их временно перевезли в палаты лаборатории. Некоторые, как вы, сбежали. У тебя там осталась подруга?

Удивившись тому, что вождь действительно в курсе происходящего, Лейсана по-быстрому считала информацию с мебели и рабочего стола. К ее огорчению, ничего плохого о хозяйке они не поведали. В каждом человеке есть и хорошее, и плохое, Лейсана признавала это, но не любила разграничивать добро и зло, и если человек видится только хорошим или плохим, стоит задуматься: где-то есть подвох.

— Акси́нья жива? Ты можешь вытащить ее? Скажи, что она тебе нужна и попроси ее сюда отвезти!

— Прости: невозможно. Даже если Акси́нья в порядке, чего мы достоверно не знаем. Доживет до революции — вызволим. Если нет, то... Сама понимаешь.

Звонок мобильного телефона отвлек Лилию.

— Сообщение, — сказала она и уставилась в экран. — Сегодня хороший день: еще двух магов нашли неподалеку.

— Что у вас в лагере с правилами? — осведомилась Варвара, с подозрением все время

осматривавшая кабинет.

— За пределы города не уходить без моего приказа. По вторникам посещать собрания во дворе. Раз в месяц получать заработную плату у моего секретаря. Да, нас спонсирует Министерство. Ученые, напоминаю, заинтересованы в жизни мага, исключая отрицательный стресс. В целом, живите.

На этом беседа с вождем закончилась. Лилия выпроводила компанию за двери, и Лейсана неуверенно вышла из подъезда. Она там, где должна быть. Дома. Но интуиция подсказывала, что новый дом со скелетами в шкафу.

Дружелюбней Альфреда и его жены Ландыш, соседей по лестничной площадке, Лейсана не знала. Молодая пара не только заставила новоприбывших разделить с ними обед и ужин, еще и рассказала, как все в лагере устроено. Они провели экскурсию, познакомили с некоторыми жителями, рассекретили магазины, клубы, парки, в которых маги безбоязненно контактируют с людьми. Такие места называют особыми зонами и даже помечают на карте. Альфред и Ландыш не уставали смеяться над своими смешными историями, и никто не сказал им и слова о трагедии, случившейся на днях. Лейсана и Олесь изредка улыбались особо удачным шуткам, но не более того. Хмылка, правда, попыталась заявить соседям, что они еще не пережили потерю Марка, Стаса и Аксины, но Матвей сдержал ее.

Просьба Варвары быть начеку, неустанно ею повторяемая, под конец вечера утомила Лейсану. Варваре не посчастливилось ранее бывать в поселениях магов, и оттого ее скепсис поначалу был понятен. Когда Лейсана ей объяснила, как устроена жизнь в магическом сообществе, понимание пропало: девушка продолжала выражать недоверие ко всему, даже к соседям. «Вам не кажется странным и противоречивым тот факт, что преступникам позволено перемещаться в людском городе без препятствий со стороны закона?», — вопрошала Варвара.

«Несчастливая. Она хотя бы себе доверяет?» — думала о ней Лейсана.

С восьми до девяти вечера Лейсана провалялась на диване, сравнивая лагерь «Освободителей» и общежитие при школе магии, где она прожила почти три года — лучший период в ее жизни. То общежитие находилось за границей Татарстана, в Арзамасе — таком же небольшом городке. Там она познакомилась с Аксиной, затем с Олесем, еще позже с Матвеем, Хмылкой и Марком. Атмосфера дружбы и единства жила в каждой комнате, каждом коврике у двери, каждой выбитой пробке в щитке, затем любезно включаемой каким-нибудь гуманитарием, любителем истории. Лейсана была значима в том сообществе: в школе она из ученицы без труда перешла в преподаватели. Впрочем, преподавать мог каждый, кто имел в запасе хоть крупицу знаний.

Схожая атмосфера была и в лагере, с единственной разницей: здесь существовали обязанности, Лилия старалась загнать всех в одни рамки. Ее революционная идея Лейсану смешила и в то же время пугала. Революцию надо проводить в головах людей, ведь никакой свободы быть не может, если они по-прежнему будут считать магов преступниками. Одним политическим переворотом убеждения граждан не изменить.

В Арзамасе магам удавалось скрывать свое тайное общество девять лет, что было непросто даже если в мэрии работали только «свои». Ведь всегда найдется послушный гражданин, который заметит подозрительных личностей и позвонит по единому номеру. «Освободителям» повезло: прятаться нужды нет. Но как долго продержится лагерь с двойной игрой вождя и строгим революционным воззрением?

Хмылка в белой ночнушке спихнула Лейсану с дивана.

— Здесь сплю я! — заявила она и бросила на мягкую ткань подушку, одеяло и простынь.

Пожав плечами, Лейсана принялась расправлять кресло.

У нее не выходила из головы мысль, что Лилия смогла лишиться дара. На ее расспросы Зимина сразу отвечала отказом, ссылаясь на то, что информация засекречена, а такое положение дел раздражало Лейсану.

— Альфред горяченький, согласитесь? — Хмылка расправляла постель, между тем мечтательно закатывая глаза.

— Ты ведь понимаешь, что Альфред тебя может услышать? — осведомилась Лейсана. У Альфреда был чанк суперслуха: расстояние и другие препятствия его ушам не помеха.

— Для чего я, по-твоему, вслух-то сказала? — расхохоталась девушка и спряталась под одеяло.

— Он женат! — порой Катя выводила Лейсану из себя.

Постелив, Лейсана улеглась и взглянула на комнату. В зале были все, Матвей и Олесь еще не ушли в спальню. Варвара ходила из угла в угол, нервно поглядывала в окно.

— Лагерь — это ловушка, — ее голос был напряжен. — Не верю я ни Лилии, ни Альфреду.

Лейсана выдохнула и с терпением повторила в десятый раз:

— Мы жили в таких условиях. Расслабься и чувствуй себя как дома. Здесь явно лучше, чем в тюрьме, не правда ли?

— Ты такая же наивная, как Аксинья? — вспыхнула Варвара. — Веришь, что все будет хорошо? Какие-то странные вооруженные, между прочим, люди находят тебя в лесу, где совсем недавно проезжала Лисицына, — замечу: одна — под сказочным предлогом заставляют сесть в машину и увозят в так называемый лагерь. Вскоре ты узнаешь, что она сотрудничает, догадайся, с кем? С Министерством борьбы с магами! Чувствуешь, пахнет очковтирательством?

— Тебя никто не держит. Не нравится — вали! — рывкнула Хмылка и уткнулась в подушку.

— Ты-то что светишься, будто маяк? — Варвара обратилась к Матвею и с возмущением взмахнула руками. — Думаешь, нашел идейного брата? Поверил в рассказы Лилии о славной революции? Не повторяй моих ошибок! Не доверяй ни-ко-му!

Матвей с удрученным взглядом скрестил на груди руки и уселся на подоконник.

— Как-то раз я поверила людям. В лесу меня нашла группа мужчин. Они узнали, что я маг, но отреагировали хорошо, сказали, что сами таковыми являются, и спросили, сколько мне лет. Я ответила: семнадцать. Они предложили пойти с ними. Я согласилась.

— Сейчас будет длинная и грустная история о том, как ее предали, — проворчала Хмылка в подушку.

— Прошло три дня. Неделя. Две недели. И в один день меня, наивную, связали. — Голос Варвары задрожал, но она с легкостью его выровняла. — Их было девятнадцать. Мужчин. Они не были магами... Соврали. И в лесу, неподалеку от Архангельска, меня изнасиловали. Один за другим. За весь день и весь вечер.

Сердце Лейсаны замерло. Никто не смел перебить Варвару. Девушка тем временем взобралась на подоконник.

— И что с ними стало? — тихо, словно боялся потревожить, спросил Матвей.

— Я их выпотрошила. Ночью, пока они спали, я высвободилась от веревок, как учил

Яков, мой друг и наставник. Нашла древко, пробралась в палатки, и одного за другим.

Варвара пристально взглянула в дом напротив. Наверное, пыталась высмотреть что-нибудь в окнах квартиры Лилии.

— Одного... За другим...

Глава 17 Синдром Олеся

Сладость сна еще не выветрилась из сознания, когда петушиным звоном заголосил мобильный телефон, подаренный Лилией. Олесь потянулся и лег набок, его взгляду предстала прикроватная тумбочка. Телефона на ней не было. Он решил, что дело не срочное, потерял о подушку и, приоткрыв рот, засопел.

Спустя минуту память вернулась: вчера Олесь оставил телефон на джинсах, а джинсы кинул у ног. Приоткрыв один глаз, он в этом убедился и вздохнул. Вставать не хотелось.

Прищурившись, Олесь спустил правую ногу и попытался пальцами добраться до телефона. Долгое время у него не получалось, и в пору бы вернуться в сон, в котором он бегал по цветочной поляне и хохотал вместе с Аксиной, Стасиком и Лейсаной, но интерес одолел: дотянется ли?

Вот пальцы схватили подарок в белом корпусе и с большим сенсорным экраном, нога согнулась в колене и тянет к рукам. Совсем близко... Есть! Олесь издал победный клич и активировал экран. Один пропущенный звонок от Лейсаны и два сообщения: «Пришел ответ», «Не спи, дуй к Лилии!».

Олесь соскочил с постели. Замешкался. То ли одеваться и бежать к Лилии, то ли звонить Лейсане. А может для начала сходить в туалет и умыться? Олесь вцепился в джинсы и футболку и побежал в туалет, как обычно делалось при Марке, ругавшем его за то, что он опаздывает на работу.

— Лей, я уже бегу! Бегу! — крикнул он, затем рассмеялся, осознав, что не набрал номер. До туалета он добежал, с успехом надев джинсы на левую ногу.

Варвара, семья и Лейсана (которая по сути стала частью семьи) жили в лагере седьмой день. Всю неделю они обучались поиску магов. Смысл деятельности лагерников в общих чертах походила на работу охотников: найти и забрать. Некоторые называли себя ими и посмеивались. «Помните: мы не преследуем и не применяем силу» — фраза Лилии напоминала хохочущим, что разница между ними и охотниками есть, причем большая.

По правилам новые члены «Освободителей» приступают к работе сразу после обучения, которое проводится наставником, собравшим достаточное количество участников, и длится две недели. В учебной группе с Олесем, его семьей и Варварой еще шестеро магов. Олесь стал любимчиком в команде. Варвару наоборот невзлюбили. Она по-прежнему не доверяла лагерю, чего не скрывала. «Однажды пролетит бомбардировщик и сбросит нам на головы бомбы», — ворчала она. Ее прозвали странной. Девушка удивляла окружающих увлечением ходить босиком и в неизменно черных майке и брюках с многочисленными карманами. Одежду она украла в одном из магазинов в Казани, чем страшно гордилась. Видимо, воровать прежде ей не счастливилось.

Поначалу Олесь жалел Варвару, ведь когда-то ее изнасиловали. Но Матвей дал ему надежду, что этого не было. Он сказал, что Варвара не настолько глупая, чтобы довериться подозрительным мужчинам, да и их похотливые взгляды сложно было бы не заметить. Сказал, что мужики в таком случае еще большие идиоты: терпели две недели, чтобы опробовать девчонку, а затем оставили ее без присмотра. В общем, подытожил Матвей, Варвара все выдумала. Проверила на доверчивость новых друзей, если таковыми их считала.

Чистить зубы Олесь не решился. Умывшись горячей водой и сделав два глотка из крана,

он натянул джинсы на вторую ногу и вышел из туалета.

Вчера Лилия прониклась доверием к Лейсане и Олесю и послала запрос на получение информации в казанскую лабораторию Булгакова, с которой она сотрудничала. Олесь хотел узнать, чего достигли ученые в опытах по прививанию любви к немагам. Лилия не обещала ответа от лаборатории, но поклялась рассказать, каким образом ее лишили магических способностей.

Во дворе Олесю показалось, что от холодной погоды лужи покрылись корками льда. Словно погода играла с шариками из атмосферных явлений, и шарик с осенним дождем и ветром упал на город и разбился. Ветер гудел всему живому: «у-у-у-умирайте!».

Олесь не умирал. Ему хватало внутреннего тепла. Десять дней назад он чувствовал себя голым с содранной кожей, теперь же кожа обновилась, а горевший костер ненависти к людям потух. Люди убили Олеся, но они же и возродили. В магазинах и библиотеке, где он в последнее время часто бывал с Лейсаной, люди относились к нему приветливо, даже когда узнавали в нем мага. В Елабуге можно было говорить о себе без опасений: никто не позвонит в полицию и не задержит.

Когда Олесь переступил порог кабинета, Лилия со снисходительностью лидера вздохнула, тем самым укорив за опоздание. Лейсана сидела на диване, направив взгляд больших зеленых глаз на компьютер вождя.

— Футболку натяни, — бросила Лилия и села за рабочий стол.

Олесь вспомнил о до сих пор зажатой в руке футболке и поспешил исправиться. Вытащив напоказ кулон-пацифик, он сел рядом с подругой.

— Документ я зачитывать не стану, — произнесла Лилия, — все равно ничего не поймете. Тут из терминов кашу сварить можно. Просто переведу на человеческий язык все, что написано. Итак, о превращении обычного человека в мага. Доктор Вознесенский пишет: за последние девять лет проведено восемьдесят исследований, доказавших, что обычный смертный может научиться любить. При передаче крови напрямую происходит необъяснимое наукой: у реципиента увеличивается уровень гормонов, с которыми связано чувство любви. Необходимые в таком случае окситоцин, дофамин и вазопресин начинают вырабатываться в организме немага самостоятельно, чего без переливания крови никогда не происходило. Так же улучшается выработка серотонина, адреналина, эндорфинов и некоторых других немаловажных гормонов.

Олесь заметил, что Лейсана взяла с собой блокнот и ручку и, вслушиваясь в слова вождя, вела запись.

— Вопреки ожиданиям у доноров гормональный уровень не падал, способности оставались с ними. Маги не становились людьми, а люди не превращались в полноценных магов. К сожалению, реципиенты умирали от неизлечимых болезней. Восемьдесят четыре часа — рекорд жизни после переливания. Болезни появлялись из ниоткуда и были по большей части злокачественными опухолями. У всех был один общий симптом: они кашляли так, словно пытались оторгнуть чужеродное. Возможно, это как-то связано с чанками. Вознесенский считает, что они передаются через кровь. По непонятным причинам человек получить сверхъестественную способность не может, и чанк трансформируется в болезнь. Профессор Иванов иного мнения: они не передаются, потому что неразрывно связаны с чувством любви. Как — науке неизвестно. Многие ученые склоняются к тому, что чанк и любовь — вещи несвязанные, и проблема в лейкоцитах. Отмечу, что кровь мага подходит любому человеку вне зависимости от группы и резус-фактора. Получается, научное

сообщество далеко от разгадки и пока сделать солдат с суперспособностями не в силах.

Лилия усмехнулась и потеряла переносицу. Ее лицо говорило: «я не устала, мне просто не нравится тема разговора».

— Как тебе удалось потерять дар? — спросила Лейсана, отложив ручку.

— Никто толком не знает, — с грустью улыбнулась Лилия. — Я очень хотела потерять невезение, и на мне провели эксперимент: слили кровь и влили новую, людскую. Эксперимент проводили и на других, на тысячах пленных. И с кем-то такой трюк проходил.

— Так просто? — Лейсана свела темно-синие брови и с подозрением на ложь взглянула Лилии в глаза. — Я не верю, что так лишаются любви, ведь она — не химия.

— Как сказал великий французский маг Мишель Уэльбек, «Что бы там ни было, любовь существует, раз мы можем видеть её последствия».

— Или ее отсутствие, — добавил Олесь.

— После успешного эксперимента я очнулась и в первые же секунды возненавидела себя. Мир потускнел. То, что когда-то приносило радость, стало безынтересным. Парня-немага, в которого была влюблена, я возненавидела. А в остальном... Ничего не чувствовала. Чуть позже появился вкус к еде и едва заметное сострадание к живущим. Иногда я слушаю лиричный рэп; он во мне будит странные, забытые, но уже незнакомые оттенки эмоций. Жалею ли, что согласилась на эксперимент?.. Если ученые не могут разобраться с любовью, разбираться должны мы.

Пообедав грибным крем-супом и печеночными оладьями, Олесь и Лейсана поспешили вернуться домой. Олесь жаждал поделиться радостной новостью с Матвеем. Лилия оценила умственные способности Лейсаны, потому предложила ей остаться в лагере изучать проблемы, не решенные учеными из лабораторий. Лейсане повезло выбрать себе два помощника-мага, которые всегда будут с ней, она выбрала Олеся и Матвея. Лилия пообещала: если труды будут не напрасны, Министерство их наградит, быть может, присвоит статус ученых-эзотериков и позволит спокойно перемещаться по стране, а то и по миру.

Матвей, вернувшийся с Хмылкой после учебной подготовки, новости не обрадовался. Его поначалу довольное лицо растянулось в раздражении, он не хотел слушать бредни.

— Ты действительно веришь, что сможешь привить любовь людям?! — восклицал он.

— Ученые смотрят узко, а мы видим намного шире! Наши взгляды действительно имеют значение! — Олесь пытался достучаться до его сознания.

Матвей уселся на подоконник, на котором обычно спала Варвара. Олесь продолжал нервировать Хмылку быстрой ходьбой по залу.

— Смешно! Только люди с соответствующим образованием имеют право заниматься подобной деятельностью!

— Какое к чертям образование? Разве мы не образованны? Мы познали очень многое на опыте, и это отличает нас от протирающих стулья белыхалатников! Мы можем подарить любовь людям!

Соскочив с подоконника, Матвей схватился за волосы. И прожег Олеся словами:

— Да кто ты такой, чтобы искать эликсир мира и любви? У тебя синдром мессии? Пойми ты наконец! Людей! Не! Спаси! Потому что ты — ничтожная крупинка этого мира! Я — ничто, Лей — ничто, ты — ничто!

Под ногами Олеся задрожал пол, над головой — люстра. Он взглянул на Хмылку — еще

чуть-чуть, и она взорвется. Плоский телевизор сдвинулся с тумбы и полетел в Матвея. Парень уклонился, и телевизор вылетел в окно, напугав Олесь звоном стекла.

Вместе с холодом в зал пробралась тишина. Матвеевы глаза-звезды пару раз мигнули и уперли взгляд на кулон-пацифик. Олесь подумал, что Матвей приблизился, чтобы обнять его и попросить прощения за слова, но ошибся. Парень с силой дернул пацифик, порвав шнурок. Олесь отшатнулся.

— Тех, кто верит в сказки, земля не носит, — сказал Матвей. — Прими правду. Твоя любовь никому не нужна: все люди мертвы.

Вырвав у Матвея кулон, Олесь выскочил в коридор. За поиском ключа от второй квартиры он слушал вновь ставшую безэмоциональной речь. Матвей говорил о том, что захват власти — единственное действие, способное помочь живым. Живые, по его логике, только маги. Лишь они имеют право ходить по земле. Последнее, что Олесь услышал, прежде чем выйти за дверь, — пощечина Хмылки и ее злое с усталостью на языке «хватит!».

Глава 18. Предстоит жить

Светлые нити волос рассыпались на коленях. Лейсана не тревожила сон Олесь. Вдвоем они заснули поздней ночью за диванной беседой: Олесь жаловался на непонимание Матвея, а она, как и многих других в свое время, его утешала.

На часах было девять утра. Лейсана зевнула в ладони, потерла веки. Из распахнутого окна донеслось воркование: серый голубь сидел на подоконнике и всматривался в зал. Бессмысленные звуки раздражали. Не исчезни чанк понимать животных, Лейсана узнала бы, голодна ли птица. Пальцы растерли виски, отгоняя сон.

Лилия простым переливанием крови лишилась способностей. Но как? В мире есть вещи, которые невозможно осознать одним лишь мозгом и телом. Вещи куда более глобальные и широкие, которые не может вместить даже самый просветленный ум или компьютер. Ученые никогда не познают природу любви. Ведь то, что люди здесь, на Земле, под ней понимают, лишь крупица той любви, что существует во вселенной. Ее нельзя понять умом. Это любовь ко всему сущему: к людям, природе, ко всем явлениям, происходящим в мире, даже к самому худшему человеку, насильнику, убийце и садисту. Всеобщая любовь — умение принимать как плохое, так и хорошее одинаково ценным и нужным, это ощущение жизни, потому что она — и есть жизнь. И этот ценный дар у Лилии отняли. Или она отняла его сама у себя? Впрочем, Матвей прав: Лейсана с Олесем пока не могут ответить на этот вопрос. Как и на вопрос о связи между утерянным чанком Лейсаны и экспериментом над Лилией. Интуиция подсказывала, что связь есть.

— Олесь! А ну поднялся!

Парень попытался встать, но упал на ковер. Голубь вспорхнул, забирая с собой мелодию крыльев; вместе с голубем улетел и сон.

— Чего горланишь? — словно с перепоя, хрипло спросил Олесь.

— Пойдем по магазинам — развеемся, отдохнем. Покупки хорошо снимают напряжение, ты ведь знал?

Деньги, которые выделяло Министерство, на странность были приличными и предназначались как раз для шопинга. В памятке магам, которую раздавали каждому новоприбывшему, так и написано девятым пунктом: «Посещение ресторанов, магазинов и развлекательных центров способствует релаксации, снижению уровня стресса, выработке гормонов счастья. Министерство рекомендует посещать различные досуговые заведения ежедневно».

В отделе одежды играла музыка в стиле техно, продавцы-консультанты неспешно бродили между полок и вешалок, вылавливая взглядом появившуюся компанию из трех человек. Особенное внимание уделялось синим волосам Лейсаны. Обыкновенные люди не красят волосы, а тут — нате, пожалуйста — синеволосяя. Уж не маг ли?

«Маг я, маг! Уж такова природа: и волосы синими могут быть и глаза неестественной желтизны, как у Марка», — думала Лейсана, чувствуя себя некомфортно под взглядами незнакомцев.

— Ха! Примерь костюмчик! — по обычаю прогремела Хмылка, обращаясь к Олесю. Его руки держали серую толстовку, капюшон которой имел розовые заячьи уши.

Друг с неохотой взял толстовку, но надевать не стал. Утром он проснулся словно к смерти приговоренный, но Лейсана при помощи Хмылки вытянула его в торговый центр. Для спокойствия Хмылка позвала прогуляться и Матвея, но он лишь с пренебрежением ответил, что нельзя развлекаться, а надо идти на учебу. Сегодня, добавил он, наставник рассказывает о выживании в природе. Варвара же была на пробежке, да Лейсана ее не очень любила.

Заячьи уши не гармонировали с толстовкой. С умением любить люди разучились создавать красивое. Лейсана окинула взглядом висевшие на стенах рубашки и обратила внимание на белую с золотой росписью.

— Примерь лучше ту рубашку! — попросила Лейсана.

Олесь поплелся за ней. Протискиваясь среди полок, он наступил на чью-то ногу и ойкнул. Пред ним стоял двухметровый незнакомец с до неприличия большой мускулатурой.

— Ты слепотня, я не понял? — взбесился он.

— Пр-простите.

Олесь попытался удрать, но незнакомец схватил его за руку.

— Мне твое «п-простите» как туалетная бумага для задницы! Мое тело священо, и сопляки вроде тебя за километр должны обходить! Ты понял? Понял меня!

Хмылка заметила, что незнакомец схватил горло Олесь, и тотчас вступилась за друга. Она вытащила спрятанный за поясом нож и помахала им.

— Эй, лудила, руки от друга ведьмы убрал! Живо!

Лейсана покачала головой. Ей было известно, чем все кончится: качок просто уйдет, никому вреда не нанеся. Если не брать в расчет психическое здоровье Олесь.

После того как хам покинул магазин, Олесь примерил рубашку и согласился купить. Нетерпеливый кассир отругал покупателя за медлительность и попросил впредь их отдел не посещать. Уходил Олесь с опущенным взглядом не куда-то в пол, а себе в грудь. Попытка поднять шопингом настроение другу провалилась, и Лейсана решила действовать по старой, но верной традиции: если все плохо — беги за едой.

В продуктовом отделе они с Хмылкой не спускали глаз с парня. Он старался выглядеть довольным, но удалось ему это лишь один раз, когда в руки попала большая банка с медом. Через пять секунд лицо его сменилось с довольного на огорченное: банка выпала из рук и разбилась.

— Ничего, ничего, — Лейсана приободрила друга.

Прибежавшая на звон сотрудница магазина разоралась и, пригрозив штрафом за порчу товара, стала звать охранников. Жители города, которые поначалу нравились, теперь поражали Лейсану нервозностью и озлобленностью и огорчали, как Олесь.

Хмылку не устроила идея со штрафом, и она вцепилась в красный фартучек сотрудницы, прижала ее к стеллажу, отчего посыпались другие банки.

— Смотри мне в глаза, шаболда перезрелая, — шипела Хмылка, — видишь, как они горят огнем? Я изжарю твое вонючее тело, если ты хоть заикнешься о штрафе или о том, какой парень неуклюжий! Мне противны вы, жалкая, мерзкая перхоть на планете!

Сотрудница, взвизгнув, убежала. Вместе с ней убежала надежда на хороший день. Вот он — озлобленный и примитивный социум, в котором им предстоит жить.

Чувствуя, как до противного сладко пахнет мед, Лейсана повела Хмылку и Олесь дальше. Где-то в конце длинных рядов со стеллажами есть отдел готовой еды, там и пиццу можно заказать.

— Старайся не светиться, — попросила Лейсана подругу. — Чем меньше людей знают о нас, тем меньше врагов наживем.

— Почему Матвей не воспринимает мои слова всерьез? — измученный агрессией людей Олесь говорил тихо, и, чтобы его услышать сквозь посторонний шум, приходилось вслушиваться. — Почему он меня недооценивает?

— У него другое воззрение на мир, — ответила Лейсана.

— Он просто беспросветно несчастный пессимист, — буркнул Олесь и втянул носом воздух. — Это что, пепперони?

Олесь мог угадать пиццу по запаху.

— Если Матвей хочет умереть молодым, как и я, то спешит позаботиться о твоём будущем, заставить воспринимать мир критически, — поделилась мыслями Хмылка. — Он не эгоист и думает о других со своей позиции. Я же эгоистка: попользуюсь вашей дружбой, а потом помру. Все просто, не так ли?

К обеду друзья вернулись в квартиру на втором этаже. Варвара поджидала их с выражением на лице «я же говорила». Две пиццы требовали скорой расправы, а напитки прохлады в холодильнике, поэтому Лейсана не желала выслушивать речи Варвары и быстро перемещалась из зала в кухню, из кухни в зал.

— Послушайте! — Варвара захлопнула дверь холодильника перед Лейсаной. — Есть важная информация!

— И какая же? — усмехнулась Хмылка.

Поднять настроение себе и Олесю было непросто, хотя и получилось, Варвара же, по-видимому, собралась опустить его обратно.

— Я выведала интересную статистику: оказывается, за последние шесть месяцев в Танайском лесу, недалеко от Елабуги, сорока двух лагерников схватили охотники.

— И? — Лейсана оттолкнула сожительницу от дверцы.

— Каждый месяц в двадцатых числах от шести до восьми магов оказывались в одном и том же месте, где их поджидали враги. Неужели долго доходит?

— Совпадение? — улыбнулась Лейсана, но для себя сделала заметку: проверить, факт это или вымысел, а если факт, то выяснить роль Лилии.

— Закономерность! Мне пришлось несколько дней промучиться, собирая информацию о жильцах, но того стоило: теперь мы знаем, что надо валить отсюда.

— Валить? Боишься, что Лилия сошлет тебя в Танайский лес?

— Есть примета такая: если голова рыбы начала гнить, о внутренностях ее уже незачем беспокоиться.

Лейсана с равнодушием вздохнула и, взяв две газировки, ушла в зал. Варвара могла быть права: Лилия сотрудничает с охотниками, если им не подчиняется. Но к вождю и лагерникам Лейсана успела привыкнуть, полюбить их. Она нашла свой уютный, теплый дом, где нет места плохому, где цветет любовь. Открытия Варвары нарушили идиллию, не лишив при этом веру в добрые намерения вождя. Только что теперь? Слепо жить дальше или все выяснить, приготовив вещи на случай побега?

Идеальным решением Лейсана посчитала отдаться воле случая.

Глава 19. Осколки

По мнению Лейсаны, лучший путь к самопознанию — медитация, долгое слияние сознания с природой. Она помогла ей обрести второй чанк, поможет и разобраться с его утратой. «Нет ничего лучше, чем отдых от бренного мира в состоянии общего единения и связи с существами из других миров. В медитации не только ищешь ответы на волнующие вопросы, но еще и путешествуешь по мирам, планетам, если это возможно, общаешься и занимаешься общими делами с существами из других измерений», — шептала Лейсана, находившаяся мыслями уже одной ногой там — в других мирах.

Для уединения выбран был Танайский лес. В нем легче найти безлюдное место, а если слиться с природой, вовсе ни один человек не потревожит. Лес укроет ведьм от нежеланных гостей.

— Змея проползет рядом или паук на голову упадет — не бойся, мать-природа нас убережет, — сказала Хмылке Лейсана, захлопнув входную дверь.

Вдвоем они твердо решили, что сегодня отыщут ответы. Лейсане надобно узнать, почему пропал дар, а Хмылке — понять, как контролировать гнев.

Внизу, у подъезда, о чем-то беседовали Матвей и Альфред. Матвей, по обыкновению, скрестил руки и скептически улыбался. Вероятно, Альфред в очередной раз делился подслушанной где-то историей.

— Сейчас же поднимись к нам и попроси прощения у Олеся, — велела другу Хмылка. — Будь он трижды не прав, обижать его я никому не позволю.

— Самое время: пока есть пицца, Олесь добр, — добавила Лейсана.

Хмылка накинула на плечи теплый свитер и повязала рукава на шее. Медитировать собрались они до глубокой ночи, как настоящие монахи, — около семисот двадцати минут. Нелады в семье, надеялась Хмылка, не скажутся на ее настрое. В последние дни Матвей беспокоил их с Олесем все больше: он упорствовал в подготовке к революции, к тому туманному дню, которому, может статься, не бывать. Он напрочь забыл об отдыхе, о еде и сне: в четыре утра уже на ногах, поздним вечером — наконец дома, уставший, но счастливый.

«Мятеж ему важнее, чем семья. С каких пор?» — с обидой подумала Хмылка. Тут же пришел ответ: с тех пор как появилась Лилия Зимина.

Налобный фонарик вместе с кепкой валялся в траве. Там же — бутылочка с родниковой водой. Это все, что Хмылка взяла в путь, в отличие от подруги — та была уверена в ненужности материальных вещей.

Для удобства они расположились вдалеке друг от друга. Обе прислонились к дереву, согнув под собой ноги, и закрыли глаза. Хмылка делала так, как велено: сначала шумно вдыхала воздух и концентрировалась на вибрациях у носа, затем, когда тело расслабилось, вслушивалась во внешний мир.

Теплый воздух заполнял ее легкие, пока она улавливала пение птиц. Сквозь тоненький свист слышалась «пулеметная очередь». После «птицы-пулемета» по ушам резанула «птица хихикающая», за ней — «птица улюлюкающая». Когда заголосила птица, словно стреляющая из игрушечного пистолета, Хмылка осознала, что медитирует. Перестрелка,

улюлюканье и хихиканье отошли на второй план.

На первый план вышла визуальная часть медитации: Хмылка стояла в прохладном водоеме и смотрела в непрозрачную темную воду. «Окунись», — шептала вода. Она послушалась и нырнула.

Мысли перенесли ее в прошлое. Светлая комната, освещаемая солнцем из окна, семилетняя Хмылка, разбитый вдребезги старый магнитофон и молодая пара, с грустью смотревшая то на девочку, то на поломанный предмет.

— Катюш, мы же с тобой обсуждали, — мачеха присела рядом с ней. — Мы не можем позволить твоим друзьям жить у нас.

Хмылка вспомнила, что в тот день четко поняла: раз ее обидели, она имеет право отомстить. Тогда впервые проявилась ее способность к психокинезу.

Помещение завертелось. Через несколько секунд Хмылка очутилась в незнакомом доме с синеволосой девочкой — Лейсаной. Девочка бегала из комнаты в комнату от предмета к предмету.

— Хозяйка этой шкатулки — тетя Клавдия, расческа тоже ее... Кажется, тетя Клавдия болеет! — озадаченная Лейсана всматривалась в расческу и никак не могла додуматься, с чего она решила, что тетушка болеет.

Все снова завертелось, смазалось. Теперь Хмылка сидела за обеденным столом напротив незнакомой плачущей девчонки. Сзади громко хлопнула дверь холодильника — пьяный мужчина достал бутылку водки и, сделав два глотка, блаженно застонал. После повернулся и крикнул:

— Ты — жалкое, отвратительное ничтожество! Всю жизнь тебя будут ждать несчастья!

Девчонка разревелась громче.

Хмылка догадалась, что перед ней Лилия, и перенеслась в новое место — школьный класс. За последней партой подложила под голову руки Варвара.

— Не спим! — по парте стукнула указка учительницы.

— Я не сплю, — растягивая звуки, ответила Варвара и приподняла голову. — Я не засну... Верю, что не засну.

Варвара и школьный класс исчезли. Хмылка снова мочила ноги в водоеме, но не чувствовала дна. Вода посветлела, превратилась в прозрачную. Всмотревшись в глубину, Хмылка увидела маленького Олесья. Он пытался всплыть, захлебывался, дергал руками, но что-то удерживало его. Хмылка нырнула под воду. Незримая сила ее вытолкнула. Олесья сдался и пошел вниз.

— Не сдавайся! — Хмылка, осознавая, что не больше, чем медитирует, протянула ему руку.

В мальчике проявились силы, и он с грацией выплыл к летнему солнцу.

Когда Олесья исчез, Хмылка осталась смотреть на солнце. Ее не ослепляло; может солнце неправильное, может неправильная она. Свет манил ее, завораживал. Наконец ей выжгло слезы, и Хмылка засмеялась.

Она все поняла.

Она не та, кем привыкла быть. Не гневная царица, с равнодушием убивающая Сериаловых, Лисицыных и прочих неугодных свету существ. Нет. Она — дитя света, добрая и спокойная. Хмылки не существует. Только Катя Манчкина, верившая в свой плохой образ.

Катя протянула к солнцу руки. Все залило белым светом, а через мгновение она очнулась в лесу. Птицы не перестреливались, не хохотали; беззвучный мир разрывался

шуршанием травы и шумом листьев. В лесу поселилась незаметная ночь.

В городе Катя предпочитала добираться до дома с фонариком на лбу, даже когда путь освещали фонари. Теплый свитер пришелся кстати — дул пронизывающий ветер.

— Получается, способности появились из-за веры в них? — размышляла Лейсана. — Следует ли из этого, что обычные люди обделены верой, как любовью?

— Скорее так, — улыбнулась Катя. Впервые за долгое время она чувствовала себя лучше всех.

У людей нет истинной веры, как и любви. Они заменяют эти явления суррогатами, в чем не признаются. Магам повезло: каждый имеет свой маленький осколочек всеобщей веры, любви и, возможно, чего-то еще, чего нет у людей.

— Теперь я понимаю, почему потеряла дар понимать животных.

— Почему?

— В медитации мне повстречалась Ксения Синбаева — ведьма, потерявшая единственный чанк. Она пояснила, что в начале всего лежит энергия. Существуют энергетические сгустки, которые являются источниками любви, веры и прочего, в размерах они больше Земли. И каждый такой сгусток связан с живыми существами невидимой нитью — каналом. Нить может то сужаться, то расширяться. В кризисные моменты она становится настолько тонкой, что почти не пропускает энергию. Представь вокруг меня два летающих кристаллика — это мои чанки. Они — трансформация веры. Я потеряла дар, потому что там, в тюрьме, я испытала потрясение: сожгли «Историю магии». Канал настолько сузился, что один из чанков рассыпался. Но сейчас я оправилась, стала получать энергию в том же размере, что и прежде... И теперь я умею понимать и чувствовать людей, проверять их здоровье, ресурсное состояние, настроение — новая вторая способность.

Вдвоем они дошли до ставших родными пятиэтажек.

— У всех ли магов способности связаны с верой? — задумалась Лейсана. — Интересно, что подвигло Матвея поверить в смертельный поцелуй? И насколько она сильна? Смогу ли я, скажем, поверить в то, что умею летать?

— Только если доберешься до недостижимого источника, — подмигнула Катя и скрылась в подъезде после Лейсаны.

На третьей ступени Катя остановилась.

— Ты чего? — нахмурилась Лейсана.

Прежде чем войти в подъезд Катя заметила синий внедорожник с помятой дверью, но никак не могла вспомнить, где его видела раньше.

— Ничего.

Она выключила фонарик, сняла со лба. Жуткий голод накрыл ее, вкус пиццы завертелся на языке. Мысль о внедорожнике ускользнула.

Глава 20. Меч и щит

Воздух в легких заканчивался, паника нарастала. Он не мог утонуть, ведь плавал так же легко и свободно как рыба. Ноги Олесь дернулись, невидимые щупальца обхватили их и потянули ко дну. Зубы разжались, открывая ход к гортани. Олесь считал, что под водой кашлять невозможно. Теперь знал, что заблуждался. Проникавшая вода казалась огнем: внутри все горело, пульсирующей бомбой пыталось разорвать на куски. Беззвучный крик остановился, все потемнело, превратилось во мрак.

«Конец?», — подумал Олесь.

Страх рассосался вместе с огнем в легких. Олесь почувствовал спокойствие. Он плыл в безмятежности туда, где находят друзей. Образы Тимура, Влада и Стаса проявились на поверхности, словно их запечатлели на пленке.

«Я сплю?» — спросил он.

«Не совсем», — ответили лица друзей.

Неожиданная волна смысла образы, и теперь Олесь наблюдал белое сияние и кем-то протягиваемую руку. Вынырнув, он увидел Хмылку.

— Встань, — велела она.

Олесь не понял ее, ведь вокруг замечал только бесконечную гладь. Хмылка указала на свои голые ступни, которые едва касались поверхности воды, и Олесь догадался, чего она от него ждет. Опираясь о воду как о твердый камень, он сумел подняться.

— Олеська, славный мой друг, — Хмылка положила руку ему на плечо. — Ты ведь знаешь, как сильно я люблю тебя. Наш общий путь не может так быстро закончиться. Поэтому мы с тобой еще встретимся.

— У тебя есть настоящий дар, — Олесь оглянулся — к нему ступала Лейсана. — Ты избранный. Как и остальные, конечно. Но у тебя веры больше, чем у всего лагеря. Вера — тебе меч, а любовь — щит.

Рука Олесья непроизвольно дернулась.

— ... лесь... Олесь... Проснись!

Темнота обволакивала зал. Лишь из открытых окон проникал желтый фонарный свет. Варвара, даже ночью не снимавшая майку и джинсы, потянула его за руку.

— Вставай, ну же! Горланю как бегемот, а ты спишь себе бурундуком!

— Да что стряслось-то?

Он присел на диване и взглянул на девушку. Варвара спугнула сон в самый неподходящий момент. Лейсана нередко общалась с ним в сновидениях, может, в этот раз она хотела сказать что-то по-особенному важное?

— Лисицыны! Тут! — Девушка указала пальцем в дом напротив. — Видишь внедорожник? Тот самый, на котором уехала собакоубийца!

Олесь выглянул. Сегодня он, почувствовав одиночество во второй квартире, решил заночевать на первом этаже, и потому решение прыгнуть с окна и подкрасться к машине возникло само.

— Куда ты?! — сердитая Варвара обхватила его шею и вернула тело в зал. — Лисицыны к Зиминной всего-то на чаек заглянули. Одевайся и выходи в подъезд. Я сбегая за Альфредом...

Варвара, не издавая шума, убежала. Олесь еще раз выглянул на улицу. В окнах квартиры вождя тускло горели светильники. Вид автомобиля охотников вызывал чувство горечи.

Футболка была надета после того, как Олесь запихнул ноги в джинсы и кроссовки. Надета дважды. Сначала наизнанку, потом — снова наизнанку. В нерешительности Олесь потоптался у порога, думал, будить ли Матвея. Выглянул в подъезд он все же без него.

— Да ты медленнее ленивца! — Варвара ударом по спине толкнула его на улицу.

— Прости, кроссовки не мог завязать.

Альфред сел на пол, сжимаясь в просторной пижаме.

— Я уже слышу чьи-то голоса, — сказал он. Его суперслуховая способность была весьма кстати.

Втроем они подкрались к окну, сели и прижались к стене.

— Вещай, что за базар они ведут, — шепнула Варвара.

Альфред напрягся. Олесь слегка прижался к нему и попросил Варвару сесть поближе. Его трясло, но что не от холода — он понял не сразу. Побег из тюрьмы, казавшийся частью прошлой жизни, замелькал перед глазами. Это было недавно, совсем недавно, а убийцы Стасика сейчас здесь, в нескольких метрах, с Лилией.

— Мужчина говорит, что из-за разрушенной тюрьмы заключенных временно держат в резервном отделе и что они не досчитываются восемнадцати магов. Лилия: «Восемнадцать — слишком много. Если они пропадут в один день, особенно мнительные что-то заподозрят... Давайте так: завтра возьмете четверых из второго корпуса, я их отправлю... хм... в Танайский лес. Через неделю еще шестерых из третьего корпуса, заберете их в Курбатском лесу. За остальных — отвечаете сами». Женщина говорит: «Мы хотим сегодня же. Сейчас. Ты наша шавка, так подчиняйся». Мужчина говорит, что им к утру нужен хотя бы один: из Берлина в Казань возвращается профессор Радик Вавилов с масштабной задачей, а весь резерв магов использовали, других лаборатории не дают.

Варвара была права. Лагерь помазан медом далеко не из гуманных соображений. Всем им уготовлена тюрьма так или иначе. Лилия с охотниками заодно. Или она играет по обе стороны. Сотрудничает с Министерством, чтобы потом его взорвать.

— По звукам судя, чай пьют, — Альфред закончил подслушивать. — И что делать? Предупредить «освободителей» о сделке Лилии с охотниками?

Варвара вытащила из кармана нож. Он блестел в угрожающей близости от лица Олесь.

— Надо срочно порешить их. Зовите Матвея, Хмылку. Зовите всех — пора показать этой бабе и ее дельцам, кто тут главный.

— Нет! — Олесь застучал зубами. — Вы... идите. А я... Я поговорю с ними. И сегодня они никого не тронут, обещаю.

Олесь осекся на последнем слове.

— Ты больной?! — Варвара потрясла его. — Ты понимаешь, что происходит?

Он молчал. Никому не отобрать его решимости.

— Дело твое, — оскалилась она. — Я сваливаю.

Железная дверь цвета пепла отдавала холодом. Олесь уткнулся в нее лбом и задумался. Ничего не было слышно, лишь в подъезде гудела желтая лампа.

Ему снился не простой сон. Он медитировал в то же время, что и Хмылка с Лейсаной. Так что они хотели сказать? «Вера — тебе меч, а любовь — щит». За словами прятался смысл, и Олесь его почти обнаружил. Смысл мелькал, бегал из угла в угол, но полностью

себя не показывал. О чем же говорила Хмылка? Предрекала, что его увезут Лисицыны?

Да будет так!

Олесь загремел кулаками о дверь.

— Лилия, открой, я знаю, что они здесь! Поговори со мной!

Резиновое чувство злости растягивалось в нем. Он злился на Лилию и ее лицемерие, злился на себя за доверчивость.

Звякнул замок. Лилия вышла на лестничную площадку, с недовольством закатила глаза. Скрепленные руки намекали, что беседовать вождь не намеревается. Кофейных оттенков пиджак и брюки убеждали Олесь: шанс на беседу есть.

— Я не осуждаю... Лисицыны... Пусть! Но дай мне поговорить с тобой сейчас наедине. Это важно!

— У тебя есть пять минут, — Лилия показала наручные часы. — Начинай. В квартиру не пушу.

Олесь облизнул губы и выдохнул:

— Почему?

Он начал думать, Лилия не поймет вопроса, но она кивнула и ответила:

— Больше всего я хочу одного — вернуть способность любить. Без любви я мертвая, понимаешь? Пусть вместе с ней мне вернут чанк невезения, но, черт возьми, это того стоит!

— Стоит жизнью?

— Я человек... Нельзя меня винить в том, в чем по умолчанию виноваты люди. К сведению, всех магов я отдаю исключительно на исследования, направленные на изучение проблемы любви. Мне обещали вернуть чувство одной из первых. Веришь или нет, но они сдержат слово.

Мысль о вере, прятая от него, наконец показала себя. Олесь осознал слова Лейсаны.

— Чанки не существуют сами по себе, — сказал Олесь. — Они — плод веры. Поверил, что можешь дышать под водой — вот ты и дышишь.

— Шутить изволишь? — лицо Лилии скривилось в неестественной улыбке.

— На полном серьезе. Можешь не сомневаться, я верну тебе любовь. И веру. И все, чего не хватает людям. Поэтому я поеду с Лисицынами. Им же нужен один маг к утру?

Два внедорожника неслись по дороге М-7, обгоняя рассвет. Лучи закрадывались на пустынные поля, дорогу, пробуждали наметившийся впереди лес. За рулем первого автомобиля сидела Катерина, рядом — Алексей. Олесь разрешили ехать с Лилией.

— Не понимаю твоего поступка, — сказала Лилия, не отрывая взгляда от дороги.

— И не нужно, — ответил Олесь. — Единственное, чего я прошу: пусть первыми, кому я отдам кровь, будут Лисицыны.

— Чтобы твоя кровь их убила? Они на риск не пойдут.

— Тогда хочу увидеть Аксицию... если...

— Она жива. Я организую встречу. Так почему ты уверен, что сможешь наделить человека любовью, избежав смертельного исхода для реципиента?

Олесь молчал. Он не хотел говорить, что понял кое-что важное лишь сейчас. Вера — вода, а сверхъестественная способность — неразбиваемый лед. Можно ли его растопить? Олесь надеялся на положительный ответ, ведь это помогло бы беспрепятственно передаться вере вместе с любовью через кровь.

Олесь полагал: раз оба чувства равнозначны, то любовь так же должна становиться чем-то иным. Если полюбить кого-то сильнее остальных. Во что превращается любовь?

Телефон Лилии, поставленный на подзарядку, разразился полифонией. Пальцем Лилия включила громкую связь.

— Не усни, нам еще ехать и ехать, — раздался голос Алексея.

— С чего такая заботливость? — осведомилась Лилия.

Несколько секунд телефон молчал. Олесь лишь слышал гул мотора и шипение асфальта под колесами.

— Мы не могли упустить возможность, — По коже Олесь прошлась дрожь, когда он почувствовал, как Алексей улыбнулся. — Мы начинаем зачистку лагеря. Не пележивай, Лилия, новых набелешь.

Взвизгнули тормозные колодки. Олесь кинуло вперед насколько позволял ремень. Машина остановилась. Костяшки пальцев Лилии побелели, вцепившись в руль.

— Что это значит?

Прежде чем ответить, Лилия бросила взгляд на почти скрывшийся из виду внедорожник Лисицыных.

— Охотники нападут на лагерь. Одних пленят, других расстреляют.

Лилия в задумчивости опустила взгляд, наверное, решала: поворачивать или...

Машина двинулась, набирая скорость. Олесь забился в дверь, пытаясь открыть.

— Куда мы едем? Развернись! — закричал он. — Там же люди!

Немигающими глазами вождь «освободителей» следила за дорогой.

— Это судьба.

— Выпусти меня!

— Ты их не спасешь. Ты никого не спасешь.

Расстегнув ремень, Олесь бросился на Лилию. Рукой она с легкостью вернула его на место.

— Без толку даже звонить. Охотники никогда не предупреждают о зачистке. Если предупредили — значит зачистка уже идет или закончилась. Все, что мы можем, — надеяться на Матвея, единственного толкового парня.

Матвею Олесь не успел сказать, что уезжает. Зимина и Лисицыны повезли его в Казань сразу, как только он дал согласие. Олесь знал, что может не вернуться, но не рассчитывал на подлость охотников. И он не рассчитывал, что снова не сдержит обещание. Обещание, данное Варваре и Альфреду.

Бессилие взяло свое. Тоска со строгим стуком вошла в душу Олесь.

Глава 21. Черное белое

Серое утро меланхолично отражалось в окнах дома напротив. Матвею не спалось. Теплое одеяло было откинута, по белой простыни наворачивали круги пальцы. Завороженный грустью старого кирпичного дома Матвей ни о чем не думал. Иногда позволительно прожить несколько минут без мыслей, воспоминаний и целей.

«Лейсана сказала бы, что я медитирую», — Матвей поймал себя на мысли и улыбнулся так, как всегда: с легкой потерянностью и ноткой самоиронии.

Звон битой посуды с кухни заставил встрепенуться и через пару секунд быть там.

Вздых облегчения. Всего лишь Варвара. Она сметала с полок тарелки, чашки, пакетики с кашей и коробки шоколадного напитка в поисках чего-то ценного.

— Три утра, — заметил Матвей.

Взметнулись черные волосы Варвары, скрывавшие тощее тело. Заметив его, девушка, вероятно, почувствовала то же облегчение, но не приостановила поиски.

— Все взяла, кроме термоса. Я спешу.

— Куда? Лилия послала тебя на дело?

— Твоя Лилечка якшается с охотниками. Мы с Олесем и Альфредом все видели и слышали.

Матвей поднял брови, скрестил на груди руки.

— Приехали на джипе. Лисицыны! Чаепитие посреди ночи с вождем — как тебе? Уговор у них: она поставляет им тела для опытов. Говорила же, маги пропадают в Танайском лесу, ты шорытак и не снял. Моя вина? Нет. Хочешь в тюрьму или смерти — сиди. Я сваливаю из лагеря.

Новости Матвей умел воспринимать без «переваривания», потому отозвался резкой для Варвары фразой:

— Лилия правильно поступила.

— Я ослышалась? — Варвара отвлеклась от скидывания на пол чайного сервиза.

— Революция требует жертв. Ты считала иначе? На шахматной доске она играет за черных и белых, изучает противника. Нужно соблюдать правила, иначе удалят с поля боя. — Матвей зевнул и поплелся в спальню. — Останься, каждый маг необходим во время революции.

Двумя прыжками девушка догнала его и толкнула к стене. По виду Матвей решил, что в ней закипает злость.

— Давно ли ты перестал следить за семьей? Ты узнал о сопливых мечтах Лилии и сразу помешался, ослеп! То, что было ценнее всего, ушло на второй план. Очнись! Мир будет по-прежнему уродлив. Твои мечты сгорят и станут ненужными, ведь кое-кто забыл о близких. Если тебе нравится чувствовать себя ничтожеством — чувствуй! Но других такими не считай. Если Олесь верит, что может спасти мир — не мешай его вере. Однажды настанет утро, и ты его уже никогда не увидишь, но поймешь: он был твоим раем, а все остальное — адом!

Еще долго звучал в голове ее голос, когда она, так и не найдя термоса, взяла рюкзак и хлопнула дверью.

Пятнадцатью минутами позже Матвей нашел в себе силы подняться с кровати, одеться и дойти до квартиры Лилии. Он долго стучался. Ему не открывали, хотя шумели на пороге.

— Дверь. Открой! Глухим представляться не стану.

Открыл дверь Толя, молодой помощник Лилии, почти ее правая рука. Он высунул голову, затем не спеша вышел в подъезд.

— Да? Ты из-за Альфреда? Не слушай его брехню. Лилия никогда с охотниками дел не имела. Вот же шут! — Толю прошиб пот; он утер капли со лба и выдавил улыбку.

«Ага. Не его ли ты сейчас потрошишь? То-то не открывал», — усмехнулся про себя Матвей.

— Я к Лилии.

— Ее с Олесем вызвали по срочному делу в Казань. Жди, дней через пять вернутся.

Не прощаясь, Матвей вышел на предутреннюю улицу. Ни одной машины во дворе не было. Должно быть, и правда уехали. Но Олесь-то зачем?

Нехорошее предчувствие посетило Матвея. Он видел в Лилии себя, поэтому доверял ей. Но что, если Варвара права: его ослепила идейная схожесть? Неужели он и впрямь собственноручно сдал своего Олесья прямо в руки врагу?

Вытащив мобильный телефон из брюк, Матвей набрал номер вождя. Вместе с долгими гудками он вернулся домой, снял обувь и сел на диван. Телефон Олесья спрятался между складками дивана. Поняв, что никто ему не ответит, он сбросил вызов.

Матвей решил, что попросит прощения, когда Олесь вернется. Не только у него, еще у Хмылки. За отвратительнейшее поведение, злой, откровенный язык. Своими словами он пытался спасти романтика от гибели души. Магам-мечтателям крайне тяжело жить после того, как их корабли с мечтами затонули. Матвей не затопил корабли Олесья, даже не ударил по ним, но стал им угрозой. Быть таковой Матвей не желал. Да и любил он в Олесе идеалиста. Уж лучше стать для него и Хмылки нежным, веселым и добрым, каким его еще не видели, чем продолжать все рушить.

Лишь бы Олесь вернулся.

Из открытого окна резанул грубый мужской голос, вещавший из мегафона:

— Приказом Министерства борьбы с магами от двадцатого августа сего года заявлено прекратить деятельность лагеря «Освободители» и схватить преступников! Корпус первый и корпус второй! Вам даны три минуты. Выходите с поднятыми руками. В противном случае по истечению времени вы будете принудительно выведены и расстреляны.

Глава 22. Охотники и жертвы

Катя с тревожным взглядом повернулась к окну. Подходить близко к нему она боялась: полсотни охотников выискивали цель из пистолетов. Тем временем в квартире шумели все, кто только мог. Каждый пытался перебить говорившего, указывая, как поступить.

Матвей успел сказать, что Олесь и Лилия покинули город и, скорее всего, находятся в меньшей опасности, чем лагерники. А вот Варваре может не повезти — она ушла совсем недавно. То, что происходило сейчас, стало привычным для многих магов-путешественников — облава под самое утро.

Катя вернулась в толпу, которая скопилась в коридоре, и пересчитала собравшихся. Соседи с первого, второго и третьего этажа — почти все тут. Никто из них не бросился к ногам охотников. Виктория, юная леди, отрицавшая существование косметики, со скромностью прижалась к двери в туалет. Она без труда могла загипнотизировать кого угодно, таков ее дар. Рамиль и Василь, два брата-близнеца, обычно шутливые, теперь с серьезностью прислушивались к звукам, доносившимся то из распахнутого окна, то из подъезда. Оба научились левитировать в один день в далеком детстве. Петр, доживший до семидесяти трех благодаря умению становиться невидимым, сидел на полу и качал головой, сетуя на облаву. Ландыш, жена Альфреда, бледная, от того что муж куда-то пропал, теребила пуговицы на платье. О ее способности Катя знала одно: чанк связан с водной стихией. Андрей, суровый мужчина, всегда носивший с собой заряженный пистолет, спорил с Лейсаной. Его чанк прост, но эффективен — телекинез. Евгений, совсем еще мальчишка, позволял другу держаться за его плечо. У Жени самый удивительный дар и самый ненужный — он умел в совершенстве играть на всех музыкальных инструментах мира. Денис, его друг, был слеп. Он единственный, кто не видел жутких мужчин и женщин, собравшихся во дворе. Ничем он не владел, любить не умел. Денис — человек, примкнувший к магам, оттого что в людском обществе граждане с физическими дефектами были не нужны. Таких людей травили и сбрасывали в канавы. Горькая правда о тех, кто не познал любви.

— Нам нужно успокоиться, — обратилась ко всем синеволосяя ведьма, — мы все напуганы, на пределе эмоций. Но давайте подумаем о том, что нас ждет после смерти. Мы прошли тяжелый путь, и, если уж суждено умереть, следующий будет легче. Таковы законы вселенной.

От трех минут осталось вдвое меньше. Напряжение и страх нарастали лишь сильнее.

— Вы не спустились, — Матвей обхватил Андрея и Петра за плечи. — Тем я горд.

— Может, лучше сдаться? — простонала Вика.

— Иш удумала! — старчески прохрипел Петр. — О душе подумай, о душе!.. Тьфу!

— Нас убьют лишь при необходимости, забавы ради не станут, — добавил Матвей. — Им нужны мы. Живыми. А кто из вас сдастся им, ну? Никто. Не позволю.

Петр вышел в подъезд.

— Я загляну к Лилии, опосля — в оружейную, — сказал он и растворился в воздухе.

— Мы можем их обезоружить, — Ландыш взглянула на пистолет в руках Андрея. — Если заставить охотников выстрелить в момент, когда я вылью на них тонны воды, пользоваться пистолетами будет рискованно. Я так много раз проделывала.

Идею подхватил Василь. Он забрал у Андрея пистолет и сказал о решении выйти через

подъезд, взлететь и атаковать. Каждый понимал, что, скорее всего, парень уже не вернется, но отговаривать не стал.

— За дело, — Василь кивнул на прощание и вышел.

Ландыш поспешила к окну. Катя решила, что лишние жертвы не нужны, и раскрыла вместительный ящик дивана. Она схватила незрячего Дениса, затем, приговаривая, что все будет хорошо, велела лечь в него. Краем глаза она заметила удивление Матвея. Наверное, ему и в голову не приходило, что Хмылка может бескорыстно помогать немагу, да еще ласковыми словами успокаивать.

— Их слишком много, — сказал Андрей, выглядывая в окно из-за стены. — Попробую им помочь с нажатием крючков...

— Приготовьтесь, сейчас будет тряска, — предупредила Ландыш и взвела руки к потолку.

Затряслись стены и мебель. На кухне в раковине открылся кран и потекла вода. В небе прогремело.

— Давай! — скомандовала девушка.

Раздались выстрелы и тут же были заглушены большим потоком воды сверху. Проклятия и крики слышались сквозь шум льющейся воды. Через десять секунд все прекратилось, сбитые с ног люди Министерства поднимались. В мегафон прокашлялись и свирепо произнесли:

— Охота начинается.

Как обстояли дела у соседей с четвертого и пятого этажей, Катя не знала. Она поняла, что их судьба не безразлична ей, но помочь ничем не могла. Раньше, когда все звали ее Хмылкой, она переживала исключительно за себя и свою семью.

Шестеро охотников в мокрых фиолетовых костюмах попарно вбежали в квартиру. Маги построились у стены в зале, чтобы атаковать. Андрей телекинетически притянул шестерых мужчин в зал, ударил их о стены. Катя первой взяла на себя одного, тяжелым кулаком ударила в кадык, перехватила из руки нож и намерилась перерезать шею.

Что-то пошло не так. Мужчина оцепенел, следя за нависшим лезвием. Катя вслушивалась в борьбу друзей и врагов, ей показалось, Рамиль успел кого-то прирезать. Но она не могла так поступить. Раньше — да. Не теперь.

Спрятав нож, Катя поволокла охотника в туалет. В туалете, залитым водой из пробитыми невесть чем трубами, она ударила его головой о ванну, затем отыскала толстую веревку, проверила, жив ли, и связала.

В коридоре захлюпали ботинки. Катя выглянула, и ее схватили двое охотников. Один бросил ее на пол, другой вытянул руку с пистолетом, но не успел выстрелить — Андрей способностью вырвал оружие и в воздухе нажал на спусковой крючок. Пистолет взорвался, а охотник упал рядом с Катей.

Появились еще несколько злых человеческих лиц. Андрей вытолкнул их в подъезд и захлопнул дверь. Катя поспешила в зал. Борьба в зале прекратилась, когда Рамиль разделочным ножом искромсал охотника на диване. Кровь наверняка просочилась в ящик, где лежал Денис.

— Я буду пускать по одному и удерживать дверь, а вы их резать, — выдохнул Андрей.

— Нет! Нельзя убивать неосознанных существ! — крикнула Катя и тут же прикрыла себе рот мокрыми пальцами.

— Говоришь, как Лейсана, — заметил Андрей.

— Я изменилась... А где Матвей?

В зале были все, кроме Ландыш, Вики и Матвея. Лейсана развела руками: не знает.

— Мне кажется, он сбежал, — сказал Женя. — Видел, как он из квартиры улепетывал. А девушки там... В кухне.

Катя с осторожностью заглянула в кухню. Три мертвеца — двое на подоконнике, один на полу. Вика едва не выпадала из окна, она вцепилась рукой в нож, воткнутый в спину охотника. Мертвый охотник своим весом не давал девушке упасть. На линолеуме в воде и крови раскидала темные волосы Ландыш. Ее голубое с пятнами крови платье напоминало о несовершенности мира.

Шум и выстрелы в зале заставили Катю вернуться к остальным. Два крупных бородатых мужика пинали застреленного Андрея, держа наготове автоматы.

— Вы, четверо! Живо на колени, руки за голову! — велел один из них.

Катя последовала примеру друзей: исполнила приказ. Она, Лейсана, Рамиль и Женя, упали коленями на влажный ковер. Страх был липким и темным. Вокруг — трупы, впереди — палачи. Внутри — тишина. Раньше Катя могла положиться на гнев. На что теперь надеяться?

— Уведи мальчонку, — указал охотник напарнику на Женю, — да позови кого — сами не свяжем.

Из подъезда кто-то крикнул:

— На пятом девятерых повязали! Еще столько же — а остальных пристрелить!

«Умру, но в плен не сдамся!», — решила Катя и, опустив руки, встала.

— Села! Живо! — заорал охотник, готовясь нажать на спусковой крючок.

Маги проиграли бой, может, и всю войну. На Земле зло всегда побеждает. Ее жизнь вряд ли кто-то спасет. Возможно, Петр дошел до оружейной; возможно, оружие, которое он решит донести до друзей, станет невидимым, как его одежда. Возможно, Матвей еще жив, а Варвара вернулась в лагерь, чтобы всех спасти. Но в эту секунду никого из них здесь нет.

На улице сработал мегафон. От родного голоса ноги Кати подкосились, она едва удержалась, чтобы не упасть.

— Если революции быть, — вещал Матвей, — то ей быть сегодня! Маги, колдуны и колдуньи, ведьмы и ведьмаки, шаманы и шаманки, вещуны и вещуньи, да просто люди со сверхспособностями! Взываю к вам! Вы не жертвы, вы — герои!

С недоумением переглядывались не только Лейсана и Рамиль, но и охотник с вернувшимся напарником. Последних, скорее, интересовал вопрос: лидер, у которого был мегафон, мертв? Что делает Матвей — заботило только Катю и всех магов, услышавших его. Бодрым, наигранно веселым, но все-таки напряженным голосом он продолжал:

— Представьте: дела обстоят иначе, не так, как мы полагали. Охотники вы, уважаемые маги, а жертвы — люди. Вы обязаны брать их в плен, а не они вас. Мы спасем планету от жертв! Мы — охотники! Они — жертвы! Мы — охотники!

— ... они — жертвы! — прошептала Катя и, воодушевившись речью лучшего друга, сделала шаг вперед.

В квартире раздалась автоматная очередь.

Кто победил — было очевидно.

Глава 23. Вся вера и любовь этого мира

С Аксиной встретиться Олесю разрешили не сразу. Долгое время с ним беседовал прибывший из Эстонии знаменитый врач-ученый Вавилов Радик Рустамович — мужчина, вдвое старше него. Он выпытывал из Олеса, как же он так: неужто придумал способ заразить немага любовью? А, так еще и верой? Услышав ответы, врач потребовал у сотрудников лаборатории приготовить ванну, наполненную водой, и операционную и привести Кутилову.

Аксинья предстала перед Олесем измученной и отчего-то подергивающей головой. Ее состарившееся лицо с впавшими глазами смотрело на шаркающие ноги. Два санитары, придерживая за руки, помогали ей передвигаться.

— Что же с тобой сделали?

Лисицыны, Зимина и Вавилов — те, кто были в кабинете, — позволили ему приблизиться к подруге. Подруга подняла голову и уставилась на него ненавидящими глазами.

— Гори в Аду! — зашипела она, подаваясь вперед. Она пыталась вырваться из рук санитаров, чтобы истерзать, исцарапать Олеса. — Ты злодей. Дьявол. Умри. Умри!

Она истошно завизжала, и санитары ее увели.

— Ее лассудок помлачился, — объяснил Алексей, — из-за пыток.

Олесь вздохнул. Аксинья провела в лаборатории не больше двух недель, но уже стала другой. Каждый час здесь похож на месяц, удивляться нечему. Та же участь ждала бы и остальных, не сбеги они из тюрьмы.

Радик Рустамович вышел из кабинета. Охотники и Лилия повели за ним Олеса. Его ждала ванна, в которой он рассчитывал потерять способность.

Мрачные темно-серые стены и пол лаборатории, запах выстиранных серых халатов, монотонные речи сотрудников — все убивало в Олесе желание жить. Серый — цвет безжизненности.

Глубокая ванна была, как и все в лаборатории, серого цвета. В маленькой сырой плесневелой комнатке смогли поместиться только трое: Олесь, Алексей и Радик Рустамович. Лилия и Катерина остались ждать снаружи.

— Ныряйте, — скомандовал ученый.

Олесь снял кроссовки, джинсы и футболку, надетую наизнанку. Уже в ванной он затрясся от холода. Алексей закатал рукава, схватил его за шею и опустил под воду.

Вода с равнодушием приняла Олеса. Он ей ни друг, ни враг. Всего-то человек, умеющий быть рыбой при двух ногах. Человек, которому и дела нет до цифры, обозначающей сколько литров за день он выпил. Хоть двести — ему, как и воде, без разницы.

Мысли Олесь направил на веру. Он должен начать задышаться. Та замерзшая вода, ставшая чанком, должна истечь.

— Я не умею... — Олесь стал повторять одну фразу, вспоминая случай из детства, когда он почти утонул, но вера его спасла. — Я верю: я тону.

Прошло минуты три. Самовнушение, на которое он надеялся, не помогало.

«А ведь я и рад утонуть, — подумал Олесь, — моя жизнь — ад. Отца не помню — он погиб, мне и трех лет тогда не было. Мать умерла, так и не узнав, что я маг. В четырнадцать лет зимовал в подвалах Иркутска. Один среди чужих. Лагерь магов, к которому примкнул

годом спустя, — половину перерезали, половину сослали, и меня в том числе. С Тимуром и Владом кое-как сбежал, да Влад был ранен, вскоре заболел, потом и умер. И Тимура я потерял, а убили его, кто бы мог подумать, свои! Школу в Арзамасе накрыли, я ушел за Марком, ну то есть за Матвеем, в Татарстан. Против воли на мэра пахать пришлось. И что? Это ли жизнь? За что судьба к нам так несправедлива? А ведь что с Аксиной сделали — что стало! И Матвей... Хмылка... Лейсана. Мы не заслужили такого!»

Олесь закашлял и заглотил немного воды. Его затрясло от мыслей о тех, кого он оставил в лагере. Страшные картинки того, что могло случиться, зарябили в глазах: расстрелянная Хмылка, сожженная заживо Лейсана, обезглавленный Матвей. Ненависть и отвращение к миру заставили его всплыть, но Алексей, тот, кто перерезал горло Стасику, тот, кому он хотел подарить незнакомое ему чувство, вернул его под воду и ударил о дно ванны.

Единственный шанс все изменить — вот он. Утонуть и спасти мир или продолжать довольствоваться жалким кусочком веры в себя способного и позволить миру гнить дальше.

Руки заскользили по ванной, ноги упирались, помогая подняться. Алексей неумолимо топил в Олесе мага. Ладони сцепились с руками охотника, голове удалось подняться.

— Это не моя вера и не моя любовь! — вскричал Олесь. — Они принадлежат не мне, а миру! Верните то, что у людей отняли, верните...

В горло влилась вода. Легкие обожгло. Наступил покой, и мир потух.

Желтый свет операционного светильника пробудил в Олесе отчаяние. Олесь дернул руками — бесполезно. Они привязаны, как и все тело. На шорох он повернул голову вправо. Радик Рустамович осматривал Аксиныю у другого операционного стола. Лишь сейчас Олесь заметил, насколько сильно подруга исхудала. Подруга ли? От ее сознания уже ничего не осталось.

— О, очнулись, — осклабился ученый.

Олесь огляделся. В операционной так же находились Лисицыны, Зимина и два медбрата. Судя по их скуке, они были свидетелями, не более.

— Рукой не дергайте — к ней прикреплен аппарат.

Трубку, проведенную в вену, Олесь едва различил, зато хорошо разглядел прибор на столике между ним и Аксиной.

— Зачем она здесь? — прохрипел Олесь; его сердцебиение участилось.

— Пациентка два дня назад утратила статус мага. При неудачном опыте. Тем не менее чанк остался с ней, трансформировавшись в опухоль с метастазами. Она умирает. Сегодня, завтра — ей не жить. Вы, юноша, объявились весьма кстати. В целях научного эксперимента я решил проверить, сможете ли вы, согласно вашей гипотезе, исцелить человека. Так мы выясним, передастся ли вера, которая, как говорите, отсутствует у немага.

Кровь с медленной скоростью передавалась от вены к аппарату, от аппарата к Аксиной. Олесь смотрел на нее с равнодушием. Наверное, перед процедурой его чем-то накачали, усыпили тревогу. Убедила его в этом капельница с пустой бутылкой, стоявшая в углу операционной.

— Олесь? — слабым голосом произнесла Аксиныя и закашляла. Ее зрачки расширились, брови слегка приподнялись.

— Я, — улыбнулся он.

— Олесь...

Взгляд девушки застыл. Из приоткрытого рта больше ничего не донеслось. Монитор,

следящий за ритмом сердца пациентки, пискнул и загудел.

— Убирайте, — Радик Рустамович кивнул медбратьям, и они заторопились: один отсоединял приборы от Аксиньи, второй от Олеся.

— Время смерти: восемь часов шестнадцать минут, — заключила Лилия.

— Нам ни к чему ее время смерти, — резко сказал ученый. — Лабораторные мыши есть не более чем расходный материал. А вы, юноша, нам теперь не интересны. В лучшем случае, ваша вера не исцеляет, а убивает. К-н-и-г-о-л-ю-б. нет В худшем — ни веру, ни любовь с клетками крови вы передать не в состоянии.

Олесь отвел взгляд в потолок. Ему вспомнились слова Лейсаны о любви.

— Любовь — не биохимия. Гормоны лишь подтверждают ее существование на биохимическом уровне. Вам ли, доктор, не знать, что так можно рассмотреть любое чувство.

Медбрат отсоединил аппараты и собрался было покинуть операционную вслед за коллегой, увезшим на каталке мертвую, но ученый остановил его требованием усыпить живого пациента тиопенталом натрия. Людская благодарность — смерть, даже если подарить им все краски мира.

Олесь захохотал. Его надули, разыграли наивного. Он доверился Лилии, доверился ученому, ведь думал, что это сотрудничество. Нет, с людьми сотрудничать невозможно. Они всегда будут использовать и только использовать, а в благодарность отнимать жизнь.

Что еще хуже — Олесь убедил себя, что спасет мир. Люди научатся любить. Войны прекратятся. Земля перестанет быть адом. Ничего из того, во что он поверил, не будет!

Медбрат поднес лоток с наполненным шприцем. Жгут лег на левое плечо.

— Сжимай кулак, — серо потребовал он.

Олесь слушаться не стал. Он напрягся и заерзал в попытках вырваться.

— Лилия! Помоги! Лилия! — его ослепили слезы. Предплечья коснулся наспиртованный шарик. Олесь говорил быстро: — Лилия, пожалуйста! Что ты смотришь на меня безразлично? Ты же знаешь, что смотрела бы по-другому. Все смотрели бы по-другому! Согласись на переливание. Я могу, я верю. Дайте мне шанс. Лилия, ты боишься рискнуть? Риск того стоит, ведь жизнь без любви — не жизнь!

Игла вошла в вену. В тот же момент Лилия остановила медбрата.

— Успеешь, — сказала она ему. — Как заявил один великий мыслитель, надо искать не риск в шансе, а шанс в риске.

На секунду Олесь задержал дыхание, нервно поглядывая на окружающих. Неужели ему дадут шанс? Он почувствовал, как игла выходит из вены, и с облегчением выдохнул.

Летняя жара не намеревалась уходить, хотя август приближался к концу. Тридцать три градуса за окном и общая слабость заставляли Олеся отлеживаться под вентилятором. Палата, в которую его поместили, вызывала у него тоску по дому. Хотя дома у него не... было? Брови свелись в задумчивости. Если дом — место, где всегда комфортно, значит ли, что им является любое место, где есть друзья?

Третий день он находился в лаборатории. Его миссия успешно выполнялась. Жадные до любви работники Министерства борьбы с магами спешили получить свою порцию. Радик Рустамович выяснил, что достаточно пяти миллиграмм для передачи чувства. Поначалу оно не замечается, но затем, на третий день, разрастается и дает о себе знать в выработке гормонов.

Потянувшись в кровати, Олесь расплылся в счастливой ухмылке. Все-то им, людям,

гормоны да гормоны. Любовь не в них проявляется, а в измененной душе. Для Лисицыных, к примеру, новое, не испытываемое ранее, чувство стало ужасным наказанием. Каково осознать, что к тем многим, кого ты мучил и убивал, начинаешь сострадать, раскаиваться в глупостях? Катерина и Алексей теперь осознают.

Любовь в самом деле изменяет мышление. Меняет человека. Десятки благодарных работников Министерства завалили палату подарками. Олесь уже полюбил этих людей. Людей ли? Ведь он передал им и веру, а вера способна сотворить чанк.

Вчера вечером он, примостившись у тумбочки, читал открытки. В каждой он находил раскаяние, мольбы простить им магоненавистничество. Надежда на скорое светлое будущее витала рядом с Олесем.

В дверь постучали. Мягкими шагами вкралась Лилия в деловом костюме янтарного оттенка. Ее глаза улыбались хорошими новостями. Она ездила в лагерь, чтобы определить последствия минувшей борьбы. Матвей за прошедшие три дня успел стать заместителем лидера. Катя и Лейсана были живы. Олесю ничего более для счастья и не нужно было.

— Они рвались приехать, — Лилия позволила себе сесть рядом.

— Так что я их не вижу?

— Нельзя рисковать. Пусть в Министерстве разберутся с преследованием магов, прежде чем позволять членам лагеря выходить за дозволенные пределы. Лагерь я восстановила, его не тронут. Думаю, победа за нами. За тобой.

С минуту Лилия молчала. Олесь знал, что у нее, как и у многих других, накопились вопросы.

— И все же, колишь, в чем секрет? — наконец спросила она. — Неужели все дело в утерянном чанке? Или энергия веры «затвердела», стала чанком... м-м-м... веры? То есть ты поверил, что подаришь любовь миру — все благодаря этому? И появятся ли у людей способности?

— Можно я пропущу вопросы? Я устал думать, а мне еще нужно сдать кровь многим-многим лю... — внезапный приступ кашля заставил Олесья прикрыть рот и опустить стыдливый взгляд.

— Боже... — прошептала Лилия. — Ты умираешь!

Подавив кашель, Олесь слегка приподнял уголки губ.

— Или начинаюсь на Норадвсептицхуме. Знаешь, почему на самом деле люди, обретя чувство, умирали в первые же дни? Потому что они не успевали кого-нибудь полюбить так, как я Матвея. Любовь к кому-то определенному исцеляет. Она — щит, а вера — оружие. И я не умру, пока во мне остается хоть капля ее энергии.

Лилия объяла Олесья. Он почувствовал, как слезы ведьмы касаются его шеи.

— Я — твоя должница. И сделаю все, чтобы ты жил. Ни за что не позволю чертягам-ученым выжать из тебя все. Спасибо за любовь.

«Спасибо за веру», — подумал Олесь.

Глава 24. Романтики продолжают дышать

Холодные волны накатывали на камни, будоража кожу ступней. Легкий ветер резвился в волосах Матвея. Бревно, на котором он сидел, отсутствием тепла намекало на скоро приходящую осень. Сзади кто-то прошелся по песку. Матвей оглянулся и поднял брови, увидев Олесь. Странно, что его шаги были уверенными, а не неуклюжими, как обычно.

Подскочив с бревна, Матвей кинулся обниматься. Но объятия его удивили еще больше. Что-то в Олесе изменилось.

— Ты какой-то... другой, — с настороженностью заметил Матвей.

О смерти Лилии он уже знал. В Министерстве сказали: несчастный случай. Но Матвей не верил, ему было ведомо, что Лилия запрещала лабораторным трудоголикам забирать у мага кровь. Она мешала им добраться до материала — чем не причина убить? И теперь опустошенный, словно гранат от зерен, после десятков переливаний парень с грустью глядел в лицо Матвея.

Матвей вытянул ноги, усевшись на песке, Олесь же на них лег головой.

Пятнадцать часов назад Лилия еще оживляла его болтовней по телефону: «Помяни мои слова, в честь него создадут орден любви имени Азарова, который будет помогать магам в борьбе с дискриминацией. Скоро Министерство признает их частью общества. А мы не верили, что к этому лежал мирный путь».

«Мирный ли? — подумал Матвей. — Члены Министерства стаей волков вгрызлись в Олесь как в ягненка. Испили до дна. Обычных граждан обделили, все себе. Как бы их жадность не сгубила».

— Если я буду кашлять, ты не переживай. Так и должно быть, — чуть улыбнулся светловолосый.

Поглаживая его волосы, Матвей размышлял как лучше попросить прощения.

— Катерина и Алексей теперь действительно любят друг друга, — сказал вдруг Олесь.

— Врешь? — Матвей с нежностью усмехнулся.

— Может... Они же столько дел натворили, что, наверное, друг другу зверьми кажутся.

Неловкость и стыд забились в Матвее. Олесь, может, по-прежнему видел Матвея зверем, каким он был, когда называл Олесь ничтожной крупинкой. Когда обвинил в том, что он верит в сказки. Когда называл любовь людям ненужной.

Быть может, ничтожная крупинка спасла планету. Где зарождается любовь — там зарождается и мир.

— Меня отпустили. Потому что Министерству я больше не нужен.

— Прости.

Олесь чуть приподнял голову и кашлянул.

— За что?

— За мое «темное» поведение. Тебе достался злой и очень вредный пессимистичный. Но ты меня изменишь. И если ты хочешь спасти мир без революций, подлостей и пакостей, я готов. Хочешь, стану шествовать, держа трафарет с надписью «Миру мир, войне — «Нет!»? Я стану делать все, что потребуешь. Потому что...

Теплый палец коснулся губ Матвея. Убрав палец, Олесь подмигнул, закрыл глаза и нагло попросил:

— Поцелуй.

Матвей наклонился над парнем. Черные волосы коснулись лица и вместе с тем Матвея посетило пугающее чувство одиночества. Слегка поцеловав, он понял страшную правду. Олесь глаза уже не откроет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net